Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

3

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

•

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ТРЕТИЙ

•

ПЕРЕВОДЫ

•

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

•

ИЗ ПОЭЗИИ СОВЕТСКОЙ
ГРУЗИИ

•

ПИСЬМА
1921—1958

МОСКВА
"ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1984

Р2
З-12

Составление
Е. ЗАБОЛОЦКОЙ, Н. ЗАБОЛОЦКОГО

●

Примечания
Е. ЗАБОЛОЦКОЙ. Л. ШУБИНА

Оформление художника
Д. ШИМИЛИСА

З $\frac{4702010200-178}{028(01)-84}$ подписное

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

ВАЖА ПШАВЕЛА

●

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

АМИРАНИ

Вставай, Амирани, довольно дремать,
Пора черемши быстроногому дать.
Тому, кто отвергнут, и сон не к лицу,
Лишь горе да слезы под стать молодцу.

Народное сказание

Стоит он, могучий,
Прикован к скале.
Тяжелою тучей
Печаль на челе.

Под цепью старинной
Скрещение рук.
Глаза паутиной
Опутал паук.

Одетый в скопленье
Тяжелого льда,
Склонил он колени
В былые года.

И меч его ржавый,
Печалью томим,
Овеянный славой,
Застыл перед ним.

Ни люди, ни боги
Не вспомнят о том,
Как дэвьи чертоги
Он рушил кругом.

И ждет только песик,
Единственный друг,
Когда же он сбросит
Железины с рук.

И лижет он цепи
Века напролет
И в горы и степи
Страдальца зовет.

Но только оковам
Подходит конец,
В молчанье суровом
Приходит кузнец.

И снова и снова
Он молотом бьет,
Покуда оковы
Опять не скует.

И снова несчастный
Стоит под горой...
Когда же безгласный
Воспрянет герой?

Когда Амирани
Наденет доспех
И слезы страданья
Сменяет на смех?

Как только в просторы
Протянет он меч,
И долы и горы
Поймут его речь.

Поля содрогнутся,
И небо вскипит,
И звезды взовьются
Под самый зенит.

Забудет о муке
Скопление вод,
И, вытянув руки,
Оно запоет.

И грянут раскаты
Громов, и тогда
За правду распятый
Воскликнет: «Беда!»

И над наковальней,
Разбитой во прах,
Тюремщик опальный
Заплачет в горах.

ПО УЩЕЛЬЮ ТЯНУТСЯ ТУМАНЫ

По ущелью тянутся туманы,
Поднимаясь с каменного дна.
Радуются, словно басурманы,
Что земля во мрак погружена.
Все в глазах слилось и потемнело,
Зря гляжу на горные хребты.
Горе мне! Не греет больше тело
Солнышко из этой темноты.
Так возьми ж, проклятый сумрак ночи,
Жизнь мою и растопчи во прах,
Вырви сердце, выклюй эти очи,
Загрызи, безжалостный, в горах!
Ты куда стремишься в путь-дорогу,
Черный ворон, страж моих полей?
Поспеши хоть ты мне на подмогу,
Обними меня и пожалей.
Улетим отсюда мы с тобою
В дальний путь, в неведомый простор,
С милою простимся стороною,
Не увидим больше этих гор.
Полетим мы, ворон, над горами,
Понесемся в дальние края,
Обольемся горькими слезами
Вдалеке от милых — ты и я!

ГОРЫ СПЯТ

В ущелиях сгрудилась мгла.
Как братья, заполнив просторы,
К телам прижимают тела
Вечерние темные горы.
Луны опечаленный лик
Глядит из нахмуренной тучи,
И плещет в ущелье родник
И плачет о чем-то певуче.
Вот всхлипнул он, тяжко дыша,
Откликнулся эхом несмелым
И смолк... И как будто душа
Рассталась с измученным телом.

Росой освежая листы,
Дохнула прохлада тумана
И вниз потекла с высоты,
Скитаясь в горах неустанно.
И в этих извилинах мглы
Укрылись орлы и орлицы,
И с ними на ложе скалы
Замолкли и прочие птицы.
Сидят они, клюв опустив,
Безжизненны, серы, понуры...
С высокой горы под обрыв
Бесшумно спускаются туры.
Здесь черною шалью ночей
Закутано горное горло,
И отблеск последних лучей
Туманное небо простерло.

Погасли пастушьи огни,
Ни конь не мелькнет, ни прохожий,
Лишь дикие звери одни
У каменных воют подножий.
На башнях дозорных застав
Нигде не видать караула.
Не виден по вмятинам трав
Разбойничий след из аула.
Один только звездный хорал
Доносит напев колыбельный:
«Привет вам, скопления скал!
Да сгинет ваш недруг смертельный!

Когда бы погибли и вы
В годины суровые эти,
До нас не дошло бы молвы
О том, что творится на свете!»

Вот слева глядит в небосвод
Гергети, могучий владыка.
Вот Борбала справа встает,
И плачет она, горемыка.
Вот души усопших земли
Сквозь горные движутся щели,
И звезды померкли вдали,
И горы вокруг потемнели.
Найду ль я дорогу? Навряд!
В горах по ночам страшновато.
Они же без просыпу спят,
И в мире им нет супостата.

ГОРА И ДОЛИНА

Почему глядишь высокомерно
На долину, гордая гора?
Потому что ты крута, наверно,
А она полога и пестра?
Подымая льдистые вершины
И сверкая снежной сединой,
Ты гордишься чащами калины,
Горными цветами и травой.
Но взгляни в долину, на дорожки,
На сады, что зреют впереди, —
Это ль не жемчужные застежки
На расшитой золотом груди?
Иль тебе и розы не по нраву,
Иль тебе плоды не по нутру,
Или кахетинского на славу
Ты не хочешь выпить на пиру?
Не тебе ль сестра она родная —
Та долина, полная плодов?
Кровь героев рдеет, орошая
Эту зелень пастбищ и садов!
К ней стремятся, полные форели,
Реки, упадая с высоты.
На ее фундаменте доселе,

Укрепясь, владычествуешь ты.
Нет, гора, не следует гордиться
Перед той, с кем связана всегда, —
Стоит ей сквозь землю провалиться,
С ней и ты исчезнешь без следа!

СТОН БЕСКОНЕЧНЫЙ

I

Вершину с вершиной сливая,
К скале прилепилась скала.
Природа от края до края
Ущельями их иссекла.
В горах, где нога человека
Еще не ступала досель,
Насильники дэвы от века
Слывут господами земель.
Ни волка тут нет, ни куницы,
Здесь тур не живет, круторог.
Чуждаются даже лисицы
Диковинных этих берлог.

В угрюмом убежище дэва,
Пугающем издали нас,
Одна только Горная дева
В вечерний является час.
Дитя красоты и соблазна,
В ущелье, где плещет родник,
Она, молода и прекрасна,
Вздымает пленительный лик.
Ее расплетенные косы
Девический кутают стан,
И в косах — блестящие росы,
И волосы словно туман.
Блуждая в горах до рассвета,
Поет она песнь в тишине
И дарит улыбку привета
Поднявшейся в небо луне.
Когда же луна золотая
Опустится в сумрак ночной,
И звезды, бледнея и тая,
Погаснут одна за другой,
И ангел в небесное било

Ударит навстречу заре,
И души людей из могилы,
Как тени пойдут по горе, —
Тогда лишь умолкнет певица
И вновь удалится туда,
Где между каменьев струится
Ручья ледяная вода.
В пещере укроется дальней
Под грохот подземных ворот,
И станет темней и печальней,
Чем был до сих пор, небосвод.

II

Над скопищем гор громоздится
Скала из огромных камней,
И ястреб, отважная птица,
Не смеет приблизиться к ней.
Из этой скалы вознесенной
Томительный слышится стон,
Землею и мхом приглушенный.
И страшен и тягостен он:
«О боже, творец мирозданья,
Услыши молитву мою!
Немыслимо эти страданья
Терпеть мне в родимом краю!
Доколе, о боже, доколе
Нам муки от дэвов терпеть?
Коль жить невозможно на воле,
Позволь бедняку умереть!
Взглянуть бы хоть глазом единым
На светлое царство земли,
Где реки сбегают к долинам,
Где горы синеют вдали!
Где плавают в небе, сверкая,
Днем солнце, а ночью луна,
Где, злом и добром промышляя,
Людские живут племена!
Поднять бы мне меч мой и снова
Рубить и рубить наповал
Обидчиков мирного крова,
Разбойников каменных скал!
Быть может, весь люд перерезав,

Они уже кости грызут,
А я, сокрушающий бесов,
Томлюсь, замурованный тут!»

ЖАЛОБА МЕЧА

— Заржавел ты, славный горда,
Плесень тронула ножны.
Иль тебя хозяин гордый
Снять не хочет со стены?
— Сгинул, сгинул мой хозяин,
Пал в сраженье за Шамхор,
Сорок раз в бою изранен,
Пролил кровь у края гор.
Удалец Тамар-царицы
И защитник очага,
Он, зажав меня в деснице,
Устремлялся на врага.
Нынче мир подобен лавке,
Доблесть нынче не в цене,
Оттого и я в отставке
Плесневею на стене.
Здесь меня в уплату долга
Часто лавочник берет,
И тогда лежу я долго
На прилавке возле счет.
Миновало семь столетий
С той поры, когда картвел,
Просыпаясь на рассвете,
И точил меня и пел.
Почему, на радость людям,
Вновь не скажет мне герой:
«Меч! Коль славы не добудем,
Не воротимся домой!»

ОЖИДАНИЕ

Как пушинка, к вершине горы
Прилепилась полоска тумана,
И задумалась там до поры,
И в пути задержалась нежданно.
Привлекаемый запахом скал,

Веет там ветерок с небосвода.
Как Иуда себя проклинал,
Так себя проклинает природа.
— Что ж ты, тучка, прижалась к скале
И чего ожидаешь в тревоге?
— Приглядись, человече, к земле:
Враг стоит у меня на дороге.
Иль не видишь, что засухой здесь
И поля и сады опалило,
Что народ убивается весь
И житье ему больше не мило.
Вон с какой безутешной мольбой
Взор ко мне устремило селенье,
Дескать, дождиком землю омой,
Упаси от беды-разоренья!
И задумалась я, и гляжу,
И молю всемогущее небо,
И прибавить мне силы прошу,
Чтоб поля не оставить без хлеба.
Нагруженная тяжким дождем,
Я бы стала великою тучей
И на всем протяженье моем
Как поток разразилась могучий.
Я хочу, чтобы пел соловей,
И, склонясь на груди перевала,
Я с зажженной свечою моей
Перед господом богом стояла.

БАКУРИ

— Элизбар, поведай людям,
Что у вас случилось в Его,
Как проклятые лезгины
Захватили дом Бакури?
— Не хочу терзать я сердце
Этой старою печалью.
Что слова! Великой силой
Славен доблестный Бакури!
Мне ж, несчастному, отныне
Остается лишь могила.
— Почему ты унижаешь
Сам себя такою речью?
— Потому что я не в силах

Лгать и хвастать понапрасну!
Не помог я там герою,
Жизнью сладостной прельстился...
Если б вы могли увидеть,
Как сражался там Бакури!
Не простит вовек мне совесть,
Что живым я в плен попался, —
Мысль об этом униженье
До сих пор меня терзает,
И, потупившись, брожу я,
Разогнуть не в силах спину.
— Элизбар, но ты ж не струсил,
Не бежал, а если в битве
Невредимым ты остался,
В том греха большого нету.
Много разного народу
Нам об этом говорило,
О тебе никто доселе
Не сказал худого слова.
Расскажи нам все, как было,
Утоли желанье наше!
— Подошло большое войско,
Окружили нас лезгины.
Целых восемь дней из ружей
Мы из крепости стреляли.
Сами женщины, спасибо,
Нам отмеривали порох.
На восьмые сутки видим —
Истощились все запасы,
Вышел порох, вышли пули,
Нету сил сопротивляться.
Без воды, без сна, без пищи
Истомились мы, ослабли,
Изменил нам рок неверный —
Пусть врагов постигнет то же!
И пошли, пошли лезгины,
И ударили внезапно,
И досталась наша крепость
Гулхадарцам и дидойцам.
«Стойте, люди! Что такое? —
Крикнул в ужасе Бакури. —
Как же мы детей и женщин
Отдаем врагу на гибель?
После этого позора

Разве можно жить на свете?»
И душа его, как пламя,
Разом вспыхнула, и сердце,
Как кремень, окаменело,
И зажглись огнивом очи.
«Лучше собственной рукою
Я убью их!» — он воскликнул
И жене своей и детям
Снес он головы, безумец.
И рванулся он к воротам,
Я вослед за ним рванулся
И заметил, как, взлетая,
Засмеялся меч героя.
И двенадцать он лезгинов
Уложил мечом в воротах
И, когда ослабли когти,
Лег тринадцатым на землю...

БЕРИКАУЛИ

Точит меч Берикаули,
Думу думая свою.
Водит каменным точилом
По стальному лезвию.
Уж давно свой меч старинный
Не снимал он со стены —
Заржавел клинок булатный,
Села копоть на ножны.

Собирается толпою
Перед старцем молодежь:
— Что с тобою, дед, случилось?
На кого ты в бой идешь?
Без тебя осиротели
И топор твой и коса!
Хмурит бровь Берикаули,
Слыша эти голоса.

— Неразумные вы дети!
Иль не знаете о том,
Сколько я махал доныне
И косой и топором!
Стар уж я. В лесу и в поле

Протекла вся жизнь моя,
Но за пазухой не дремлет
Подколодная змея!

Кто подаст мне корку хлеба?
Где мой нищенский обед?
До сих пор молчал я, дети,
А теперь терпенья нет.
Не косой — мечом булатным
Помахать пришел черед,
Может быть, хоть он сегодня
От врага меня спасет.

И взметнул Берикаули
Брови, полные седин.
— Полно, дед! Ведь молодые
Выйдут в битву как один.
— Нет, — вздохнул Берикаули. —
До тех пор, пока седой
Не падет на поле битвы,
В бой не выйдет молодой!

ОСЕНЬ В ГОРАХ

I

Похолодало. В тумане
Горы слились и ущелья.
Листья на желтом платане
Словно отведали зелья.
Что ж это вы задрожали,
Рощи, как будто в испуге?
Что ж это вы поскидали
Летние ваши кольчуги?
Что ж это поздней порою
В горе, тоске и бессилье
Вы пред холодной зимою
Голову быстро склонили?
Только олень круторогий
Бродит, кустарник ломает,
Громко трубит на дороге,
Самку к себе подзывает.

II

Точат осенние тучи
Н*а* землю долгие слезы,
Смотрят на горные кручи —
Где тут фиалки и розы?
Припоминая о лете,
Влагу несут для растений,
Но и родителям дети
Стоят подчас огорчений.
Нету ни роз, ни фиалок,
Нет ни в горах, ни в долинах,
И бесприютен и жалок
Мир без растений невинных.
И огорченные тучи
Мечутся, слезы роняя,
И уплывают, могучи,
В сторону дальнего края.

Ночью покрылись мгновенно
Снегом крутые высоты.
Кончив с покосами, сено
Мечут крестьяне в ометы.
Некогда медлить народу,
Ибо, по здешним приметам,
Прахом пойдет в непогоду
Все, что сработано летом.
На небе звезды мерцают,
Стелется по полю иней.
За нос морозец кусает
Ночью холодной и синей.
В небе косяк журавлиный
С севера вытянут к югу,
Стелется выводок длинный,
В теплую мчится округу.
Крылья раскинув устало,
Целые сутки несется.
Только б погода стояла —
Птица с пути не собьется.
Только б орлы не напали
В остервенении диком!
Вон как встревожены дали
Птичьим рыдающим криком!

III

Вот уж и овцы в долину
Двинулись — стадо за стадом,
Словно большую лавину
Вниз понесло водопадом.
С ними козлы-верховоды,
Сабли рогов обнажая,
Движутся, как воеводы,
Видом своим поражая.
Рядом, бесхвостые с детства,
Важно шагают собаки —
Это наилучшее средство
От нападенья во мраке.
Вслед за собаками кони
Вместе с рогатой скотиной —
Все они как на ладони
В пойме Арагвы долинной.
Видно, горе поневоле
В мире почета не стало.
Все ее чтили, доколе
Клевером стадо питала.
Ныне ж, когда оскудела
И до весны разорилась,
Тварь, как от хворого тела,
Прочь от нее устремилась.
Только горе ли бояться?
Лишь зацветут ее склоны,
Снова к ней твари слетятся,
Словно на падаль вороны.
Вновь без стыда и смущенья
Будут топтать ее травы,
Снова пастушьи строенья
Выстроят возле дубравы.

Эх ты, гора-горемыка!
В наших селеньях покуда
С мала мы все до велика
Жили с тобою нехудо.
Летом кормила нередко
Горца ты, словно хозяйка,
Грела его, как наседка,
Будь он простой попрошайка.
Летом долина на взгорье

Лезет и требует пищи,
И пропитание вскоре
Прячет в своем кулачище.
Вот почему она в холод
Как изобильная чаша
И утоляет наш голод,
Словно кормилица наша.
Пусть же прославится богом
Вместе с горой и долина!
Горы и долы во многом —
Благословенье грузина.
Скажет им всякий спасибо,
Кто не заменит рассудка
Чревом бессмысленным, ибо
Существованье — не шутка.
Горы спасают от зноя,
Долы скрывают от стужи.
Ждут от обоих покоя
Наши смиренные души.

IV

Что тут поделаешь! Лето
Сгинуло, нет его боле.
Птицы в сиянье рассвета
Не распевают на воле.
Взяв топоришки и косы,
Пилы повесив на спину,
Пшавы спешат на покосы
И на работу в долину.
Все их с тоской провожают,
Ждут не дождутся возврата...
Дома очаг окружают
Женщины, старцы, ребята.
Дети, немыты и голы,
Скачут и бегают в сенцы.
Плачут, завернуты в полы,
Лежа по люлькам, младенцы.
Вся небольшая лачуга
Ходит от стука чесалки.
Женщины друг подле друга
Трудятся, сидя у прялки.
Ветер поет завывая,
Хлопает дверью дарбаза.

Старца гурьбой окружая,
Требуют дети рассказа.
Этих рассказов зимою
Не перескажут им деды —
Как стародавней порою
Бились они до победы.
Тут же мы варим хинкали,
Следуя древним заветам.
Те, кто хоть раз их едали,
Век вспоминают об этом.

V

Часто под звуки чонгури
Мы развлекаемся пеньем,
Чтобы не спятить от дури
В сумраке этом осеннем.
Деньги — для многих утеха,
Нам же не надобны банки —
Нам для веселья и смеха
Пляшут по-пшавски горянки.
Рядом в веселом задоре
Скачет толпа ребятишек,
И невеликое горе,
Если иной без штанишек.
Собранный женщиной или
С речки ослом привезенный,
Хворост горит в изобилье,
Светит очаг разожженный.
О, как бывает приятно
Телу от этого жара!
Также для сердца отрадно
Слышать и песнь сазандара.
Путник, прибывший из Рачи,
Широкоплечий и бритый,
Всем пожелает удачи,
Дудкой гудя знаменитой.
Сладостно, как Тариэла,
Он вознесет и урода.
Та, что лишь беды терпела,
Станет утехой народа.
Мы над смешным посмеемся,
Над безутешным поплачем.

Если ж на пир соберемся,
То попоем и поскачем.
Стоит захныкать ребятам —
В рот им сушеную грушу,
И, величая себя там,
Пьем мы за милую душу!

VI

Вот на исходе пшеница,
Нету в запасе ни пуда,
Хоть с молотьбой торопиться —
Правило здешнего люда.
Осенью мы не успели
Снять своевременно злаки,
Ливни за нею летели,
Как за хорунжим казаки.
Уж ничего мы не мелем —
Всем жерновам остановка.
Мельники свыклись с бездельем.
Где их былая сноровка!
Кое-как держатся пшавы!
Мельники женского пола
Сами пускают поставы,
Ищут зерно для помола.
Тут что ни шаг, то и ссора,
Следом за ссорой и драка.
Можно ль не драться, коль скоро
Ринется в бой забияка!
Если толкач деловито
Ходит, стучит над пшеницей, —
Будьте спокойны, что Чито
Сладит с любой озорницей.
С ней и Этури и Дута —
Злая свекровь и невестка.
Кто б ни обидел, но тут-то
Вовремя будет отместка!
Этим воинственным бабам
Только б ругаться да драться.
Где уж там мельникам слабым
С ними, шальными, тягаться!
Чито страшней, чем берданка,
Все ее знают замашки.

Дута с Этури-шайтанкой —
Как занесенные шашки.
Горе тебе, коль с такими
Встретишься ты в одиночку!
Мельник и тот перед ними
Не заведет проволочку.
Он понимает прекрасно,
Что безнадежно ругаться,
Что тяжело и опасно
С ними тремя состязаться.

VII

Осенью с каждым мы разом
Зорче глядим на вершины;
Низко ли, меряем глазом,
Снег опустился в ложбины.
Близится зимнее время,
В наши заходит пределы,
Тащит тяжелое бремя —
Насморки, кашли, прострелы.
Скалит нам зубы, хохочет,
Ластится и лицемерит,
Но навсегда опорочит
Тех, кто обману поверит.

VIII

Только охотники рады
Да смельчаки звероловы:
К ружьям готовят заряды,
Вновь на охоту готовы.
Вот уж по первому снегу
След протянулся олений.
Рядом медведи к ночлегу
Шли вдалеке от селений.
Белки большими хвостами
Куньи следы заметают.
Туры с витыми рогами
К горным вершинам шагают.
К ним не подступишься, даже
С собственной жизнью играя.

Все же охотники наши
Рыщут от края до края.
Вот и снежок закружился,
Словно пришли мукосеи,
Пухом на кровли спустился,
Запорошил галереи.
Много нам зимними днями
Вытерпеть горя придется!
Бросьте же хворосту в пламя,
Ешьте, что дома найдется!
Тем, кто остался без пищи,
Худо в несчастии этом.
Стонет от холода нищий,
Как говорится, и летом.
С ним остается мечтанье
О неизведанном счастье,
Благо, что есть основанье —
Зимнее это ненастье...

ОРЕЛ

Я видел: окруженный вороньем,
Упал орел, не в силах отбиваться.
Еще хотел бедняга приподняться,
Да уж не мог, и лишь одним крылом
Уперся в землю, и потоком крови
Весь обагрился, к смерти наготове.
Проклятье вам, стервятники могил!
В несчастный день меня вы сбили, гады!
А то бы я сегодня без пощады
Все ваши перья по ветру пустил!

УТЕШЕНИЕ ПОЭТА

Утешен я и жажду утешенья:
Душа пылает пламенем горнил.
К родной стране приверженный с рожденья,
Я в этом мире зла не сотворил.
О, кто бы видел, в час изнеможенья
Как я рыдал, какие слезы лил!

Отдав земле присущее земное,
Небесное я небу отдавал,
Не пресмыкался, мысля о покое,
Парил как сокол возле этих скал.
Украсил я и горы и долины
Красою слов и ныне у огня
Картлийцы, кахи, и имеретины,
И абахезы слушают меня.

Чтоб славных дедов чествовали внуки,
Я тени предков вызвал из гробниц,
Облобызал их доблестные руки,
Оплакал шрамы мужественных лиц.
Я оживил рукой животворящей
Останки их величественных тел,
Вернул булат им острый и блестящий,
Венки на них лавровые воздел.

Как летний дождь в степи необозримой,
Я напоил иссохшие поля.
В моей душе не гаснет лик любимой —
И этим тоже утешаюсь я.
Не мыслил яму рыть я для соседа,
А тех, кто рыл, клеймил я день и ночь.
Не отнимал у ближних я обеда,
Но сам стремился ближнему помочь.

И пеньем труб и громом барабана
Я о любви к собратиям взывал.
Я вдунул душу в тело истукана,
Вложил язык в уста немые скал.
Я изукрасил царственною статью
Любую травку... В эти времена
Поистине небесной благодатью
Была рука моя осенена.

ПЕСНЯ

Ты на том берегу, я на этом,
Между нами бушует река.
Друг на друга мы с каждым рассветом
Не насмотримся издалека.

Как теперь я тебя поцелую?
Только вижу смеющийся рот.
Перейти сквозь пучину такую
Человеку немыслимо вброд.

Не пловцы мы с тобой, горемыки,
Нет ни лодки у нас, ни руля.
Не ответит нам небо на крики,
Не поможет нам в горе земля.
Целый день ожидая друг друга,
Мы смеемся сквозь слезы с тобой.
Я кричу, но не слышно ни звука —
Всюду грохот и яростный вой.

Умирает мой голос тревожный,
Утопающий в бурной реке...
Как теперь я в тоске безнадежной
Проживу от тебя вдалеке?
И не лучше ли смерть, чем томленье,
Чем бессильные эти слова?
Нет, пока ты видна в отдаленье,
До тех пор и надежда жива!

ПЕСНЯ ЖЕНИХА

Увидал я тебя босоногую,
Пробегающую через двор.
Куропаточкою-недотрогою
Ты порхала по выступам гор.

Кто вскормил тебя грудью, любимая, —
Роза или фиалка полей?
Черноокая и нелюдимая,
Ты — владычица скорби моей.

Как сиротка без рода, без племени,
Не спеши от меня, не спеши!
Подари мне хоть капельку времени,
Не губи человечьей души.

Чтобы люди тебя не обидели,
За тебя я погибну любя.
Пусть твои не болеют родители,
Мне бы только увидеть тебя!

ПАМЯТИ ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ

О, как тяжко ноет сердце,
О, какая в теле дрожь!
Д. Гурамишвили

Дед мой славный и предтеча!
Снова я стишки крою
И, склоняясь, издалеча
Лобызаю тень твою.

Верный сын родного края,
Изнемогший от шипов,
Ты о чем, ко мне взывая,
Умолять меня готов?

Все зовут меня поэтом,
Я же Лаба, старый бык.
Под ярмом на свете этом
Нас немало, горемык.

Видишь, я без одеянья,
У жены — одно тряпье,
И одни твои рыданья —
Пропитание мое.

Потрудиться сердцем надо,
Чтоб сварить такой обед,
Но лишь он моя отрада
И спасенье с малых лет.

И, хоть нет трудам предела,
Продолжаю я алкать,
И меня за это дело
Ты не должен обвинять.

То бренчу я на чонгури,
То царапаю стишки,
То рыдаю, полный д у р и, —
Видишь сам мои грешки.

Впрочем, может быть, забота
Мне действительно к лицу.
Помогите ж, ты и Шота,
Неискусному певцу!

Вся душа моя в томленье,
Вся в огне гортань моя.
Перед вами на колени
Упадаю, нищий, я.

Дайте мне, играя в Лело,
Завершить победный путь
И, представ пред вами, смело
В очи ясные взглянуть!

ПОЧЕМУ Я СОЗДАН ЧЕЛОВЕКОМ

(Песня)

Почему я создан человеком?
Почему, исполненный красы,
В сонме туч, в высоком мире неком
Не рожден я капелькой росы?
Отчего никто меня не мечет
Ни дождем, ни вьюгою с высот?
Чем иным владыка мой излечит
Грудь мою от горя и забот?

Взял бы он меня к себе обратно
И не разлучался бы со мной,
Чтоб не жить мне в мире безотрадно,
Не бороться с горькою судьбой.
И, любуясь солнцем и сверкая,
Плыл бы я в безбрежные края, —
Сверху небо, снизу грудь земная,
Оба вместе — родина моя.

Как бы любовался я ватагой
Этих гор, взирая с высоты!
Там, моей напитанные влагой,
Поднялись бы вешние цветы.
Отдавал бы сердце молодое
Утром солнцу, вечером луне.
Орошал иссохшую от зноя
Эту степь в родимой стороне.

Превращенный в снежные кристаллы,
Не грустил бы я и в холода,
Ибо, сверху падая на скалы,
Умирал бы там не навсегда.

Был бы я лишь несколько мгновений
Как бы мертв, а там, глядишь, опять
Возвратился в этот мир весенний,
Чтоб его с улыбкою обнять.

ПИСЬМО СОЛДАТА ПШАВА

Мать, фиалкой голубою
Расцвети на этот раз,
Не терзай себя тоскою,
Не томи слезами глаз.
Тот, кто ранен был в сраженье,
Не обижен здесь судьбой.
Все мы живы, тем не мене
Завтра вновь уходим в бой.

Здесь любой боец дивится
Дивной стойкости грузин:
Так велит Тамар-царица,
Мы птенцы ее дружин.
Мы о Грузии мечтаем
Здесь в России день и ночь,
Боевым трудом желаем
Нашей родине помочь.

Благоденствие отчизны
Мы не даром достаем —
За него мы наши жизни
И здоровье отдаем.
Здесь на каждого героя,
Светозарен и могуч,
С высоты в разгаре боя
Упадает длинный луч.

Здесь, на радость всем картвелам,
В полуночной вышине
Некий муж, прекрасный телом,
Пролетает на коне.
Скачет он в ночном пожаре,
Шашку вытянув вперед.
Мать моя! То сам Лашари
Нас на подвиги ведет.

Но, когда умолкнут ружья
И разрывы батарей
И тревога и удушье
Из души уйдут моей, —
Снова мысленно я с вами,
Где чесалки слышен стук,
Где омыла ты слезами
Пряжу мне на архалук.

Коль ты слезы пролила там,
Будет крепок он вдвойне,
Не пробьешь его булатом,
Не сожжешь его в огне.
Ночь давно, а ты о ложе
И не думаешь ничуть...
Дай тебе, великий боже,
От заботы отдохнуть!

Снова трубы затрубили,
Снова надобно туда,
Где пальба, где в изобилье
Кровь струится, как вода.
Лишь бы жить родному краю,
Лишь бы не было беды!
Но зачтут ли нам, не знаю,
Наши ратные труды.

Не достался бы в добычу
Воронью родимый край!
Снова трубы в битву кличут,
Снова гонят нас... Прощай!
Где пальба, где кровь людская —
Снова надобно туда.
Я иду. Твой сын, родная,
Не был трусом никогда.

ЗАВЕЩАНИЕ

Не нужно жаловаться, дети,
На то, что много разных дел
Не довершили мы на свете
И вам оставили в удел.
Увы, наш век был веком чувства,

Мы жили горестью одной,
И не познали мы искусства
Спасенья родины больной.
Неподходящий для геройства
И неподатливый весьма,
Наш век губил живые свойства
Людского сердца и ума.
Бараташвилевский Мерани
Теперь вам грезится опять,
И снова нас томит желанье
О судьбах Грузии узнать.
Ужель мой стих, облит слезами,
Погибнет здесь, в родном краю?
О, если б крикнули вы сами
В могилу тесную мою:
«Забудь, поэт, свои печали,
Загробных слез своих не лей:
Сыны отцов, мы тоже встали
За дело родины своей!»

●

ГОГОТУР И АПШИНА

(Старинный рассказ)

I

Во всем роду Миндодаури,
Как говорят в селенье Бло,
Один Апшина, полон дури,
Худое выбрал ремесло.
Он грабит недруга и друга,
И, словно ханская казна,
Его разбойничья лачуга
Добром захваченным полна.

Но нам известно и другое:
Сильней Апшины — Гоготур,
Чуть только двинет он рукою —
На землю падает хевсур.
Однажды, полон восхищенья,
Изволил царь о нем сказать:
«Мой Гоготур в пылу сраженья
Сильней, чем тысячная рать.
Его десница из булата,
А сердце — кованая медь,
Любого может супостата
Он усмирить и одолеть.
Он сотни раз проверен мною.
Как ангел смерти, величав,
Толпу врагов перед собою
В смятенье гонит этот пшав.
Так ветер гонит вдаль солому,
Так ураган несет ладью...
Должно быть, служат удалому
Святые ангелы в бою».

Не раз просил его владыка
Собой украсить царский двор,
Но своенравный горемыка
Не захотел покинуть гор.

«О царь, — твердил он, — жизнь в долине
Не для меня. Подумай сам:
Какая выгода дружине,
Коль я спущусь в долину к вам?
Когда меня не овевает
Прохладный горный ветерок,
Моя душа изнемогает
И не могу я, видит бог,
Ни пить, ни есть... Томясь от скуки,
Брожу я в мире сам не свой.
Нет, мне не вынести разлуки
С моей родимой стороной!»

Одно тревожит Гоготура:
Уж в продолжение двух лет
Оружью пшава и хевсура
Работы подходящей нет.
Но он и дома не без дела,
Он землю пашет день-деньской,
Ворчит: «Война — так бейся смело,
А нет — размахивай косой.
Великий грех для земледела
Ходить с оружьем на разбой».

И мало, что ему неведом
Обычай зверский грабежа, —
Чтоб поругался он с соседом,
Не помнит ни одна душа.
Бывало, старую чинару
На плечи взвалит и несет
Иль за деревней Копча пару
Оленей вдруг подстережет.
Домой лишь к вечеру вернется,
Присядет возле очага,
Закурит трубку, а взгрустнется —
Пандури снимет с косяка,
Зальется песней удалою,
Да так, что вздрогнет потолок,
А коль притопнет вдруг ногою —
Земля уходит из-под ног.

II

Известно — женскую натуру
Не ставят издавна ни в грош:
Что ни приспичит бабе сдуру,
Хоть вынь ей, глупой, да положь!
И то ей надо, и другое,
И, как ты с нею ни хорош,
Болтает, не дает покоя,
А что болтает — не поймешь.
О славе мужа возмечтает —
Ей все другое — трын-трава!
Пусть грабит он и убивает,
Она одна во всем права.
Пусть он и кстати и некстати
Своим орудует мечом,
Лишь только б шелковые платья
Ей доставались нипочем.

Пристала баба к Гоготуру:
«На черта силища тебе,
Когда, бездельничая сдуру,
Всегда покорен ты судьбе?
Зачем тебе твое дреколье,
К чему тебе твой франкский меч?
Смотри, он рвется на раздолье,
Чтоб головы летели с плеч,
А ты ни с места. Поневоле
Слезами должен он истечь.
Коль ты и вправду молодчина,
Ударь кого-нибудь мечом!
Хоть оборви башку с кистина,
Но возвратись с его добром.
Болтают люди: у Апшины
Весь конь украшен серебром».

«О чем ты мне толкуешь, баба? —
Сердито отвечает муж. —
Мозги ворочаются слабо
Иль от безделья мелешь чушь?
Мне жизнь бы вмиг осточертела,
Когда б я ел чужой кусок,
И не твое, болтунья, дело
Судить-рядить про мой клинок.

Чесала б лучше шерсть, дуреха,
Носки вязала б для ребят.
Махать мечом тогда неплохо,
Когда нагрянет супостат.
Еще не кликнул царь могучий:
«К оружью, славный мой народ!
Пускай из Пшавии дремучей
Выходят воины в поход,
Пусть Гоготур, подобный туче,
Их в бой за родину ведет!»
Нет! Видно, время не приспело
Мой меч из ножен вырвать вон;
Рубить врагов он может смело,
Но для друзей не страшен он.
Когда грозили басурмане
И шли с оружием на нас,
Я гнал их войско с поля брани,
Как стадо туров гонит барс.
Я семь мечей до рукояти
Иссек в боях, кинжал — восьмой.
Коль ты не ведьма в бабьем платье,
Скажи, к чему упрек мне твой?»

«Да я к тому клоню, несчастный,
Что не кормилец ты семье.
Что пользы дому, коль опасный
Твой враг в позоре и ярме?
Подумаешь! А что с собою
Принес с войны ты, кроме ран?
Кичиться славою одною
Не сладко, если пуст карман!»

И в огорчении великом
Поднялся витязь, полный сил,
И, подпоясав чоху лыком,
Свой меч на пояс прицепил.
Огромный, тяжкий, словно древо,
С женой он спорить перестал,
На спину щит закинул слева,
Кремневый справа самопал
И так сказал: «Довольно брани!
Поеду я на мир взглянуть.
Быть может, и твои желанья

Исполню я когда-нибудь!»
И, усмехнувшись на прощанье,
Пустился витязь в дальний путь.

III

Была весна. Цвели фиалки.
Надев весенний свой убор,
Цветами покрывались балки,
И зеленели склоны гор.
Последний стаял снег в лощинах.
Расселись птицы по кустам.
Самец-олень, рога раскинув,
К зеленым тянется листам.
Мир под весенним покрывалом
Глядит спросонок в глубь реки,
Где мчит Арагва вал за валом,
Ломая камни на куски.
Сочится влага вниз по скалам,
В верховьях тают ледники.

У камня древнего Копалы,
С глубокой думой на челе,
Пшав, наподобие обвала,
В своем качается седле.
Навстречу доблестному мужу,
Веселой песнею звеня,
Какой-то всадник гонит лурджу —
Голубоватого коня.
Привыкший к крови и победам,
Нарядной чохою покрыт,
Летит гулякой он отпетым,
Лишь пыль летит из-под копыт.
Увидел витязя Апшина
И усмехнулся, удивлен,
И наскочил на исполина
И грубо выругался он,
И меч его блеснул старинный,
Рукою дерзкой обнажен.

Разбойник рвется в бой опасный,
Как подобает удальцу:
«Сдавай оружье, пшав несчастный,

Оно бродяге не к лицу!
Ну, что глядишь, беды не чуя?
Зовут Апшиною меня!
Живей, не то скажу мечу я:
— А ну-ка, сбрось его с коня!»

И захотелось Гоготуру
Узнать поближе молодца.
«Взмолюсь-ка, думает, хевсуру,
Прикинусь, будто я — овца.
Пойдет ли он на преступленье
Или беднягу пощадит?
Неужто в нашем он селенье
Не по заслугам знаменит?»
«Да что ты, братец? Да за что же? —
Сказал он вслух. — Ведь я не пес!
Я человек, как ты, и тоже
Я не в навозной куче рос.
Коль и взаправду ты Апшина,
Побойся бога, удалец!
Ведь без меча я не мужчина,
Ведь без оружья мне конец.
Как снова сяду на коня я,
Как посмотрю на солнце я?

«Не муж ты — тряпка ты дрянная!» —
Родная скажет мне семья.
Неужто я не лучше тряпки?
Молю тебя, воитель скал,
Не заставляй ходить без шапки,
Чтоб издевался стар и мал.
Ты человек великой славы,
И я не враг тебе, герой.
Коли избавишь от расправы,
Навеки раб я буду твой».

«Не время, пшав, болтать с тобою,
Снимай оружье с дюжих плеч!
Должно быть, редкостного боя
Твое ружье и дорог меч.
Уже семь дней, как никого я
Не мог в ущелье подстеречь.
Снимай ружье без промедленья,

Не то заставлю жрать песок,
И поплывешь ты по теченью,
Как пень, обрушенный в поток!»

Снял Гоготур свой меч старинный,
И щит, и верный самопал,
И поравнялся он с Апшиной,
И неожиданно сказал:
«Итак, гоняясь за добычей,
Ты предаешься грабежу?
Стой, негодяй! За твой обычай
Тебе я череп размозжу!»
И злоба в сердце Гоготура
Неистовая поднялась,
И он сорвал с седла хевсура,
Избил его и бросил в грязь.
Лежит грабитель на дороге,
Позеленевший, чуть живой,
Хотел бы встать, да руки, ноги
Скрутил противник бечевой.
Скрутил и молвит: «Если сдуру
Тебя терпели до сих пор,
Ты захотел и Гоготуру
На шею сесть, проклятый вор?
Ты не хотел послушать пшава,
Тебе злодейство нипочем,
За это я имею право
Теперь владеть твоим мечом.
Твой конь мне также пригодится,
Не откажусь и от копя,
Ему ль служить у нечестивца?
Пусть лучше служит у меня».

Весь почернев, лежит Ашпина,
Горит от злобы и стыда.
Бормочет: «Что за чертовщина,
Откуда эта мне беда?
Ты с виду, витязь, словно туша,
И неуклюж, и неудал.
Но как я доблестного мужа
В твоем обличье не узнал?
Тебя зовут непобедимым,
И впрямь ты крепок, словно тур.

Хотел бы я, чтоб побратимом
Ты был мне, славный Гоготур!
Хоть стыдно мне, но заклинаю —
Мои доспехи возврати,
А нет — так я предпочитаю
С твоим кинжалом спать в груди».

«Ага, теперь ты стал умнее,
Теперь-то ты увидел сам,
Куда ведут твои затеи
И каково сносить их нам!
Что может быть на свете хуже,
Чем потерять свой добрый меч?
Коль отдал муж свое оружье,
Ему осталось в землю лечь!
Забыл ты господа, Апшина!
Мы оба в Грузии живем.
Так как же смеешь ты, детина,
Обезоруживать грузина,
Когда враги кишат кругом?
Зачем, бессовестный бродяга,
Ты всюду рыщешь, словно вор,
Как черноухая собака,
Чужой обнюхиваешь двор?
Ты голоден? Скажи об этом,
Я дам баранины бедро!
А ты мошенником отпетым
Чужое копишь серебро!
Махать мечом тебе охота?
Ты на рожон желаешь лезть?
Найдется и тебе работа —
Врагов у нас немало есть!
Когда их сотня устремится,
Чтобы стереть тебя в песок,
И утомится вдруг десница,
И переломится клинок,
Но ты другой клинок достанешь
И, налетая на отряд,
Врагов рубить не перестанешь,
Весь потный с головы до пят, —
Тогда скажу я, что достоин
Носить ты меч, что ты герой,
А коль не так — какой ты воин?
Ты хуже бабы, милый мой!

У тех, кого ты мог доныне
Громить и грабить без стыда,
Отваги нету и в помине,
Им биться с витязем — беда.
Ходить бы им за бабой следом
Да пресмыкаться у крылец!
Жаль, что доселе был неведом
Тебе удалый молодец.
Нет, мне не впрок твое оружье,
Ходившее кривым путем, —
У Гоготура меч не хуже,
Кинжалов, ружей полон дом.
Вставай, Апшина, бог с тобою,
Бери оружье и коня!
Но помни: хвастаясь собою,
Не забывай и про меня.
Будь мне свидетелем, Копала,
Ты в честь Хахматского Креста
Все то, что здесь с тобою стало,
Откроешь людям дочиста!»

И, развязав Апшине руки,
Беднягу поднял Гоготур,
И встал Апшина, полон муки,
И так сказал он, слаб и хмур:
«Считал столпом непобедимым
Себя я, глупый, но теперь
Сидеть мне дома нелюдимом
И нос не высунуть за дверь!
Давай друг друга мы обнимем,
Я полюбил тебя, поверь!»

И обнял витязя Апшина,
Поцеловался с удальцом
И тотчас вынул из хурджина
Бурдюк, наполненный вином.
Враги под старою чинарой
Расположились на привал.
Апшина, рог наполнив старый,
Такую здравицу сказал:
«Живи, могучий пшав, доколе
С небес спускается роса,
Пока под солнцем зреет поле,
Пока качаются леса!

Покуда куль базарной соли
Не принесет нам муравей,
Пусть Крест Лашарский в сей юдоли
Хранит тебя рукой своей!»

И слово здравицы ответной
Сказал Апшине Гоготур:
«Пусть и тебя тропой заветной
Ведут святыни, мой хевсур!
Чуждайся, витязь, святотатства,
Простись навеки с грабежом,
И пусть отныне наше братство
Цветет и крепнет с каждым днем!»

И серебра с ножон кинжала
Апшина в водку наскоблил,
И каждый, как друзьям пристало,
Свой рог охотно осушил.
В довольстве, дружбе и веселье,
Как дети матери одной,
Они друг другу песни спели,
Обычай справив вековой,
И, напоив коней в ущелье,
К себе отправились домой.

IV

Еще далеко до рассвета,
Хоть глаз коли от темноты.
Могильным саваном одеты,
Томятся горные хребты, —
Они и посредине лета
Стоят, закованные в льды.
Одни лишь туры там гуляют
Над крутизною диких скал.
Да из ущелья завывает
Хевсурской речки мутный вал.

Вот на окраине селенья,
Подъехав, кто-то стукнул в дверь:
«Жена, вставай без промедленья,
Не время нежиться теперь.

За бабью глупость ты отныне
Крестом Хахматским проклята,
Ты не чета теперь Апшине,
Как месяц солнцу не чета.
Прими неистового лурджу,
Возьми кольчугу и клинок,
Отдай их доблестному мужу,
Кто первым вступит на порог.
Пусть он, мечом моим владея,
Получит даром и коня.
Ты слышишь, что сказал тебе я?
Зачем не смотришь на меня?
Уж не ездок я в чистом поле,
Теперь я бедный домосед,
И от несчастной этой доли
Спасенья мне на свете нет!»

Прошло три месяца. С постели
Больной Апшина не встает.
Забыв про удаль и веселье,
Вздыхает он и слезы льет.
Он раны сердца удалого
Не залечил, не рассказав,
Как лиходея-пустослова
Смирил в бою могучий пшав.
Во всем признался он общине,
Он ничего не утаил
И пред святынею отныне
Смиренно голову склонил.

V

Хевсуры-воины в Хахмати
Справляют празднество. У врат
Святой молельни, словно братья,
Мамука с Миндией стоят.
Вон Хирчла к капищу подходит —
Муж, закаленный на войне.
Очей с воителей не сводят
Их жены, стоя в стороне.

Хевсуры пиво льют рекою,
Вздымают кубок круговой,
Овечьи головы горою
Уже лежат перед толпой.
И, выходя из низкой двери
К толпе, собравшейся вокруг,
Творит дидэбу хевисбери...
Апшина, ты ли это, друг?

Благоговея пред святыней,
Он молит небо за народ:
«Будь нам заступником отныне,
Святой Георгий, наш оплот!
Храни десницей нас нетленной
От поражений и обид,
Чтоб был во всех концах вселенной
Хевсурский воин знаменит!»

Но есть в народе слух упорный,
Что на краю селенья Бло,
Едва лишь полог ночи черной
Покроет сонное село, —
Не раз слыхали над рекою
Хватающий за сердце стон:
«Увы мне, мертвому герою!
Не я ль при жизни погребен?»

АЛУДА КЕТЕЛАУРИ

(Из хевсурской жизни)

I

В Шатиль ворвался верховой,
Кричит: «Беда! Кистины-воры
Чинят на пастбище разбой
И лошадей уводят в горы!»
На сходке, чтимый всем селом,
Алуда был Кетелаури —
Муж справедливый и притом
Хевсур, отважный по натуре.
Немало кистов без руки
Оставил он на поле боя.
У труса разве есть враги?
Их много только у героя.
Теперь они средь бела дня
Его похитили коня
И гонят весь табун к высотам
Через Архотский перевал,
Чтоб конь ногами потоптал
Луга, поросшие осотом.
Алуда, слыша эту речь,
Отбил кремень, проверил пули
И наточил свой верный меч —
Благословенный свой франгули.
Чтобы клинок не оплошал,
Эфес попробовал ладонью...
И вот — рассвет. И сокол скал
Летит за кистами в погоню.

Встречая солнечный восход,
Индейка горная поет,
Собаки дремлют возле стада.
В горах приметив след копыт,
Алуда по следам летит.
А вот и те, которых надо!
Галгайцу-вору одному
Плохая выдалась минута:
Послав заряд вослед ему,
С коня свалил его Алуда.

Скатился книзу головой
Злодей, застигнутый зарядом,
Но не сробел кистин второй
И за ружье схватился рядом.

И грянул гром средь тишины,
И сорвалась плита в ущелье,
И на Алуду с вышины
Осколки пули полетели.
«Не ранен ты, неверный пес?» —
Галгаец закричал сердито.
«Промазал ты, неверный пес, —
Гуданский Крест — моя защита».
И снова пламя пронеслось —
В кистина выпалил Алуда.
«Что, получил, неверный пес?»
«Ой, не бреши, я цел покуда!»
Ты цел? А шапку ты забыл?
Эге, Муцал, не зазнавайся,
Ведь я насквозь ее пробил!
Спалило волосы, признайся!»
«Высок, бедняга, твой прицел,
Ты череп пулей не задел!»
И грянуло ружье Муцала,
И у хевсура на боку,
На радость меткому стрелку,
Пороховницу разорвало.
«Ужель ты цел, неверный пес?» —
Опять кричит Муцал сердито.
«Как видишь, цел, неверный пес, —
Гуданский Крест — моя защита.
Гуданский Крест — заступник мой,
Он укрепил мою десницу.
Не думай, что окончен бой,
Коль ты пробил пороховницу.
Теперь, уж коль на то пошло,
Не должен я в долгу остаться!»
И пуля просвистела зло
И раздробила грудь галгайца.
«Ну, каково, неверный пес?» —
Вскричал Алуда торжествуя.
«Пробил ты грудь, неверный пес,
Теперь недолго проживу я.

О горе! Середь бела дня
Досталась жизнь моя Алуде.
Убил он брата и *меня*, —
И это ль божье правосудье!»

Но не желает умирать
Муцал и струйку черной крови
Травой пытается зажать,
Держа оружье наготове.
Собрав все мужество свое,
Стреляет он врагу навстречу,
И снова промах, и ружье
Бросает он с такою речью:
«Владей же им, неверный пес,
Ему не место у другого!»
Едва он это произнес,
Как на устах застыло слово.

Но чудо! — мрачен и понур,
Не смотрит на ружье хевсур
И слезы медленные точит,
И, хоть добыча *дорога*, —
Неустрашимого врага
Обезоружить он не хочет.
Ружье с насечкой дорогой
Кладет на труп, залитый кровью,
Влагает в руку меч стальной,
Кинжал приладив к изголовью.
Заветам древним вопреки,
Не рубит правой он руки,
Грехом не хочет оскверниться.
И шепчет трупу он: «Муцал,
Ты как герой в сраженье пал,
Была крепка твоя десница!
Пускай она истлеет в прах,
Покоясь на могучем теле,
Чтобы не радовался враг,
Прибив ее в своем ущелье.
Хорошую ты мать имел,
Коль от нее таким родился!»
Кистина буркой он одел,
Покрыл щитом и удалился.

II

Блеснуло солнце с высоты,
Исчез туман, пропали тени.
Как дэвы, горные хребты
Прижались к небу в отдаленье.
Крыла могучие открыв,
Поднялся ястреб — недруг птичий.
Вслед за орлом пронесся гриф,
За даровой спеша добычей.
Десятки туров в ледниках
Рассыпались. На их рогах
Господня милость опочила.
В овраге ворон-людоед,
Почуяв пред собой обед,
Кричит пронзительно-уныло:
«Погиб Муцал, любимец гор,
Глаза я выклюю герою!»
И крылья хищник распростер
Над неподвижной головою.

Еще в Шатиль не долетал
Луч восходящего светила, —
Природа выступами скал
Все небо там загородила.
Алуда едет сам не свой,
Спешит домой над горной кручей.
Лицо его покрыто мглой,
Из сердца медленно плывущей.
К седлу прицеплена, висит
Десница младшего кистина,
Меч хорасанский, знаменит,
Покрыт чеканкою старинной.
Алуда едет возле скал,
Где башня высится Имеды.
Зимой грохочет здесь обвал,
Чиня бесчисленные беды;
Здесь летом пули в стену бьют,
Потоки гор бегут к жилищу
И гриф, безжалостен и лют,
Парит, высматривая пищу.
Но нерушима в сердце гор
Имеды башня вековая,
И вражьи руки до сих пор

Висят на ней, под солнцем тая.
Напрасно беспощадный змей
Подножье башни подгрызает, —
Сегодня ливень бьет по ней,
А завтра солнце засияет.
Что ж делать? В схватках боевых
Немало юношей лихих
Здесь распростилось с головами,
Не раз ардотский злобный вал
Потоки крови принимал
И клокотал под берегами.

Кому вражда всего милей,
Кто сеет бедствия повсюду,
Тот должен в хижине своей
Людскую кровь собрать в запруду.
Пусть он ее из кубка пьет
И в хлебе ест и, словно в храме,
Хвалу святыне воздает,
Крестясь кровавыми руками.
И пусть он, радостный жених,
Гостей на свадьбу приглашает,
Пускай за стол сажает их
И в луже крови ублажает.
И пусть постель постелет в ней,
И пусть возляжет в ней с женою,
И народит себе детей,
И наслаждается семьею.
И пусть он мертвым ляжет тут
В свою кровавую гробницу...
Коль ты убил — тебя убьют,
Род не простит тебя, убийцу!

Гудит Шатиль. На кровли хат
Хевсурки высыпали роем.
Выходит с родичами брат,
Чтоб поздороваться с героем.
Узнать о новостях спешит
Народ, собравшись отовсюду.
«Хвала тебе, лихой джигит!» —
Толпа приветствует Алуду.
Вот выступает пред толпой
Старик по имени Ушиша,
И говорит ему герой,

Расспросы первые услыша:
«Я за кистинами чуть свет
Отправился через отроги
И, заприметив свежий след,
По краткой их нагнал дороге.
Их было двое. Одного
Сразил я быстро иноверца,
Муцал же, бог спаси его,
Имел железо вместо сердца».
«Что мелешь? Место ли в раю
Неверной басурманской твари?»
«Ушиша, доблесть я хвалю,
Ее не купишь на базаре!
Три раза бил в меня Муцал,
Три раза выстрелил в него я,
И третья пуля наповал
Сразила славного героя.
Но рану он заткнул травой,
И в исступленье беспримерном,
Теряя силы, чуть живой,
Меня ругал он псом неверным.
Эх, лишь себя считаем мы
Людьми, достойными спасенья,
А басурманам, детям тьмы,
Пророчим адские мученья.
Все, что твердим мы невпопад,
Сыны господни лучше знают.
Едва ль всю правду говорят
Те, кто о боге вспоминают.
И понял я, что отрубить
Десницу храбрую негоже,—
Убудет слава, может быть,
Но голос сердца мне дороже».

В ответ кислее диких слив
Мгновенно сделались хевсуры
И, злобу в сердце затаив,
Сказали, пасмурны и хмуры:
«Уж лучше мертвым в землю лечь,
Чем врать тебе про эти страсти!
Ну что ж, сними, пожалуй, меч,
Брось бабам вместо ткацкой снасти.
Отдай и щит им заодно,
Чтоб подбивать основу ткани;

И пистолет немудрено
Им превратить в веретено,
Коль ты покинул поле брани.
Ты убежал от кистов, пес!
Ты бабой стал! Убил Муцала,
А что ж десницу не привез?
Зачем тебя в погоню гнало?»
И повернулись все спиной
К Алуде, полные презренья,
И поднялись к себе домой,
И опустело все селенье.
Стоит Алуда одинок,
Насмешкой злобною уколот.
Впервые нынче, видит бог,
Его корит и стар и молод.

За спину свой закинув щит,
В селенье Миндия въезжает,
Весь в медной сбруе, конь храпит,
Клинок насечкою сверкает.
За многолетнюю борьбу
Герой прикончил двадцать кистов,
И конь его, с луной на лбу,
Был, как олень, в бою неистов.

Встречает Миндию село,
Алуду лает словом бранным.
Нахмурил Миндия чело
И возразил односельчанам:
«Брехать из вас умеет всяк,
Чтобы напакостить герою.
Пусть так же быстро сгинет враг,
Как я вам истину открою.
Не посчитаю я за труд
Слетать на место поединка.
Недаром мне известна тут
Любая горная тропинка.
Обратно ждите вы меня,
Едва закатятся Плеяды!»
И тронул Миндия коня
И вихрем прянул из ограды.

III

Стемнело. Плачет лоно вод,
Покрылся мраком небосвод.
Пора сиять вечерним звездам,
Пора росе упасть в траву
И мертвым душам наяву
Блуждать и плакать над погостом,
Вот дэвы из расселин скал
Выходят, сумрачны и хмуры.
Поужинав, чем бог послал,
Ко сну готовятся хевсуры.

«Алуда, съел бы хоть кусок», —
Алуду молят мать с сестрою.
«Не голоден я, видит бог,
Не знаю, что стряслось со мною.
Вчера приснилось мне, что я
На тризне был и чье-то тело
Лежало тут же и семья
Вокруг покойника сидела.
Готовые идти в поход,
Хевсуры плакали при входе.
Я с ними был и в свой черед
Рыдал, как принято в народе.
Уж было время выступать,
Вдруг призрак мертвого Муцала
Вложил мне в пальцы рукоять
Продолговатого кинжала.
Стальной кольчугою одет,
Стоял кистин со мною рядом,
И на груди был виден след,
Моим оставленный зарядом.
Сухою заткнутый травой,
Кровоточил он и дымился,
Но, как скала, стоял герой,
И ни единою слезой
Взор храбреца не увлажнился.
«Алуда, — он проговорил, —
Еще живу я против воли.
Ударь кинжалом что есть сил,
Чтоб не ходил я к людям боле.
Добей меня, чтоб я ушел
Из этой жизни безотрадной,

Чтоб были люди ваших сел
Враждою сыты беспощадной».
Я сел за стол, едва дыша,
Мне оправдаться было нечем.
И кто-то дал мне не спеша
Похлебки с мясом человечьим.
И в ужасе я начал есть,
А в миске клокотала пена,
И из нее то там, то здесь
Торчали руки и колена.
«Ешь! — кто-то крикнул надо мной. —
Что ты дрожишь при виде трупа?
Чтоб сытым гость ушел домой,
Прибавьте-ка Алуде супа!»
И снова ел из миски я,
Давился чьими-то усами...
Измучил этот сон меня,
Весь день стоит перед глазами».

IV

Порозовели гребни скал,
Туман сгустился на отроге.
Село проснулось. Засновал
Народ досужий по дороге.
Витая в небе голубом,
Взлетели грифы за добычей,
Но, как ни бьют они крылом,
На небе след не виден птичий.

Кто через речку вброд спешит,
Поит коня у водопоя?
«Вернулся Миндия!» — кричит
Народ, приветствуя героя.
«О чем узнал на этот раз?» —
С расспросом лезут пустомели.
«Эх, молоды вы! Кровь у вас
Еще кипит и бродит в теле.
Пока рассудок не в чести
И верховодит вами сердце,
Готовы голову снести
С любого вы единоверца.
Однако богатырский нрав
Не прихоть вам и не причуда.

Поистине Алуда прав,
Клянусь я богом, прав Алуда!
Не верите? Вот вам рука
В бою убитого кистина.
Не распускайте ж языка
Про тех, чья совесть неповинна».
И, приподнявшись на коне,
Он руку подает Алуде:
«Возьми, прибей ее к стене,
Чтоб на нее смотрели люди».

«Я сам бы мог ее отсечь,
Но мне не надобна десница.
Не подойдет она на меч,
На щит она не пригодится.
Не выйдешь с нею на покос,
Не сделаешь крючок для сена...
Напрасно ты ее привез,
И так в крови я по колено.
Коль в бога веруешь, молю,
Возьми обратно кисть героя, —
С тех пор как он погиб в бою,
Навек лишился я покоя.
К чему, хевсуры, вам галдеть?
Зачем вам злиться на Алуду?
Сражаться буду я, но впредь
Бесчестить мертвых я не буду».
«Нет, будешь! С дедовских времен
Десницы рубим мы кистинам!»
«Увы, хевсуры, плох закон,
Грехом отмеченный старинным!»

V

Настали праздники. Село
Спешит к молельне благочинно.
Чтобы от сердца отлегло,
Усердно молится община.
Немало женщин и мужчин
Пришло с быком или с бараном,
Чтоб принял жертву властелин —
Заступник их на поле бранном.
Кто с затуманенным челом
Подходит молча к хевисбери?

Клинок сверкает серебром,
Бычок стоит у самой двери.
«Скажи, Алуда, за кого
Приносишь жертву ты сегодня? —
Спросил с порога своего
Служитель капища господня. —
Наш властелин Гуданский Крест
Велик и силен над селеньем,
И все рабы его окрест
Сильны его благоволеньем.
Хевсуров любит властелин.
Поверь, средь них не ты один
Угоден праведному небу.
Кому ж ты хочешь честь воздать?»
И, обнажив кинжал, читать
Он собирается дидэбу.

«Я эту жертву приношу
За некрещеного Муцала.
Благослови ее, прошу,
Чтоб честь героя не страдала.
Исполни, Бердия, обряд,
Бычка я, видишь, не жалею,
Чтоб не попал галгаец в ад,
Подобно вору и злодею!»

«Что? Ты неверного почтить
Желаешь, как христианина?
Иль ты рехнулся, может быть,
Прикончив этого кистина?
Бывало, дед и прадед твой
Гордились каждою победой.
Побойся господа, герой,
Наветам дьявольским не следуй!
Как, не пойму я, сорвалось
Из уст твоих такое слово?
Впервые разве довелось
Убить тебе кистина злого?
Стыдись! Над башнею твоей
Десницы их висят от века.
Ты можешь мост через ручей
Сложить из них для человека.
Что толковать нам про быка!
Ты и козленка-сосунка

Не заколол за эти годы, —
И вдруг, извольте, славословь
Тебе собачью эту кровь
Из трижды проклятой породы!
Пусть небо наземь упадет,
Пусть вся земля испепелится,
Когда, несчастный сумасброд,
За киста буду я молиться!»

В досаде Бердия затих,
Затрясся в гневе у порога...
«Не отвергай меня, старик,
Коль ты взаправду веришь в бога!
Я — раб Гуданского Креста,
Хевсур я, преданный святыне,
И мы с тобою неспроста
Принадлежим к одной общине».
«Напрасно треплешь языком,
В беспутной речи мало толку!»

Алуда вспыхнул и лицом
Мгновенно стал подобен волку.
И выхватил он франкский меч,
И сталь на солнце засверкала,
И голова бычачья с плеч
Перед молельнею упала.
И молит господа герой:
«Не засчитай во грех, владыка,
Что жертву собственной рукой
Заклал тебе я, горемыка.
Не посчитай за лютый грех
Святую жертву за Муцала, —
Он был в бою отважней всех,
Таких героев нынче мало!»

И, ощетинившись в ответ,
Народу крикнул хевисбери:
«Смотрите, люди, ваш сосед
Уже не думает о вере!
Рукой он собственной заклал
Быка за подлого кистина!
Неужто думает бахвал,
Что пощадит его община?
Сомкнитесь около меня,
Сыны хевсурские! Покуда

Не пустим в дело мы огня,
Не образумится Алуда.
Пойдем размечем, разнесем
Его жилище! Пусть отныне,
Изобличенный всем селом,
Он ищет крова на чужбине.
Гоните прочь его ребят,
Жену, достойную проклятья!
Пускай в Гудани завопят
Его двоюродные братья!
Громите башню наглеца,
Сжигайте все запасы хлеба!
Пусть наши радует сердца
Огонь, поднявшийся до неба.
Его баранов и овец
Возьмите в общее владенье.
Да проклянет его творец!
Он недостоин сожаленья».

И стали сумрачны, как ночь,
Вокруг собравшиеся люди,
И даже Миндия помочь
Не в силах бедному Алуде.
Скрестил он руки, строг и хмур,
Едва удерживая слезы,
А из толпы шальных хевсур
Уже посыпались угрозы.
Ревет толпа пьяным-пьяна,
И лязг мечей подобен буре,
И побледневший, как стена,
Ударов ждет Кетелаури.

И в этот миг перед толпой
Мальчишек высыпала стая,
Сухой отрубленной рукой
Перед собою потрясая.
«Привет вам, мужи! Добрый час! —
Сказал один из них учтиво. —
Я кисть врага достал для вас,
В награду дайте ковшик пива.
Огромный ворон, друг могил,
Ее к утесу уносил,
Я выстрелил в него из лука,
И ранен был в крыло злодей,

И уронил он из когтей
Свою добычу возле луга».

«Хевсуры, — Миндия сказал, —
Вот та кистинская десница,
Из-за которой стар и мал
Сегодня ропщет и грозится.
Ее Алуде я принес,
Но он не взял ее, бедняга,
И я тогда же под откос
Швырнул ее на дно оврага».
«Нам песьи лапы не нужны! —
Воскликнул Бердия пылая. —
Мы не питомцы сатаны,
Хевсуры мы, владельцы края!»
И вновь десницу под откос
Швырнул собаке на съеденье,
Но не берет подачки пес,
Сидит и воет в отдаленье.
«Смотрите, — Бердия твердит,
Весь ощетинившись от злости, —
Народ недаром говорит,
Что пес не жрет собачьей кости!»
И руку киста на крючке
Мальчишки целый день таскают...

VI

Бушует вьюга. Вдалеке
Ущелья снегом засыпает.
Шумя и воя, с голых скал
В овраг срывается обвал,
В снегу тропинка потонула,
И синий лед и белый снег
Сковали лоно горных рек,
И не слыхать речного гула.

Кому там жизнь недорога?
Кто там бредет навстречу бедам?
Шагает путник сквозь снега,
И пятеро плетутся следом.
Завыли волки за бугром...
Рыдает женщина: «Беда мне!
Где наш очаг? Где отчий дом?

Теперь там ворон бьет крылом
И камня больше нет на камне».
Алуду умоляет мать:
«Постой, сынок, я ослабела,
Уж не под силу мне шагать,
Жена твоя отстала Лела.
Совсем ребята извелись,
Заледенели, видно, ноги...
Куда, забравшись в эту высь,
Бредем в снегу мы без дороги?
Неужто твой не нужен труд
Хевсурам нашего селенья?
Где мы найдем теперь приют?
Получим где успокоенье?
Куда б мы только ни пришли,
Нас обольют потоком брани,
И никогда родной земли
Мы не увидим в наказанье.
Теперь-то вижу я сама,
Как трудно с родиной расстаться!
Сошла от горя я с ума,
Пора в могилу собираться.
Тьма в сердце прянула столбом,
Дрожат, не двигаются ноги.
Где ты, могильный отчий холм,
Родные горные отроги?»

«Довольно, бабы, причитать! —
Алуда отвечал сурово. —
Иди вослед за мною, мать,
Пути не видно здесь иного.
Не накликайте гнев Креста,
О людях не судите худо!»
И на родимые места
Один лишь раз взглянул Алуда:
«Прощай, прощай, родимый дом,
Прощай, моя охота турья,
Где солнце мне светило днем,
Где по ночам стонала буря!
Прощай, мой Крест, мой властелин,
Податель силы и отваги!»
И путники среди теснин
Исчезли в холоде и мраке.
Оцепенели гребни скал,

Там ветер крылья распластал,
И за уступом перевала,
Где след метелью занесен,
Как отдаленный робкий стон,
Рыданье женщины пропало.

КОПАЛА

(Старинное сказание)

I

Померкло сиянье луны,
Попрятались звезд караваны.
Скитаньями утомлены,
Спустились в ущелья туманы.
Проплакав всю ночь напролет
И думая горькие думы,
Одни только горы с высот
Взирали на землю, угрюмы.
И где-то внизу, в забытьи,
Стекая по склону увала,
Сквозь мутные слезы свои
Арагва во тьме бормотала.
И плакала в чаще сова,
Печальница дикой пустыни,—
От горя живая едва,
Рыдает она и поныне.
И выло зверье по лесам
За темной стеной можжевелин,
И жалобы птиц к небесам
Летели из горных расселин.
Задумав напиться воды,
Олень показался в ущелье,
Но страшные дэвов следы
Вниманьем его завладели.
И прянул обратно рогач
При виде беды неминучей,
И к зарослям бросился вскачь,
И скрылся в дубраве дремучей.

Но вот замолчали леса,
И вой прекратился звериный,

И новых существ голоса
Возникли над самой долиной.
То там появляясь, то тут,
В обличии грозных колоссов
Угрюмые дэвы идут,
Спускаясь толпою с утесов.
Звериный у каждого взгляд,
Ладони в крови человечьей,
И бурки, свисая до пят,
Напялены сверху на плечи.
Идут друг за другом они,
Торопятся вниз к водопою,
И боже тебя сохрани
С такой повстречаться толпою!
Всё ищут каких-то примет,
Всё смотрят, спустившись с утеса,
Не смел ли какой дармоед
Напиться из речки без спроса.
Всё бродят в потемках ночных,
Туманные, как привиденья...
И, слушая возгласы их,
Молчит, притаившись, селенье.
Молчит, как кладбище, оно,
Смертельную чуя истому, —
Никто за водою давно
Не смеет здесь выйти из дому.
И звери в урочища гор
Уходят из чащи окрестной,
И птицы в небесный простор
Летят за росою небесной.
И сходит от жажды с ума
Несчастных людей вереница.
Брат брата убьет задарма,
Лишь только бы крови напиться!
А дэвы из груды костей,
Одной человечиной сыты,
Выводят ряды крепостей,
И нет от проклятых защиты.

Кто брата оплачет, когда
В селенье отчаялся каждый!
Кто дэвов рассеет стада,
Коль тело измучено жаждой?
Как только запахнет грозой

И туч обнаружатся пятна —
Злодеи взмахнут булавой,
И тучи уходят обратно.
Немногого недостает,
Чтоб смерть, воцарившись в отчизне,
Родной поглотила народ,
Присвоив название жизни,
Чтоб люди бродили в крови,
Чтоб стал безобразен и жалок
Венчающий образ любви —
Прекрасный венок из фиалок.
Кому они будут нужны —
И ясного солнца сиянье,
И сладостный пламень луны,
И трав молодых прозябанье.
И ласточек вешних полет,
И рокот ручья у селенья,
И вечный времен оборот,
И трель соловьиного пенья, —
Кому, если в мире земном
Исчезнет последний калека?!
И дэвы исчезнут притом,
Когда изведут человека.

Зачем не поможет господь
Своим обездоленным чадам?
Зачем не рассыплется плоть
У дэвов, пропитанных ядом?
Ужель он покинул людей,
Творец и владыка вселенной?
Ведь если являлся злодей,
Защитой он был неизменной.
Его мы привыкли считать
Заступником бедного люда.
Неужто его благодать
Не явит нам нового чуда?

II

В лесу все темней да темней...
Здесь дуб венценосный, осина,
И вяз, и ряды тополей
Сплелись меж собой воедино.

Луч солнца с великим трудом
Сюда проникает сквозь чащи,
Здесь стелется мутным пятном
Туман испарений пьянящий.
Сюда не ступала нога
Охотника и дровосека,
Лишь туры, раскинув рога,
Паслись в этой чаще от века.
Здесь лапами барса примят
Раскидистый дягиль к каменьям,
Здесь зверю следы говорят
О трепетном беге оленьем.
Родник из высокой травы
Здесь льется в ущелье рыдая.
Здесь жалобным плачем совы
Пернатых распугана стая...

Но чаща, где царствует зверь,
Украшена некой молельней.
Из камня устроена дверь,
На кровельке — крест самодельный.
Их с неба создатель хранит,
Трущоба скрывает стеною...
Но что там за старец стоит
С багряным щитом за спиною?
Он в правой руке булаву,
А в левой распятье сжимает.
Струясь из очей, на траву
Слеза за слезой упадает.
Зачем так печален старик?
О чем умоляет он бога?
Вдруг небо открылось и вмиг
Сверкнуло огнем у порога.
И сонмы господних сынов,
Таинственных и светлолицых,
Явились среди облаков
С мечами в простертых десницах.
И девять светил поднялось,
И множество лун засверкало,
И все мирозданье насквозь
Прозрачно и видимо стало.
И крикнули божьи сыны
Великому старцу Копале:

«Низринь супостатов страны,
Взмахни булавою из стали!
Господь призывает тебя
Отмстить за людей неповинных!»
И дэвы завыли, скорбя,
В урочищах гор и в долинах:
«Нас пламенем яростным жжет,
Обуглилась, лопнула кожа!
Смертельной отравой с высот
На нас ты обрушился, боже!»

III

И вздрогнули горы, и с гор
Посыпались камни в ущелье,
И руку Копала простер,
И стрелы его зазвенели.
Давимые глыбами скал,
От стрел убегая опасных,
Заполнили дэвы провал
Скоплением тел безобразных.
Кто вырастил эти тела,
Подобные скалам Гергети?
Какая трущоба могла
Взлелеять чудовища эти?
Как мог этот старец седой
Сразить их ударом единым?
Едва он взмахнул булавой,
Конец наступил исполинам!
Их головы не отрастут,
Сердца не научатся биться,
И гибнут проклятые тут,
Еще не успев расплодиться.
И смрадом несет на поля
От этих чудовищ безглавых,
И змеи, хвостом шевеля,
Из луж выползают кровавых.
«Умри, нечестивая рать! —
Гремит заклинанье героя. —
Настал вам черед умирать,
Восставшим на племя людское!
Куда ты бежишь от меня,

Насильник проклятый Бегела?
Ужель ты боишься огня,
Терзавший Пшаветию смело?»

И души погибших убийц
Посыпались в бездну стеная,
И там на повергнутых ниц
Бесовская кинулась стая.
Пристал, подбочась, сатана
С расспросами к новоприбывшим,
А те отвечают со дна:
«Мертвы мы и больше не дышим.
Пришел нам, несчастным, конец,
Смело нас волной огневою.
Какой-то великий храбрец
Побил нас своей булавою.
И вытекли наши глаза,
И силу утратило тело,
И жить нам под солнцем нельзя,
И тьма не укроет всецело».
Так темные силы земли,
Свой дом основав в преисподней,
Укрылись от мира вдали,
Гонимые силой господней.
Им сверху какой-то песок
На голову сыплется в безднах,
И в сырости каждый продрог,
И в снах изнемог бесполезных.
Куда им податься, скажи!
Подземные заперты двери.
Исчезли мечи и ножи,
Доспехов не видно в пещере.
И нету надежды, увы,
Разрушить препятствия эти...

IV

Светает. И в листьях травы
Алмазы блестят на рассвете.
Смеется Арагва. Ее,
Обратно в долину сбегая,
Приветствует хором зверье
И птичья приветствует стая.

И туры, рога опустив,
Торопятся к речке напиться,
И крылья раскинувший гриф
На трупы убитых садится.
А ланям спуститься к воде
Какая сегодня отрада!
Они побывали в беде,
Но все-таки выжило стадо.
И, вытерпев столько невзгод,
С кувшинами, полными снова,
Идет по дороге народ,
Приветствуя старца честного.
И вышел на правильный путь
Заблудшийся мир, и растенья
Торопятся влаги хлебнуть,
И слышатся крики оленьи.
И тигр с полосатым хвостом
Лакает из лужицы воду.
Как только он вынес, Ростом,
Тяжелую эту невзгоду!
И тучи плывут в вышине,
И тьма благодатна ночная,
И звездочки сонмом огней
Усеяли небо сверкая.
И сердце природы опять
Дивится величью вселенной,
И незачем миру страдать
С его красотой несравненной.
Смотри: уж фиалка вдали
Цветет, как невинная дева, —
Отныне невесте земли
Не страшно стенание дэва.

V

Все горы дождем исхлестав,
На землю гроза налетела.
«Куда ты несешься стремглав,
Душитель проклятый Бегела?»
Бегела бежит впереди,
К священной торопится сени
И, лапы скрестив на груди,
Встает перед ней на колени.

«Принес я, Копала, оброк,
Нарушил я предков заветы.
И щит мой возьми, и клинок,
И золото, и самоцветы.
Есть девять у дэвов пещер,
Наполненных доверху златом,
Доспехи на разный размер
Убором там блещут богатым.
Отныне все это твое,
Бери, запирай в погребицу!
И все же на племя мое
Напрасно ты поднял десницу.
Ужель ты не знал, что и мы,
Душой устремленные к богу,
Из мира печали и тьмы
Искали в бессмертье дорогу?
Хочу, чтобы с этого дня,
Когда я в великой печали,
Считал вседержитель меня
По святости равным Копале.
Могущества дэва лишен,
Добьюсь я божественной власти.
Не тот ли на свете смешон,
Кто сносит покорно напасти?
И что ты за воин такой,
Владеющий силой господней?
Я выше тебя головой,
А телом крупней и добротней!
Молись же скорее, старик,
Проси господина вселенной,
Чтоб в душу мою он проник
И силой облек несравненной.
Коль в сердце сойдет благодать,
Забуду я эту утрату
И буду тебе помогать,
Как брат благородному брату».
«Немало ты мне набрехал,
Немало наплел ты, гадюка!
Но бога опутать, бахвал,
Не слишком простая наука.
В слепом озлобленье своем,
Коль некуда стало деваться,
Ты хочешь, орудуя злом,
Добром, как щитом, прикрываться!

Ты черного мрака черней,
Вместилище яда и тлена!
Добро под рукою твоей
Во зло превратится мгновенно.
Чтоб в эти проникнуть дела,
Тебя я проверю сначала».

И крест над исчадием зла
Торжественно поднял Копала.
«Целуй!..» — И Бегела к кресту
Кровавою тянется пастью,
И корчится в смертном поту,
И бьется, застигнут напастью.
И грома раздался раскат,
И молния с неба слетела,
И, пламенем смертным объят,
Упал у порога Бегела.
Горит, как солома, злодей,
Ревет и хрипит у порога...
От тела убийцы людей
Осталось лишь пепла немного.
И в пепле отравленном том
Червей обозначились кучи,
Шипят они ночью и днем
И в лес уползают дремучий.
А там, в благодатном лесу,
Вся в темненьком платье из ситца,
Фиалка, скрывая красу,
О братце любимом томится.
Ей хочется света, тепла,
Умыться ей хочется в росах,
Но черви, наследники зла,
Ее замечают с утесов.
И корни кидаются грызть,
И волосы ей обрывают...
Затем и короткая жизнь
У нашей фиалки бывает.
Но сумеркам утро грозит,
И день ратоборствует с тьмою.
И гор отдаленный гранит
Туманной повит пеленою...

РАНЕНЫЙ БАРС

(Рассказ)

Растаял снег на солнцепеке,
Ручьи, звеня, скатились вниз.
Напившись в соляном потоке,
К вершинам туры поднялись.
И шла за ними всеблагая
Адгилис-дэда, Мать земли,
Поочередно окликая
Зверей, мелькающих вдали.
В горах, доселе неизвестных
И неприступных для врага,
Есть за стеною скал отвесных
Благословенные луга.
Там горный волк не страшен турам,
Там можно тихо отдохнуть,
Туда охотникам-хевсурам
Еще неведом долгий путь.
Внизу проносятся олени,
Мелькнут — и нету беглеца.
Но вот охотник в отдаленье
Заметил самку и самца.
Эх, не сдала б теперь кремневка!
Да разве их возьмешь вдали!
Прицелясь, выстрелил неловко,
Запахло дымом от земли.
Как горный вихрь, умчались звери,
Заслышав выстрел. Но пришлец
Решил, что здесь по крайней мере
Он близок к цели наконец.
Он трижды, потом истекая,
Пересекал оленям путь,
Но те неслись, не подпуская,
И успевали ускользнуть.
Конечно, если б он в теснины
Загнал хотя бы одного —
Шашлык отличный из дичины
Шипел на вертеле его.

В тот день гонялся он немало
По горным тропам вверх и вниз.

Бушуя, сердце в нем пылало,
Из уст проклятия рвались,
Но все напрасно... И бандули
Уже с его спадают ног,
Цриапи набок соскользнули,
Впиваясь в тело сквозь чулок.
Увы, упущенному делу
Ругательствами не помочь!
И удивлен охотник смелый,
Что день прошел и скоро ночь.
А день и вправду вечереет,
Скользят лучи по граням скал,
И волчья стая, как стемнеет,
К нему нагрянет на привал,
И тьма, как будто в преисподней,
Расстелется во всем краю...
«Неужто вправду я сегодня
Зверушки малой не убью!
Услышь меня, Адгилис-дэда,
И руку так мою направь,
Чтобы за мной была победа
И превратился сон мой в явь.
Он мне приснился прошлой ночью,
Он предвещал удачу мне, —
Позволь увидеть мне воочью
Все то, что видел я во сне».

Так Мать земли молил Тварели,
Покуда хлеба грыз кусок,
А сам за выступом ущелья
Следил, глаза уставив вбок.
Поросший свежим остролистом
И можжевельником густым,
Борщевиком покрыт пушистым,
Утес вздымался перед ним.
И купы сосен на вершине
Шумели, и у края скал
Родник, стекая посредине,
Охрипшим голосом журчал.
Откашливаясь всей гортанью,
Шумел над горной он стеной,
На окровавленные грани
Холодной брызгая волной.
И стон с вершины вдруг пронесся,

И сердце охватила жуть:
Могучий барс ревел с утеса,
На камне выгибая грудь.
Больную лапу простирая,
И желтолик и пестротел,
Он на Тварели, не моргая,
Глазами умными глядел.
И кровь из лапы поврежденной,
Стекая, падала в родник,
И зверь, как витязь побежденный,
Стонал, беспомощен и дик.
Как муж, застигнутый бедою,
Лежал в ногах он у врага,
Припав туманною горою
К холодным водам родника.

«Стреляй, охотник! Видишь зверя?
Пока не поздно, бей в него!»
«Видать-то вижу, но теперь я
Не трону брата моего.
Он, как и я, живет охотой,
И, подогнув конец полы,
Обходит долы и высоты,
Роняя камни со скалы».

Теперь и зверь признал Тварели,
И, словно к брату своему,
Приковылял он еле-еле
И лапу протянул ему.
И осмотрел охотник коготь,
И увидал кровоподтек,
И, засучив рукав по локоть,
Занозу длинную извлек.
То был прямой, продолговатый
Осколок острого кремня.
Подмытый ливнями когда-то,
Упал с вершины он, звеня.
Когда на небе звезды меркнут
И месяц катится, сверкнув,
Заночевавший в скалах беркут
Точил об этот камень клюв.
Но барс метнулся по откосу,
Завидев туров пред собой,
И впопыхах вогнал занозу
Под коготь мужественный свой.

Теперь, чтобы очистить рану,
Тварели вынул свой кинжал
И лапу барсу-великану
Куском холста перевязал.
И зверь, махая полосатым
Хвостом, помчался и исчез, —
Так исчезать дано пернатым
В высоком куполе небес.

Поправив сбитые бандули,
Дивится зверю человек:
Чтоб хищник сам бежал под пули, —
Такого не было вовек.
И вдруг раздался треск растений,
И слышен стал издалека
Бег перепуганных оленей,
Спасающихся от врага.
Впиваясь в заросли глазами,
Тварели смотрит, недвижим:
Крутя огромными рогами,
Олень несется перед ним.
И грянул выстрел из ущелья,
И после долгих неудач
Скатился под ноги Тварели
Пробитый пулею рогач.
И как победный клич звериный,
Вверху пронесся громкий вой,
И барс, мелькнув на миг единый,
Обратно кинулся стрелой.
Прошло мгновенье — на хевсура
Струя посыпалась земли,
И увидал охотник тура,
Стремглав бегущего вдали.
Застигнут пулей роковою,
Свалился зверь к подножью скал.
И снова, воя над скалою,
Барс удивительный стоял!
Стоял и лапою могучей
По-человечьи бил он в грудь...
Что говорить! Не просто случай
Погнал зверей на этот путь.
И вырвалось из уст Тварели:
«Благослови тебя, творец!»
А небеса уж потемнели,

И барс умчался наконец.
Одна лиса во мраке брешет,
Судьбу несчастную кляня...

Мой друг! Рассказ старинный этот
Прими в подарок от меня.

ЭТЕРИ

(Поэма)

I

Какие утесы кругом!
Какие безлюдные долы!
В глухом бездорожье таком
Не строят жилья новоселы.
Однако под сенью ветвей
Здесь хижина скрыта лесная.
Чинара склонилась над ней,
Ветвями ее осеняя.
Орешник и дикий копер
Хранят ее в чаще растений,
Но дальше, в окрестностях гор,
Людских незаметно селений.
Безмолвна древесная сень,
Лишь поздней порой урожая
Ревет там огромный олень,
Собратьям своим угрожая;
Да рвется с вершины обвал,
Да серна, спеша к водопою,
По выступам прыгает скал,
Да дятел колдует весною,
Да бьет в колокольчик фазан,
Наполнив окрестности звоном,
Да с песнею ветер-смутьян
Летит по долинам зеленым.

Привольный глухой уголок!
Одни только дикие звери
Здесь бродят и, словно цветок,
Растет сиротинка Этери.

Укрывшись в лесное жилье,
Цветет она, миром забыта,
Простая лачужка ее
Листами растений покрыта.
На низенькой кровле цветы
Лиловы, желты, синеваты.
Поет соловей с высоты,
Вдыхая цветов ароматы.
Поет он о милой своей,
Крылами во мраке колышет.
Как ночью поет соловей,
Этери печальная слышит.
«Ах, птичка, — бормочет она, —
Ах, милая пташка, откуда
Тебе эта песня дана?
Она — настоящее чудо!
О, если б мне только узнать,
О чем твои дивные речи!
О, если б мне птицею стать,
Заботы забыв человечьи!
О, если бы, песней звеня,
Умчаться мне к жизни свободной!
Заела старуха меня,
Что делать с змеей подколодной!»

II

Чуть глянет рассвет из окна
На сонные очи Этери,
Старуха, как уголь черна,
Кричит и бранится у двери.

Мачеха

Давно на дворе рассвело,
Скучает по овцам лужайка.
Ты долго ли будешь назло
Валяться в кровати, лентяйка?
Кой черт у тебя на уме?
Прости меня, господи боже!
Подохнет корова к зиме
И овцы от голода тоже.
Стара я, старуха, стара,
Болят и не гнутся коленки.
О чем ты с утра до утра

Мечтаешь, уставивши зенки?
Коль слушать не хочешь добром,
Возьмусь я за палку, чертовка!
Вставай, разрази тебя гром!
За чем у тебя остановка?

Этери

Эх, трудно на свете одной!
Не помню с младенчества мать я.
С утра над моей головой
Старухины эти проклятья.
Приснилась бы матушка мне,
Она приласкала б сиротку.
Хоть раз бы увидеть во сне
Улыбку ее и походку!
И день я и ночь на ногах,
Томлюсь от ненастья и стужи.
И холод, и звери, и страх,
И брань, и побои к тому же.
Каких еще надобно бед
В моем положенье убогом,
Когда с появленья на свет
Забыта я господом богом!

Этери с соломы встает,
На сердце привычное горе.
Но, господи! — весь небосвод
В ее отражается взоре.
Как взглянет, с огромных ресниц
Волшебное льется сиянье,
Минута, и склонится ниц
Пред нею любое созданье.
Степного джейрана стройней,
Идет она к двери несмело.
Косынка на шее у ней,
Овчиной закутано тело.
Ни пуговиц нету, ни бус
На этой убогой овчине,
Лишь хлеба вчерашнего кус
Лежит у пастушки в корзине.

За стадом овечек и коз
Этери бредет по поляне,
Двойными жгутами волос

Свой стан опоясав заране.
Пастушке моей недосуг
В лесу красоваться с косою:
Беда, коль заденет за сук
Иль обернется змеею!
А косы — как гишер они!
Такие ты встретишь едва ли!
Не лучше ль, чтоб целые дни
Ей тело они обвивали?
И дева бредет, не спеша,
И вяжет чулок поневоле...
О, как ты собой хороша,
Пастушка, ушедшая в поле!

III

Спасаясь в полуденный жар
В лесу, где река протекала,
Этери под сенью чинар
В глубоком раздумье стояла.
Вдруг слышит: в густом лозняке
Залаяла гончая свора,
Рожок затрубил вдалеке,
Послышались крики, и скоро
Мелькнул на опушке олень,
Предсмертным охвачен томленьем,
И юноша светлый, как день,
Промчался верхом за оленем.
Метнулась из лука стрела,
Олень повалился убитый...
Пастушка моя замерла,
Кустарником тощим укрыта.
Но быстрый охотника взор
Уже заприметил находку.
Глаза незнакомец протер
И снова взглянул на красотку.
И в самом разгаре забав
Вдруг сердце его закипело,
Как будто, поднявшись из трав,
Огонь охватил его тело.
Сгорела она от стыда,
Ресницы пред ним опуская...
И прыгнул с коня он тогда,
И к ней подошел, восклицая.

Годерзи

Пастушка моя, не дрожи!
Одна среди белого света,
Зачем ты тут бродишь, скажи,
В лохмотья и шкуры одета?

Отнялся у бедной язык,
Стоит перед ним — и ни слова.
Охотник нахмурился вмиг,
Коснувшись меча золотого.

Годерзи

Скажи, кто отец твой, кто мать?
Не скажешь — отведаешь стали.

Этери

Решил ты меня напугать?
Похвалят невежу едва ли!
Не слишком великая честь
На женщин с мечом ополчиться.
И чем я, несчастная, здесь
Могла пред тобой провиниться?

Годерзи

Откройся мне, милая, ты,
Наверно, живешь недалече,
Усталому слаще воды
Твои благодатные речи.

Этери

О чем мне тебе рассказать?
Забыла родное я племя.
Отец мой и милая мать
Погибли в военное время.
Я с мачехой скрылась в лесу,
Живу сиротинкою жалкой,
Овец и корову пасу,
Блуждая с пастушеской палкой.

Годерзи

Зачем же глядишь, как зверек?
Зачем отвернулась? Ужели
Плохое я вымолвить мог,

Обидев пастушку без цели?
Знать, тем ты, красотка, горда,
Что ликом ты сходна с луною.
Однако кой в чем без труда
Могу я сравниться с тобою.
Не пыль я, не жалкий отброс,
К тому же, господь мне свидетель,
Не враг я тебе, и всерьез
Мила мне твоя добродетель.
Открой же, красотка, уста,
Скажи свое имя, девица!
Быть может, его красота
С твоей красотою сравнится.

Этери

Что имя мое для людей?
Зовусь я с рожденья Этери.
У мачехи старой моей
Я редко бываю в доверье.
Лишь ругань одну да пинки
Доселе я в жизни видала.
Желаньям твоим вопреки
Красы в моем имени мало.

Годерзи

Какая бездушная дрянь
Заставила девушку эту,
Как будто бездомную лань,
Скитаться по белому свету?
Поверь мне: с прекрасной луной
Ты схожа, моя дорогая.
Так будь же мне милой женой,
Царевною нашего края.
Я — здешний царевич, я — сын,
Я — славный наследник Гургена.
Тебя я из этих долин
С собою возьму непременно.
Мой конь вороной, как стрела,
Умчит нас в столицу обоих,
Чтоб счастье свое ты нашла,
Блаженствуя в царских покоях.
О, как ты собой хороша,
Этери моя дорогая!

Молиться б тебе, не дыша,
Следы твоих ног лобызая!

Этери

Уж где мне блистать красотой!
Нет времени, витязь, на это.
Босая брожу день-деньской,
В простую овчину одета.
И каждый отмечен мой шаг
Суровой рукой провиденья...

Годерзи

О, дай же мне, милая, знак,
Что ты не отвергнешь моленья.
Ужели насмешкою ты
Ответишь на пламень сердечный?
Как жаль мне твоей красоты,
Цветок чистоты безупречной!

Этери

Не то, что женой твоей быть, —
Я ног твоих вымыть не смею.
Как можно о том говорить,
Я толком понять не умею.
В одежде из шкуры овец
Тебе я, царевич, не пара:
Рассердятся мать и отец,
Глядишь — и обрушится кара.
К тому же иной есть запрет, —
Молясь пред небесной царицей,
Дала я когда-то обет
Остаться навеки девицей.
Бродить по долинам вокруг,
Пасти это бедное стадо...
Мне ветер — единственный друг,
Цветы полевые — отрада.
Вдали от людского жилья
Я выросла, словно растенье;
Как скалы окрестные, я
Не знаю, что значит ученье.
Чем легким житьем соблазнять,
Величьем и домом богатым,
Позволь мне тебя называть
Судьбою ниспосланным братом.

Взгрустнулось пастушке моей,
Наполнились очи слезами,
И хлынул на землю ручей,
И поле покрылось цветами.
Здесь каждый цветочек с тех пор
Зовется Этери влюбленной.
Блажен ты, цветущий простор,
Слезами любви окропленный!

Годерзи

Не плачь, не печалься, мой друг,
Не сетуй в кручине напрасной.
Коль я для тебя не супруг,
Покину тебя я, несчастный.
Куда ж я, однако, пойду?
Все это пустая затея!
Покоя, увы, не найду
Без милой пастушки нигде я.
Величием царским одет,
Ужель ничего я не стою?
Ты дешево ценишь, мой свет,
Того, кто стоит пред тобою.
Царям сам господь повелел
Хранить драгоценностей груду,
Свершаются тысячи дел
По нашему слову повсюду.
Мы властны над жизнью людей,
Мы только пред богом в ответе,
Поистине выше царей
Людей не бывает на свете.
Царевич я, гордость отца,
В руках моих дивная сила,
И вдруг, как простого юнца,
Пастушка меня покорила!
Ведь пламень ты мой не зальешь
Водою с упорством девичьим.
Ну, чем я тебе не хорош?
Ужели не вышел обличьем?

Этери

О нет, ты прекрасен, мой брат,
Как солнце над нашей горою!
И в целой вселенной навряд
Кто может сравниться с тобою!

Но я ведь тебе надоем,
Заменит пастушку другая.
Ты клятвы, знакомые всем,
Забудешь, меня отвергая.
Я сердцем и духом чиста,
Мне будет претить беззаконье.
Я, верь мне, царевич, не та,
Чье место с тобою на троне.

Годерзи

О нет, никогда, никогда
Тебя я не брошу, Этери!
Зачем ты настолько тверда
В своем безграничном неверье?
Я богом, Этери, клянусь,
Гроша твои страхи не стоят.
Коль я от тебя отрекусь,
Пускай меня в землю зароют!
Земля да возьмет меня вмиг,
Когда, поддаваясь обману,
Я твой обожаемый лик
Всем сердцем любить перестану!
Пускай не допустит творец
Меня, недостойного, к трону,
Коль я, как бессовестный лжец,
Другую красавицу трону!
Поверь мне, Этери, прошу:
Любовь — не пустая затея.
Я шапку недаром ношу,
Мечом с малолетства владея.
Тебе я обет мой даю
По царской, по собственной воле.
Ответь же на просьбу мою,
Подругою будь на престоле!

Этери склоняется ниц,
Не выдержать девушке спора!
И черные копья ресниц
Очей заслоняют озера.
И снова бегут жемчуга
Навстречу лесным незабудкам...
Как видно, борьба нелегка,
Коль сердце не ладит с рассудком!

IV

Доносится издали зов,
Рога затрубили в округе.
В трущобах соседних лесов
Хватились царевича слуги.
Царевич ответ подает,
И, стрелы засунув в колчаны,
Выходит из лесу народ,
Толпой заливая поляны.
Звериный на каждом башлык,
Плащи сероваты и буры,
И сам спасалар среди них
В одежде из тигровой шкуры.
Завидев Этери, они
Бормочут, полны удивленья:
«Знать, ангелам божьим сродни
Небесное это виденье!»
«Ликуйте,—царевич сказал,—
Нас бог не обидел добычей:
Невесту я здесь отыскал,
Пленен красотою девичьей.
Седлайте скорее коней
И будьте заботливой стражей
Невесте любимой моей,
Царевне возлюбленной вашей!»
И пали пред нею рабы,
В пыли преклонили колена,
И жарко молились, дабы
Хранил ее бог неизменно.
Один только Шере молчал,
Советник и визирь угрюмый,
И взоры на деву метал,
Любовной охваченный думой.
Едва он завидел ее,
Как дьявол искусной рукою
Вонзил в его сердце копье
И страстью зажег роковою.
Отнялся у Шере язык,
Дрожа, обессилело тело,
И зависть к царевичу вмиг
Душою его овладела.
Он мечется взад и вперед,

Стоять он не может на месте,
И в сердце своем, сумасброд,
Мечтает о юной невесте...

Но вот, погрузив на коней
Косуль, куропаток, оленей,
Царевич с добычей своей
Долиною едет вечерней.
Трехдневный спеша переход
Закончить еще до восхода,
Царевич, ликуя, поет
Со всею толпою народа.
Ущелия, мрачны на вид,
Ему в стороне подпевают...
Одна лишь Этери молчит,
Одна лишь невеста рыдает.
Рыдает, припомнив ягнят,
Оставленных там, на опушке,
И страшно ей, что закогтят
Стервятники их без пастушки.
А небо мерцает огнем,
И в сумраке поле ночное,
И ночь, распростершись кругом,
Застыла в безмолвном покое.
Застегнут небесный кафтан
Застежкою из перламутра,
И долго скрывает туман
Сияние свежего утра.

V

Светает. Вершины холмов
Стоят, озаренные снова,
И ворон спуститься готов
В долину на запах съестного.
Друг друга зовет воронье,
Парит над землею кругами.
Этери, все стадо твое
Зарезано нынче волками!
Стряслась над старухой беда,
Все поле завалено мясом,
И коршун, слетая туда,
Теряет от радости разум.
Большие крыла опустив,

Стервятник шипит на соседа;
На них озирается гриф,
Кромсая остатки обеда.
А по полю взад и вперед
Старуха безумная скачет,
Старуха Этери клянет,
Считает овечек и плачет.
Платок с головы сорвала,
По горным вскарабкалась кручам
И долго пастушку звала,
Склоняясь над лесом дремучим.
Но лес, как убитый, молчал,
И долго над снегом обвала
Лишь эхо безжизненных скал
Старушечий вопль повторяло.

VI

Стоял на морском берегу
Дворец неприступный Гургена,
И башни на зависть врагу
Его окружали надменно.
Соваться сюда супостат
Боялся. За крепкой стеною
Устроен был редкостный сад,
Пленяющий сердце весною.
Фиалка и нежный нарцисс
Там дивной четою пестрели,
И роза цвела, и лились
Над ней соловьиные трели.
Однако невесел Гурген,
И птиц он не слушает боле,
И мрачно он ходит у стен,
Веселье забыв поневоле.
Чуть свет спасалар во дворец
Сегодня явился без зова,
И, принят царем, наконец,
Такое он вымолвил слово.

Спасалар

О царь, не сердись на меня
За то, что пришел я незваным.
Обязан обрадовать я

Известьем тебя долгожданным.
Твой сын себе выбрал жену,
Какой не отыщешь на свете.
Похожа она на луну,
Пошли ей господь долголетье!
Нам лица красавиц таких
В одних сновидениях снятся.
И ты не сердись, что жених
Решил без тебя обвенчаться.
Красавицы этой приход
Послужит нам счастья залогом,
Ведь судьбы людей наперед
Начертаны господом богом.

Как саван, Гурген побелел,
Услышав такое известье.

Царь

Ужели безумец посмел
Нарушить условия чести?
Но кто она родом? Княжна?
Иль царского дома девица?

Спасалар

О царь, мы не знаем. Она
Молчит и придворных дичится.
Твой сын ее встретил в глуши,
Вблизи от овечьего стада,
И в ней он не чает души,
Влюбленный с единого взгляда.

Царь

Лев, больше ни слова! К чему
Болтать, не внимая рассудку!
Ты сыну скажи моему,
Что я оскорблен не на шутку.
Кто, царь я ему? Или он
Со мною не хочет считаться?
Как смел он, нарушив закон,
Над волей моей надругаться?
Царю он Левану в зятья
Отцом предназначен с рожденья.
Я клялся, и клятва моя
Известна ему, без сомненья.

Нарушив ее, словно лжец,
Навек я поссорюсь с соседом.
Неужто влюбленный глупец
Не мог поразмыслить об этом?
Ослушника я не стерплю,
Пусть знает об этом негодный!
Не дам опозорить семью,
Мой царственный дом благородный!
И где только этот пострел
Сумел своеволья набраться?
Скажи ему, чтобы не смел
Ко мне на глаза появляться.
Я знать ни о чем не хочу!
Коль мало острастки злодею,
Мечом я его научу,
Как с волей считаться моею.
И царь замолчал, оскорблен...
Узнав о его несогласье,
Был лев-спасалар принужден
Вернуться ни с чем восвояси.

VII

Царевич, отвергнут царем,
Но всей уважаем страною,
Построил в окрестностях дом
И в нем поселился с женою.
Утратив права на престол,
Он был равнодушен к потере
И счастье, казалось, нашел
В супружестве с милой Этери.
И весь царедворческий мир
К нему повернулся спиною.
Вельможи, собравшись на пир,
Корили его меж собою.
Одна лишь царица пришла
В их домик простой и смиренный,
И сыну она принесла
В подарок кинжал драгоценный.
И золотом шитый наряд
Невестке она подарила —
Рубины, нанизаны в ряд,
Горели на нем, как светила.

Мать

Не в силах я больше ворчать,
Сынок мой, как раньше ворчала.
Недаром я, старая мать,
Тебя в колыбели качала.
Будь счастлив с супругой вполне,
Коль сделался ты семьянином,
И слово, что дал ты жене,
Держи по заветам старинным.
Не будь легкомыслен, сынок,
Чтоб сердце жены ее болело.
Плевать на домашний порог —
Не слишком почетное дело.
Не худо бы было спросить
Родителей старых заране,
Чтоб легче нам было избыть
Постигшее нас испытанье.
Пустого не скажет отец,
А ты своим выбором странным
Нежданно поссорил вконец
Гургена с могучим Леваном.
Ты в луже нас всех потопил,
Заставил плевком подавиться...
Откуда набраться нам сил,
Чтоб снова с тобой помириться?

Годерзи

Нет, мать, не топил я людей,
Любовною клятвою связан;
И ради любови моей
Никто пострадать не обязан.
Я сердцу лишь долю его
Законную отдал и этим
Заставил отца моего
Нанесть оскорбленье соседям.
Неужто такая беда —
Жениться по собственной воле
И счастье увидеть, когда
Противится царь на престоле?
Ребенка вы вправе родить,
Но, ставший наследником края,
Могу я по-своему жить,
Сыновние чувства питая.

Зачем же отец осерчал?
Зачем он прогнал спасалара?
Не я ли вам первый сказал,
Что царская дочь мне не пара?
Я знаю царевну давно, —
Из крепости древней Левана
Она на охоте в окно
Смотрела на нас постоянно.
Господь мне свидетель, что я
Ни в чем не виновен, царица!
И если Леван, как судья,
Посмеет на нас ополчиться, —
Нас тоже мужами зовут,
И мы, окруженные войском,
С мечами предстанем на суд,
Поспорив в сраженье геройском.
Крепка наша родина-мать,
Не дрогнут ворота из стали,
И будем мы их охранять,
Как в прежние дни охраняли.

VIII

Совсем удалившись от дел
В своем самовластье державном,
Гурген одинокий скорбел
О сыне своем своенравном.
Два месяца он горевал,
Почти не вставая с постели,
И слуги, входившие в зал,
К нему приближаться не смели.
Однажды в глубокую ночь
Не мог он заснуть до рассвета
И, чтобы несчастью помочь,
Вельмож пригласил для совета.

Царь

Всем ведомо, визири, вам,
Чт*о* нынче случилось со мною.
Не в том мое горе, что нам
Леван угрожает войною.
Нет, сын, мой единственный сын,
Женившись на девке негодной,

Моих не жалея седин,
Унизил мой дом благородный.
И как только носит земля
Доселе такого бахвала!
Как небо на наши поля
С высот до сих пор не упало!
Неужто велит нам судьба
В своем убедиться бессилье,
Чтоб сын мой и эта раба
Под кровлей единою жили?
Вы, лучшие люди страны,
Со мною подумайте вместе,
Как мужа отнять от жены
И смыть роковое бесчестье.
Мы сделать обязаны так,
Чтоб все изменилось отныне
И пламень любовный иссяк
В моем очарованном сыне.
Подумайте, мысль какова!
Она меня жжет ежечасно.

Визири

Поистине эти слова
Сказал ты, владыка, прекрасно.
Но столь изменить существо
Живого любовного чувства
Способно одно колдовство,
Здесь мало простого искусства.
Не медли же, царь, и зови
Скорей колдунов из ущелья, —
Быть может, они от любви
Найдут подходящее зелье.

Увидев, какой оборот
Событья вокруг принимают,
Средь визирей Шере встает
И смелую речь начинает.

Шере

О царь, я беру на себя
Все это опасное дело.
Мишень подходящую я
Всегда поражаю умело.
Но, видишь ли, слаб я душой,

Чужой не люблю я печали,
Я против того, чтоб порой
Невинные люди страдали.
Безродной девчонки вина,
Конечно, не столь уж огромна:
Росла в захолустье она,
Как зверь одинокий, бездомна.
Ей, может, самой невдомек,
Каких она бед натворила,
И кровь ее будет не впрок
Тому, кто светлее светила.
Я это к тому говорю,
Что взял бы ее на поруки.

Царь

Отлично, мой Шере! Дарю
Девчонку тебе за услуги.
Как только исполнишь приказ
И все обернется, как *надо*, —
Бери, убирай ее с глаз,
Она — небольшая награда.

Вельможи, склонясь пред царем,
Толпою направились к двери.
И с ними, пылая челом,
Ушел торжествующий Шере.
Надели щиты и мечи,
Лежавшие в зале соседней,
И скрылись в безмолвной ночи,
И Шере за ними — последний.

IX

За тридевять гор и морей,
А где — не поймет и нечистый,
Неслыханный жил чародей,
Скрываясь в пещере скалистой.
Он с каджами был заодно,
Запродал он дьяволам душу,
И было злодею дано
И море тревожить и сушу.
В урочище дэвов — вожак,
В русалочьем царстве — владыка,
Творил он и бурю и мрак,

Чтоб путника сбить с панталыка.
Лишь стоит ему засвистеть
И топнуть о землю ногою,
Застонет небесная твердь
И грянет гроза над землею.
И нет чтобы людям помочь,
Он только им гадит, паскуда,
И с виду, проклятый, точь-в-точь,
Как христопродавец Иуда.
Торчат под усами клыки,
Огонь шевелится над рожей,
И кости его широки,
Железной обтянуты кожей.
На ноги посмотришь — мужик,
А коготь на пальце — собачий,
И весь почернел он, старик,
И гривой порос жеребячьей.
И если в народе кому
Вдруг выпадет счастье *какое*, —
Одна лишь забота ему:
Счастливцу напакостить вдвое.

Однажды сидел чародей
Один у подножья утеса,
И козни он плел на людей
И в небо посматривал косо.
И вдруг над его головой,
Склоняясь над самой долиной,
С вершины горы верховой
Прокаркал, как ворон пустынный.

Шере

Эй, старче, куда запропал?
Увидеться время приспело.
К тебе, повелителю скал,
Имеется спешное дело.

Колдун

А, визирь Гургена-царя,
Любовью израненный Шере!
Ты каркаешь издали зря,
Спускайся скорее к пещере.
Давно тебя, братец, я жду,

Пронюхав о страсти бесплодной.
Не стой же у всех на виду,
Как волк завывая голодный.

Шере
(спускаясь)

Привет тебе, мудрый старик,
Знаток колдовства и знахарства!
Коль в сердце мое ты проник,
Придумай от горя лекарство.
Коль ты возвратишь мне покой,
Бери мою душу в рабыни.
Ты видишь, что сам я не свой
Стою пред тобою в унынье.
От страсти я весь изнемог,
Влюбленному ведь не до шуток!
Уходит земля из-под ног,
Слабеет от горя рассудок.
Хоть заживо в землю ложись,
Плитой покрывайся надгробной.
Ты веришь? За всю мою жизнь
Не знал я болезни подобной.

Колдун

Я знаю про горе твое.
Едва появилась Этери,
Как молния, взоры ее
Ударили в голову Шере.
Итак, за каким же, сынок,
Ко мне ты явился советом?
Скажи мне, как если б не мог
Я сам догадаться об этом.

Шере

Ах, что мне ответить, старик?
Сгубила меня чаровница!
Сказал бы, да разве язык
Промолвить всю правду решится?
Согнуло несчастье в дугу,
Впились в мою голову сверла.
На хлеб и смотреть не могу —
Кусок вылезает из горла.
Застлала глаза пелена,

Рука поднимается еле,
Душа, безнадежно больна,
Не держится, бедная, в теле.

Колдун

Ну, полно тебе причитать!
Ты впал от отчаянья в детство.
Чтоб эту красотку достать,
Имеется верное средство.
Коль горе свое побороть
Влюбленному визирю нечем,
Достану я проса щепоть,
Полью молоком человечьим.
Потом на крови разведу
И, чтобы лекарство окрепло,
От грешников, сгнивших в аду,
Прибавлю зловонного пепла.
Частицу своей черноты
Нам даст на приправу Иуда...
Лекарства подобного ты
Не видывал, Шере, покуда.
Возьми его, визирь, с собой
И около дома Этери
Под самым порогом зарой,
Когда она выйдет из двери.
Как действует средство мое,
Вы скоро заметите сами.
Прекрасное тело ее
Покроется мигом червями.
В глазах и в развалинах губ
Неслыханный гнус расплодится.
И скоро она в полутруп
На ваших глазах превратится.
И тщетно ее лекаря
Дежурить начнут у постели —
Потрудятся, глупые, зря,
Червей же не выведут в теле.
Пускай насладится вполне
Царевич подругой красивой!

Шере

А что же останется мне?
Один только остов червивый?

Колдун

Зачем чепуху городить?
Русалочьей мазью мгновенно
Ты сможешь ее исцелить,
Избавив от гнусного тлена.
Как только царевич-глупец
Жену позабудет в напасти
И будет она, наконец,
Твоей предназначена власти, —
Помажь ее мазью моей,
Заставь на рассвете умыться,
И к нашей красотке, ей-ей,
Былая краса возвратится.

Схватив драгоценный состав,
Мой Шере, исполнен тревоги,
Коня своего исхлестав,
Как вихрь, полетел по дороге.
И били подковы скалу,
И ветер наигрывал в трубы,
И бесы, уставясь во мглу,
Свистели и скалили зубы.

X

Сжимая дрожащей рукой
Свое драгоценное зелье,
По горной тропе верховой
Въезжает в ночное ущелье.
Он едет, а совесть не спит,
Стремясь уличить негодяя.
И плачет бедняга навзрыд,
Коня над рекой погоняя.
А в пропасти стелется дым,
Колеблется пламя во мраке,
И дэвы сидят перед ним,
Костры разложив в буераке.
Ликует, ревет чертовня
В разгаре бесовской пирушки.
Как камни, при свете огня
Чернеют большие макушки.
Здесь глотки пещерных владык
Подобны корчагам для пива.

Огромный, как шоти, язык
Ворочает снедь торопливо.
Прислужники, рой бесенят,
Проносятся с криком совиным
И полным ковшом норовят
Вина поднести исполинам.
Дымится в кувшинах вино —
Награда за смерть и увечья,
Струится во мраке оно —
Невинная кровь человечья.
И жрут ее духи земли,
Подобно косматым обжорам,
И, Шере завидев вдали,
Приветствуют визиря хором.

Дэвы

Эй, Шере, несчастный мозгляк,
Куда тебя черти погнали?
За нашей пирушкою всяк
Свои забывает печали.
Давай заворачивай к нам,
Коль дьяволу продал душонку!
Наделал ты дела, а сам
Торопишься, видно, в сторонку.

Шере

Вы правы, за вами душа,
Уделом ей — адские муки.
Зачем же, напрасно спеша,
За трупом вы тянете руки?
Мне б только пожить на земле
Пять лет или сколько хотите,
А там кипятите в смоле
И в пламени адском варите.

Дэвы

Добро! Торопись, молодец!
Пять лет — небольшая помеха.
Но помни: настанет конец —
Помрем над тобой мы от смеха!

И Шере пришпорил коня
И прянул во тьму, исчезая,
И долго за ним чертовня
Визжала вослед, как шальная.

XI

В чужом бесприютном краю
Беды натерпевшись немалой,
Вернуться в отчизну свою
Торопится путник усталый.
И вот он — родной небосклон!
Но что это? Строем старинным,
Вздымая полотна знамен,
Отряды идут по долинам.
Рога боевые трубят,
Колышутся длинные стяги,
И кони, волнуясь, храпят,
И воины полны отваги.
На каждом мерцает, светясь,
Доспех, облегающий тело,
И черная кровь запеклась,
И грязь на телах затвердела.
У каждого щит на плече,
У каждого палица битвы,
На каждом тяжелом мече
Иссечено слово молитвы.
В стальной рукавице рука
Колеблет копьем многогранным.
Броня на груди нелегка
С нашитым на ней талисманом.
Гурген на коне вороном
Ведет боевую дружину,
И грохот и вопли кругом
Весь день сотрясают долину.
За ним в отдаленье ведут
Великое множество пленных,
Спешит за верблюдом верблюд
Под грузом сокровищ бесценных.
А рядом, стальные мечи
Украсив людскими зубами,
Бегут, хохоча, палачи
И блещут на пленных глазами.
Столкнулись Гурген и Леван!
Бой грянул, и недруг Гургена,
Страдая от множества ран,
Едва был избавлен от плена.
И Шере, раздвинув кусты,
В испуге глядит на знакомых.

В сознании их правоты
Страшит его собственный промах.
И чоха намокла от слез,
И гложет тоска святотатца.
Хотел он пробраться в обоз
И с войском Гургена смешаться —
Да поздно! Душа залилась
Прощальным отчаянным свистом,
И с правдой последняя связь
Нарушилась в сердце нечистом.
Как бешеный, Шере взглянул
На эти знакомые лица,
И войск торжествующий гул
Ударил в лицо нечестивца.
Отпрянул несчастный назад
И, втайне себя проклиная,
Помчался в кустах наугад,
Коня второпях погоняя.

XII

Подействовал страшный состав!
Весь край поутру взволновался.
В любовную чашу упав,
Таинственный яд примешался.
Этери поблекла лицом,
Червями изъедено тело.
Нет силы ни ночью, ни днем, —
Где снимут, там вдвое насело.
В испуге царевич глядит,
Склоняясь у милого ложа,
Извелся, рыдая навзрыд,
Остались лишь кости да кожа.
Как только увидит жену,
В беспамятстве валится, бедный,
И только Этери одну
Зовет он в печали предсмертной.
О горе! За крепкой стеной
Скрывает он в башне Этери,
И слуги его день-деньской
Стоят сторожами у двери.
«Царевич, — Этери звала, —
Что толку во мне, зачумленной?

Уж лучше б я нищей была,
Чем жить мне царевной плененной!
Царевич мой, милый супруг,
Мое дорогое светило,
Прости меня, бедный мой друг,
Всю жизнь я тебе отравила!
Во всем я виновна сама,
Проклятая с детства судьбою!
Зачем я лишилась ума,
Когда повстречалась с тобою?
Не зря я твердила тебе,
Увидев тебя на опушке,
Что бросил ты вызов судьбе,
Приблизившись к бедной пастушке!
Напрасно мы, милый, сошлись!
Убить меня, глупую, мало
За то, что я нищую жизнь
На роскошь твою променяла.
Ты слишком для нищей хорош,
Супруг мой, царевич прекрасный!
И рано иль поздно, но все ж
Я знала, что буду несчастной».

XIII

Пошла во дворце кутерьма —
Уходит царевич в могилу!
Лишаясь от горя ума,
Пришла к нему мать через силу.
Звала, обнимала его,
Кружилась над ложем, как птица,
Но сына спасти своего,
Увы, не сумела царица.
«Ах, матушка, — сын говорил, —
Ты знаешь причину недуга.
Он силы мои подкосил,
Когда заболела супруга.
Уж близок последний мой день,
Последняя ночь роковая.
Зовет меня смертная сень,
Торопит плита гробовая.
Пока я в сознанье, молю,
Последнее дай утешенье, —
Позволь мне Этери мою

Увидеть хотя на мгновенье.
Пускай разорвется душа,
Отнимутся ноги и руки, —
Хочу я смотреть, не дыша,
На милые очи супруги.
А если на горе мое
Она умерла безутешной,
Хоть пепел мне дайте ее,
Хоть локон волос ее нежный.
Хоть с белой руки ноготок,
Кусок подвенечной вуали,
Чтоб я лобызать его мог
В своей беспредельной печали».

И бросилась мать во дворец,
Упала, крича, на колена,
И, еле жива, наконец,
Она умолила Гургена.
И Шере к престолу зовут,
И Шере, как вставший из гроба,
Является, страшен и лют,
И долго безмолвствуют оба.

И начал владыка: «Герой,
Ты воинов многих сильнее.
Я знаю, насколько тобой
В своей одолжен я затее.
Я — царь. Но ведь я и отец!
Томит мою душу тревога.
Недаром ношу я венец
И верую в господа бога.
Могу ли я сына убить?
Наследник он мой с малолетства!
Сумел ты отраву добыть —
Найди и целебное средство.
Коль девка опять оживет
И силу утратит знахарство,
Лекарствам иным предпочтет
Царевич такое лекарство».
Как будто обрушился гром
На голову визиря снова.
Но слышит он в сердце своем
Заклятия знахаря злого:
«Держись, не сдавайся, сынок,

Крепись, мой возлюбленный Шере.
Оставить мне душу в залог
Не ты ли поклялся в пещере?»
И Шере, белее, чем мел,
Вступить не посмел в пререканья...
Вдруг в окна дворца долетел
Томительный вопль причитанья.
И в черных одеждах народ
Бежит перед царским покоем,
И плачет, и волосы рвет,
И женщины мечутся с воем.

Царь

Мой Шере, взгляни за окно.
Кто там завывает во мраке?

Шере

О царь, за окошком темно.
Пируют, как видно, гуляки.

Царь

Мой Шере, я слышу — кричат.
Пойди разузнай, бестолковый.

Но двери на петлях скрипят,
И визирь вбегает дворцовый.
Глашатай великих скорбей,
Посыпал он голову прахом
И, белого снега белей,
Сказал государю со страхом.

Визирь двора

Срази супостата господь
С такою же силой смертельной,
С какой он и душу и плоть
В сосуд превращает скудельный.
Скончался твой сын, государь!
Нет больше Этери прекрасной!
На войнах не видел я встарь
Кончины настолько ужасной!
Как только внесли лекаря
Этери в покои к больному,
Поднялся он, взором горя,
Смертельную чуя истому.

Супругу он обнял рукой,
Приник к окровавленным ранам,
И вдруг перед милой женой
На ложе упал бездыханным.
Мы «ах!» не успели сказать —
Этери взмахнула кинжалом...
Доселе его рукоять
Торчит под соском ее алым!..

Покрыла царя темнота
При вести об этой кончине.
«О горе! Открылись врата
В страну мою бедную ныне!
Мой сын был опорой стране,
Он был нам светила дороже...
Зачем не оставил ты мне
Дитя мое, господи боже?»

XIV

И вот улыбаясь вдали,
Опять засияло светило,
Но бедные очи земли
Смотрели туманно и хило.
Весь трауром город одет,
Унылые реют знамена.
Вельможи, встречая рассвет,
Рыдают у царского трона.
И медленный стелется дым,
Клубясь над костром поминальным,
И лев-спасалар, недвижим,
Стоит перед войском печальным.
Стоит, опираясь на меч,
Высокому предан престолу,
И пламя колеблется свеч,
И стяги повергнуты долу.
Не плачет над башней труба,
Не бьют на заре барабаны.
В глубоком молчанье толпа
Идет, заливая поляны.
И в рощах умолк соловей,
Затихли веселые птицы
И смотрят из чащи ветвей,

Как толпы идут из столицы.
Свершая священный обряд,
Святитель выходит из двери,
И визири шествуют в ряд,
Не видно лишь визиря Шере.
Два гроба плывут над толпой —
Один деревянный, дощатый,
Другой, впереди, дорогой,
Повит пеленою богатой.
И падает наземь народ,
Услышав церковное пенье,
И слезы обильные льет,
И волосы рвет в исступленье.
По воле усопшего, тут
На светлом лесном косогоре,
Где птицы лесные поют,
Остались влюбленные вскоре.
В двух темных могилах легли
Поодаль они друг от друга,
Чтоб даже в объятьях земли
Не видела мужа супруга.
Но скоро чудесную весть
Услышали жители края:
Над бедной пастушкою здесь
Фиалка возникла лесная.
И рядом на холме другом
Открылась огромная роза.
Цветут они ночью и днем,
И в зной, и во время мороза.
И, вечно друг к другу стремясь,
Листы воедино сплетают,
И птицы, людей не боясь,
Над ними весь день распевают.
И бьет животворный ручей
Близ этих надгробий зеленых,
И сладостной влагой своей
Целит безнадежно влюбленных.
Кто этой воды изопьет,
Тот сердцем не будет изранен —
Будь он из богатых господ
Иль просто бедняга-крестьянин.

XV

А Шере, вы спросите, что ж, —
Проклятый убийца Этери?
С утра и до вечера нож
Он точит сегодня у двери.
Зачем ему острый клинок?
Не смерти ли хочет несчастный?
О чем, средь людей одинок,
Хлопочет преступник опасный?
Давно уже, старый злодей,
С заплатанной нищей сумою
Он бродит вдали от людей
И дико трясет головою.
При царском дворе позабыт,
Отверг он вельможное званье,
И только угрюмо молчит,
Когда его гонят крестьяне.
В древесное лыко одет,
Больной, сумасшедший калека,
Боится на старости лет
Смотреть он в лицо человека.
И вечно он рыщет в горах,
В лощинах, травою поросших.
То волком завоет, и страх
Хватает за сердце прохожих;
То горным козлом закричит,
То диким завоет шакалом,
То меч свой и ломаный щит
Таскает на ослике малом.
То снова, как злой нетопырь,
В дремучей трущобе ютится...
Однажды ушел в монастырь
С монахами богу молиться.
Да где там! Молитвы не впрок
Тому, кто отрекся от бога.
И снова, как перст, одинок,
Он точит клинок у порога.
Зачем же несчастному нож,
Молитвы к чему и стенанья?
Затем, что ему невтерпеж
На наше смотреть мирозданье.
Затем, что безумной рукой

Сегодня он выколет очи,
Затем, что смертельный покой
Он видит в безмолвии ночи.

●

БАХТРИОНИ

(Поэма)

I

Уж день оделся покрывалом,
Закрылись очи темных гор.
Покойно витязям усталым
Дремать в могилах с давних пор.
Бушует вихрь... Над перевалом
Рыдает туч надгробный хор.

Им нет забвенья, нет покоя...
Как струи алазанских вод,
Текут их слезы над землею
И моют выступы высот.
Внизу ущелие ночное,
Наполнясь водами, ревет.

Но вот прошли, пропали тучи,
И травы ожили кругом,
И вздулась грудь горы могучей,
Наполненная молоком.

О горы! Здесь, в краю скалистом,
Несу я поздний вам привет!
Пусть будет вашим остролистом
Мой холм кладбищенский одет.
Моя душа повсюду с вами,
Я сам питомец этих скал,
Недаром жадными устами
К сосцам я вашим припадал.
И пусть пиримзе, горный цветик,
Фиалка нежная моя,
Не сетуют, что в скалах этих
Питаюсь вместе с ними я.
Я счастлив, грешный, насладиться

Чудесной влагой вновь и вновь.
Да будут в пользу вам, сестрицы,
И щедрость ваша, и любовь!

II

Покрыта ясенем и дубом,
Гора взметнулась, как копье.
Большие башни телом грубым
Венчают выступы ее.
Повсюду тленье и разруха,
Разбитых стен печален вид,
И ни души... Одна старуха,
Рыдая, в крепости стоит.
Вокруг нее в немом покое
Ряды виднеются гробниц.
Припав к надгробию героя,
Готов и я склониться ниц.
Так вот она — молельня пшавов!
Сегодня праздник здешних мест.
Но отчего мертво в дубравах
И так безлюдно все окрест?
Ужель святитель наш Георгий,
Столь почитаемый страной,
Теперь забыт? Иль, раньше зоркий,
Взор притупился нынче мой?
Зачем старуха близ святыни?
Ужель не ведает она,
Что будет всем селом отныне
Она за то осуждена?
Она одна, затеплив свечи
И посетив священный кров,
Над тушей плакала овечьей,
На камне жертву заколов!
Она одна не позабыла
Свое восславить божество,
Одна слезами окропила
Порог разрушенный его!
Здесь зов не слышен хевисбери,
Здесь не шумит народный пир.
Кто скажет, что у этой двери
Справляет праздник нынче мир?
Свечу к надгробию пристроив,

Старуха стонет перед ней.
Здесь грудь, вскормившую героев,
Грызет сегодня лютый змей!

III

И вдруг раздался на дороге
Неторопливый шум шагов,
И путник, жалкий и убогий,
Остановился средь дубов.
Густой заросший бородою,
Ружье с плеча он тихо снял
И, опершись на ствол рукою,
В раздумье тягостном стоял.
Был меч его подвязан лыком,
Ножны разбиты с давних пор,
И сам он был, суровый ликом,
Похож на пшава этих гор.
Услышав, как вопит старуха,
Смахнул слезинку он с лица,
Но женщина рыдала глухо,
Не замечая пришлеца.
Как будто спрашивая камни,
Она твердила в тишине:
«Неужто счастья никогда мне
Не видеть в этой стороне?
Слезами горькими доколе
Поить нам горы и поля?
Неужто кровью нашей боле
Не насыщается земля?
Доколе будут здесь злодеи
Терзать измученных людей
И вместо деток злые змеи
В сосцы впиваться матерей?
Неужто люди не устали
Сгибаться под пятой врагов?
Увы, мужчины в битве пали
И нет защитников у вдов!»

Старуха плакала уныло,
Не замечая никого,
И понял пшав, что посетило
Несчастье бедный край его.

Путник

Послушай, мать! Ты кто такая?
Что за беда у вас стряслась?

Старуха встала и, вздыхая,
С трудом на палку оперлась.

Саната

Как? Ты живой? Ты не калека?
Не сон ли это, боже мой!
Ужель живого человека
Опять я вижу пред собой?
Да будет милость властелина
С тобою, милое дитя!
О том, что хоть один мужчина
Остался жив, не знала я.

Путник

Пусть и тебя рука господня
Хранит, и всех твоих детей.
Но я тебя спрошу сегодня,
Как сын у матери своей:
Кто женщине присвоил право
Справлять в обители Креста
Мужской обряд? Зачем у пшава
Святая храмина пуста?
Зачем, несчастный, я не вижу
Толпы, собравшейся вокруг,
Людского гомона не слышу,
Мечей бряцанья и кольчуг?
Пришел конец, как видно, свету,
Пора, как видно, умирать,
Коль позабыл святыню эту
Родной народ. Но кто ты, мать?

Саната

Ох, дитятко, я — горемыка,
Вдова без крова и семьи.
Все, все от мала до велика
Погибли родичи мои.
Когда напали басурмане
На наше мирное село,
Все воинство на поле брани
У нас, хошарцев, полегло.

Смотри, в бесчисленных могилах
Стоит Хошарская гора!
Здесь о мужьях и детях милых
С утра мы плачем до утра.
На матерей несчастных глядя,
Ребята малые ревут.
Не в силах, сын мой, описать я
Всего, что делается тут.
К чему несчастным женам дети?
Мы только мучаем себя!
Сегодня краше всех на свете
Твой сын и радует тебя,
А завтра жизнь его навеки
Умчит безжалостный поток...
Увидеть в образе калеки
Свое дитя — не дай нам бог!

Зовут меня, сынок, Саната,
Беридзе был мой бедный муж.
Жила в Апхушо я когда-то,
Детей имела семь я душ.
Семь славных молодцев взрастила,
Был каждый строен, как олень,
И вместе с мужем их могила
Взяла в один и тот же день!
Я две недели, чуть живая,
Ее копала сыновьям...
Теперь лишь ветер, завывая,
И день и ночь рыдает там.
Кому ж теперь служить святыне,
Коль нет мужчин во всем краю?
Кто будет ладан жечь отныне
И жертву приносить свою?
Где нет мужчин, пристало женам
Молиться господу за всех.
Святыня нам, обремененным,
Простит невольный этот грех.
А сам-то ты, сынок, откуда,
Из этих мест или чужой?
Как приключилось это чудо,
Что ты предстал передо мной?

П у т н и к

Эх, матушка, и я, несчастный,
Видал немало разных бед.

Вдали от родины прекрасной
Я прожил целых двадцать лет.
Селенья мне знакомы эти,
Матура — родина моя.
Мне имя — Квирия. На свете
Немало пней, таких, как я.
Остался в детстве я без крова,
Пошел искать свою судьбу,
И все, что в мире есть плохого,
Я вынес на своем горбу.
Уж где я только не валялся,
Голодный, жалкий и босой,
Когда в Тушетии скитался,
Вдали от Пшавии родной!
Еще не старый я годами,
Но пожилым кажусь на взгляд,
Недаром, видно, за стадами
Бродил я двадцать лет подряд!
По целым дням не ел я хлеба,
Не знал ни отдыха, ни сна,
И лишь одна мне гостьей с неба
Светила пшавская луна.
Когда с холмов родного края
Летела стая журавлей,
У них я спрашивал, рыдая,
О милой родине моей.
Но заменить письмо не в силах
Слова, упавшие на снег,
А в птичьих возгласах унылых
Что может смыслить человек?

Саната

Дивлюсь я, сын мой, что нежданно
Вернулся ты в свою страну.

Путник

Эх, матушка, у басурмана
Живется хуже, чем в плену!
Житья не стало от неверных,
Во всей Кахетии разгром.
Народ в мученьях там безмерных
Ослабевает с каждым днем.
Враги на женщин нападают,
Насильничают, как скоты,

Кошницей полной собирают
Дары девичьей красоты.
Садов совсем почти не стало,
И вся Кахетия на вид,
Как женщина без покрывала,
Перед насильником стоит.
И мстителей не видно боле,
Чтоб поделом врагу воздать,
Нет человека сильной воли
Народным войском управлять.
Уж враг доходит до предгорий,
Повсюду налагая дань,
Он все стада угонит вскоре
С родимых гор за Алазань.
Как ни молил бы, как ни плакал,
Уж нам не жить в родном краю:
Убьют безжалостно и на кол
Посадят голову твою.
И встали, матушка, тушины,
Не выдержав таких невзгод.
Могучий Зезва их дружины
На бой великий поведет.
В доспехах нынче все мужчины,
В кольчугах нынче весь народ.
В Пшав-Хевсуретию послали
Меня гонцом тушинским, мать,
Вам, славным братьям, обязали
Слова такие передать:
«Вы — наши родичи по крови,
Страдать нам более невмочь,
Мы просим — будьте наготове,
Чтоб нам в сражении помочь.
Известно вам, что без равнины
Не может долго жить гора.
Итак, сомкнемся воедино
Во имя общего добра!
Смотрите, что у нас творится —
Муллы поют у алтарей,
А безутешные вдовицы
Несут на кладбище детей!»
Я знал, что на горе Хошари
Сегодня праздник годовой,
Я думал, будет пир в разгаре,
Народ сойдется здесь толпой,

Я верил, огорчатся пшавы,
Услышав горестную весть...
Достойны, мать, великой славы
Все те, кто пал и там и здесь!
И мы идем за ними следом —
Сегодня живы мы, а там,
Навек простившись с белым светом,
К подземным спустимся вратам.
Но жив покуда пламень в теле,
Покуда недруг не разбит,
Нам, обездоленным доселе,
За жизнь бороться надлежит.
Все те, кто носит шапку мужа,
Отмстят за родину свою!
Бесславной жизни я к тому же
Предпочитаю смерть в бою.
Когда мой дом, детей, супругу
Захватит полчище врагов,
Поднять я собственную руку
На самого себя готов.
Итак, прошу тебя, не сетуй —
Легко героям в мире том:
Они ушли из жизни этой,
Не омраченные стыдом.

Саната

О, если б только до победы
Мне пособил дожить господь,
Я, позабыв былые беды,
Сумела б горе побороть.
Наряд бы пестрый я надела,
Опять бы стала весела
И о Джугуре б не скорбела,
О Сабе слезы не лила.
Мой Иванэ был строен станом,
А волосом — чернее туч.
Навстречу грозным басурманам
Летел он, весел и могуч.
Ах, если б жизнь свою могла я
Отдать за детище мое...
Меньшой мой, отдыха не зная,
Метал без промаха копье.
Всегда веселый и бесстрашный,

Он смерть увидел наяву,
Но супостата в рукопашной
Косил, как спелую траву.
Но кто из нас речное ложе
Очистить может от камней?
Кто рать врагов осилит, боже,
Когда конца не видно ей?
О, если б люди отомстили
За нашу кровь! Любая мать
О тех, кто спит в сырой могиле,
Тогда не станет горевать.

К чему еще стремиться боле?
Сама готова я идти,
Чтоб рассказать о нашей доле
Тому, кто встретится в пути.
Я восьмерых дала отчизне, —
Неужто пшав, внимая мне,
Хотя б одной сыновней жизни
Не посвятит родной стране?
Нет, дитятко! Восстанут пшавы,
Поднимутся, рванутся в бой!
Увидев след врага кровавый,
За меч ухватится любой!
О господи, творец вселенной!
Святыни пшавские! Ужель
Вы не избавите от плена
Отчизны нашей колыбель?
Пошли, Ахметская святыня,
Погибель на персидский стан,
Чтоб вся Кахетия отныне
В крови купалась басурман!
Они нас били без пощады,
И душу мучили, и плоть...
Ужель свое родное стадо
Не хочет пожалеть господь?
Сойди, Лашари, с горной кручи,
Вздыми свой меч, о властелин!
Благослови союз могучий
Хевсуров, пшавов и тушин!
Да не погибнет челн, плывущий
Среди разгневанных пучин!
Будь нашим кормчим, Лашарела,

Повесь на чресла бранный меч,
Чтоб увенчать победой дело,
Иль за свободу в битве лечь!

П у т н и к

Аминь! Господь тебе помога,
И память вечная сынам!
Длинна, однако, путь-дорога,
Давно пора проститься нам.

С а н а т а

А темень-то, смотри, какая!
Какой уж, на ночь глядя, путь!

П у т н и к

Я в Хевсуретию, родная,
Добраться должен как-нибудь.
Ведь Зезва дал мне порученье
Проникнуть в глубь хевсурских гор,
Дойти до каждого селенья
И заглянуть на каждый двор.

С а н а т а

Ну, если уж такое дело, —
Храни тебя святая мать!
А я-то, дура, ошалела,
Хотела парня задержать!
Должно быть, голоден ты, бедный?
Возьми хоть хлебушка кусок.
(И путнику она заветный
Свой протянула узелок.)
Хоть раз бы пшавский клич победный
Услышать нас сподобил бог!

Превозмогая утомленье,
Пустился путник в глубь страны,
Лишь застучали о каменья
Меча широкие ножны.

IV

Уж бледных звезд погасли хоры
И омрачился лик л у н .
В огромных шлемах дремлют горы,
Раздумий тягостных полны.

Зарница на небе мигает,
Грохочет гром из-за хребта.
И вдруг в тумане возникает
Движенье, гомон, суета.
Трезвон набатный долетает
С горы Лашарского Креста.
Они спешат, питомцы славы,
Они идут, сомкнувшись в ряд!
А говорили, будто пшавы
Все уничтожены подряд!
Нет, их немало уцелело,
Немало от мечей ушло.
Теперь за кровь хошарцев смело
Восстало каждое село.
Слетелись соколы к знаменам —
Креста Лашарского птенцы.
Звенят над ними вещим звоном
Знамен хевсурских бубенцы.
Из Рошки яростнее бури
Примчались девять удальцов —
Все из семьи Сумелджаури,
Потомки доблестных отцов.
Своих сынов Чинчараули
Послал Батака из Амги.
Избрав вождем Хошареули,
Пришли гуданцы-смельчаки.
С толпой бойцов из Чормешави
Пришли гулойцы. От копыт
Коней хахматцев на заставе
Земля трясется и звенит.
Без остановки, волчьим шагом,
Кратчайшей следуя тропой,
Бойцы к Арагве по оврагам
Спустились шумною толпой.
И точно так же, как обвалу
Грозы предшествует налет,
Подобен был морскому шквалу
Хевсуров доблестный поход.
Пришла и пшавская дружина
Через ущелье напрямик.
Какая чудная картина!
Какой благословенный миг!
Апхушо воинов послало,
Знакомых с норовом врага, —

Они рубились с ним немало
В борьбе за горные луга.
Ведет их в бой седой Лухуми,
Под ним играет борзый конь,
Хозяйские он знает думы —
Джейран с глазами, как огонь.
Махинцаури щит багровый,
Гарцуя, вытянул в руке,
Скакун его, на все готовый,
Души не чает в седоке.
Габидоуры, Цабауры —
Любой из них лихой боец!
Внимают скалы, темно-буры,
Биенью храбрых их сердец.
С родными селами расстались
Герои-мужи с сердцем львов,
И только женщины остались
За прялками у очагов.

V

Гора усеяна кострами,
Как звезды, светят огоньки.
У врат святилища рядами
Теснятся пшавы-смельчаки.
Блестят алмазами знамена,
Толпа суровая молчит,
Холодный ветер с небосклона
Росою головы кропит.
Какое мертвое молчанье!
Далеко слышен каждый вздох.
У всех бойцов одно желанье —
Скорей услышать предсказанье,
Пошлет ли им победу бог?

Вот прорицатель их, кадаги,
Вопрос святыне задает,
И, преисполненный отваги,
Пред ней склоняется народ.
Иной торопится молиться,
Другой вздыхает у стены.
Сосредоточенные лица
Душевным трепетом полны.
Вот, потрясенный лицезреньем

Таинственного божества,
Старик встает пред ополченьем,
И дышат сдержанным волненьем
Его суровые слова:
«Приятно нашему владыке,
Что мы у врат его сошлись,
Что быстро мы на бой великий
С врагом народным поднялись.
Меня с улыбкою он встретил,
Как солнце, глянул на меня,
И шлем его был чудно светел,
И вся в огнях была броня.
С мечом в руке, как дивный воин
Благословил он свой народ.
Любой из нас теперь достоин
Его бесчисленных щедрот.
Чтобы неистовые твари
Не издевались над страной,
Внимайте, люди! — сам Лашари
Вас поведет в смертельный бой.
По неким признакам чудесным
Его вы сможете узнать,
Когда он в панцире железном
На лурдже будет восседать.
Он, предводительствуя войском,
Поедет впереди дружин,
И в состязании геройском
Врагов рассеет властелин!»

И вся толпа зашевелилась,
И лица вспыхнули огнем.
«Чем заслужили эту милость
Мы в неразумии своем?
Зачем он трогается с нами?
Не мы ль рабы его навек?»
Но тут суровыми словами
Кадаги возгласы пресек.
«Друзья, — сказал он величаво, —
Сегодня путь у вас один.
Хевсура храброго и пшава
За это любит властелин.
Он любит вас за единенье,
За справедливый общий гнев...»

Костры пылают. И в сраженье,
Стуча зубами, рвется лев.

VI

Быков и жертвенных овечек
Перед святилищем заклав,
О будущих толкуют сечах
Боец-хевсур и воин-пшав.
Запас еды неприхотливой
Подогревая на костре,
Они Лашарский Крест счастливый
Сегодня славят на горе.
Они великую царицу
Тамару хвалят оттого,
Что и она свою частицу
Вложила в это божество.
И воинов они почтили,
Которые, покинув свет,
Не успокоились в могиле,
Кому земли надгробной нет;
Чьи очи выклевали птицы,
Чей прах истлел у края гор,
О чьих победах очевидцы
Слагают песни с давних пор.
Лухуми, старый хевисбери,
Поет о них и, может быть,
Грустя о прошлом, в полной мере
Не может сердца утолить.

VII

Перед далекою дорогой
Справляет трапезу народ,
Один лишь Квирия убогий
Не ест сегодня и не пьет.
Насупясь, горестный и строгий,
Стоит бедняга у ворот.
О чем задумался несчастный,
Зачем невесел сирота? —
Не знают воины, но ясно,
Что он горюет неспроста.

«Садись-ка, Квирия безродный,
Возьми баранины кусок!

Наверно, ты с утра голодный
И весь от холода продрог.
Хвати-ка водочки походной.
Держи матару, голубок!
Когда ж еще, коль не сегодня,
Последний справить нам обед?
Едва ли время посвободней
Найдем мы завтра для бесед».

Так приглашали дружным хором
Беднягу-пшава земляки,
Но Квирия с потухшим взором
Твердил, рассудку вопреки:
«О чем вы сетуете, братцы!
Я не охотник до вина,
А что до пищи, то, признаться,
Поел я вдоволь толокна.
Смотрите-ка, в моем хурджине
Его немалый есть запас, —
Кому оно по вкусу ныне,
Берите, умоляю вас!»

«О чем же, друг, твое раздумье?
Не сон ли видел ты дурной? —
Спросил у Квирии Лухуми,
К мечу притронувшись рукой. —
Коль что приснилось ненароком,
Доверься воинству вполне,
И предначертанное роком,
Быть может, снять удастся мне».

Квирия

Кто разгадает сон неясный?
И что вам речи сироты?

Лухуми

Коль ты упорствуешь, несчастный, —
Не будешь знаменщиком ты.
Зачем скрывать свое виденье,
Зачем грустить тебе о нем?
Пускай узнает ополченье
О сновидении твоем.

Квирия

Мне снилось: в поле незнакомом
Летел я, весел и могуч.
Хлестала молния, и с громом
Неслась по небу стая туч.

Земные вздрагивали недра,
Хрипенье слышалось коня.
Казалось мне, что крылья ветра,
А не скакун, несут меня.

И вдруг крестом на щит упали
Лучи сверкающих небес,
И три огня, блеснув на стали,
Меча украсили эфес.

А поле без конца, без края,
И ни души на нем живой,
И лишь цветы, благоухая,
Стоят, качаясь над травой.

И, как зловещее виденье,
Ползет дракон издалека,
Он лижет землю и растенья
И сыплет искры с языка.

Он сыплет искры, чует сечу,
Он видит всадника вдали,
И рвется он ко мне навстречу,
Чтобы стереть меня с земли.

Раскрыл он пасть, угрюмо воя,
Но я хватил его клинком,
И он свалился предо мною,
И поле вздрогнуло кругом.

И, издыхая, ядовитой
Слюной он брызнул на меня.
Мой копь упал, и, как убитый,
Упал я около коня.

Очнулся, вижу: подо мною
Сверкает чистая постель,
Платан шумит над головою,
Воркует голубь, как свирель.

Заря играет из тумана,
Восходит солнца чистый лик.
Но, увидав меня, нежданно
Оно обратно скрылось вмиг.

И только луч зари багровой
Печально глянул на меня,
И я заснул в ночи суровой,
На руку голову склоня...

И Квирия замолк, смущенный,
И рассмеялся сладко он.
И был Лухуми удивленный
Виденьем странным огорчен.
Сказал он мягко: «Сон мудреный,
Но пусть к добру твой будет сон!»

VIII

Смутило храбрых сновиденье,
Бойцы нахмурили чело,
Но скоро новое явленье
Их от раздумья отвлекло.
С вершины дальнего обрыва
Струя посыпалась песка,
И конский топот торопливый
Донесся к ним издалека.
Вскочили воины, гадая,
Кто это скачет при луне?
Вдруг видят — дева молодая
К ним подъезжает на коне.
Хотя и не было кинжала
На светлом поясе ее,
Зато в руке она держала
Остроконечное копье.

Незнакомка

Да увенчает ваше дело
Победой полною господь!
Пусть вам поможет Лашарела
Врагов отчизны побороть!

Замолкла девушка, сияя,
И улыбнулась, как весна.
Напоминала розу мая
Суровым воинам она.
Она была как воплощенье
Живой любви, для чьих красот
Никто достойного сравненья
И слов достойных не найдет.

Лухуми

Откуда, дочь, ты к нам явилась?
Уж не замыслила ли зла?

Лела

Отец, господь послал мне милость,
Как верный друг я к вам пришла.
Я — дочка Шанше из Бачали,
Мне имя Лела. Бросив дом,
В годину горя и печали
Решила биться я с врагом.

Хошареули

Ей-богу, это призрак ведьмы,
Он предвещает людям зло.
Должны немедля рассмотреть мы,
Зачем чертовку принесло?

Лела

Не замышляю я худого,
Иных я замыслов полна,
Да будет волей всеблагого
Низвергнут в пекло сатана!
Я женщина, но с басурманом
Хочу померяться в бою,
Чтоб угнетателям поганым
Отмстить за Грузию мою.
Что смотрите, хевсуры, пшавы?
Зачем дивитесь вы? Ужель
Не заслужила бранной славы
Грузинка-женщина досель!
Никто из вас не удивится
Усильям девичьей руки,
Но, если битва загорится,

Я буду драться, как волчица,
Своей природе вопреки!
Не забывайте: в Бахтриони
Могуч и крепок супостат,
Там будет биться в обороне
Врагов бесчисленный отряд,
Там стражей тысяча и боле
Хранит ворота день-деньской...
Томится мать моя в неволе
За этой крепкою стеной!
Нет у меня живого брата,
Всех истерзал, замучил враг.
Клянусь, жестокая расплата
За это дело ждет собак!
Не пожалею юной жизни,
Восстановлю родную честь,
Недаром мы в своей отчизне
Считаем правым делом месть.

Лухуми

А где родитель твой бездушный?
Зачем он гонит в битву дочь?
Нам лишних воинов не нужно,
Хоть времена черны, как ночь.

Хошареули
(про себя)

Вот вместо воина девчонка!
Ну, дура, господи прости!
Как будто малого ребенка,
Народ желает провести.

Лухуми

Так не сказал ни слова Шанше,
Что будет биться он с врагом?
Неужто, как бывало раньше,
Не надевает он шелом?

Лела

Да разве он не хочет, бедный,
Не рвется разве к вам душой?
Увы, израненный и бледный,
Лежит он дома, чуть живой.
Едва узнав про ваше дело,

Хотел покинуть он кровать,
Но, что поделать, если тело
Нельзя душе уврачевать?
Велел он дать себе кольчугу,
На боевого сел коня,
Но, отданный во власть недугу,
Свалился около меня.
Теперь без дочки с боку на бок
Не повернется мой отец.
Он в руку ранен и вдобавок
Разбит у бедного крестец.
И Лела горько зарыдала:
«Кто знает, люди, может быть,
Седого Шанше нам пристало
Теперь в могилу проводить!»

С у м е л д ж и

Сестра моя, тебе остаться
С болящим следует и в п р е д ь, —
Ты перевяжешь раны старца,
Не дашь больному умереть.
Великой цели не утратив,
Мы не останемся в долгу.
За мать несчастную, за братьев
Мы отомстим сполна врагу.
Не уничтожив нечестивца,
Мы не вернемся в лоно скал.

В о и н ы

Иди к болящему, девица,
Сумелджи правильно сказал.
Ты есть иль нет, подумай здраво,
Какая разница для нас?
Война — не женская забава.
На этом и закончим сказ.
То, что мы нынче не успели,
Доскажет завтра лютый бой.

Л у х у м и

Скажи, чтобы скорей с постели
Вставал мой Шанше дорогой.
Скажи ему, не спутай, Лела,

Что мы сильны; любую рать
Мы победим; и это смело
Лухуми может обещать.

Лела

Отец, могу ль я возвратиться?
Как только сон коснется век,
Мне, что ни ночь, несчастной, снится
Какой-то черный человек.
Он черепов приносит груду,
Он руки братьев в час ночной
С усмешкой дьявольской повсюду
Раскладывает предо мной.
Уйдет, и шепчет мне из мрака
Солнцеподобная жена:
«Встань, Лела! Это он, собака,
Ваш лютый враг! Очнись от сна!»
Ни день, ни ночь мне нет покоя,
Ни позабыться, ни заснуть...

Замолкла Лела пред толпою,
И слезы хлынули на грудь.
Не взятую на подвиг ратный,
Полуослепшую от слез,
Помимо воли в путь обратный
Могучий конь ее понес.
Лишь сонмы гор запечатлели
Ее последний горький стон
Да родники о бедной Леле
В слезах запели с двух сторон.
Примзе, цветик горный, сиро
Свой стебелек согнул в дали, —
Мечта измученного мира
Скорбит над пропастью земли.

IX

В ущелье дикое по скалам
Спустилась Лела с высоты.
Над ней весенним покрывалом
Луга пестреют и цветы.
И вдруг заслышала девица
Какой-то отдаленный крик.
Глядит — за нею всадник мчится

С горы Ахадской напрямик:
Кричит: «Постой, послушай, Лела,
Остановись, моя сестра!
Ты вся от горя помертвела,
Тебе опомниться пора!»
И Лела с лошади слезает,
И, привязав ее к стволу,
Садится и копье бросает,
И смотрит, грустная, во мглу.
И вот, за девушку встревожен,
В ущелье каменных высот,
Как меч, исторгнутый из пожен,
Пред нею Квирия встает.

Квирия

Прими меня, как брата, Лела,
Зови себя моей сестрой.
Не посчитай за злое дело,
Что я погнался за тобой.
Зовусь я Квирия, родная,
Я из Тушетии гонец,
Питомец этого я края,
Но здесь, как видишь, не жилец.
Отец мой — Гиви из Матуры,
Давно умерший гуртоправ,
Мои дядья — Гоголауры,
И, значит, я — природный пшав.
Я слышал все твои ответы,
Но, старшинству наперекор,
Могу ли я давать советы
И вмешиваться в разговор?
Напрасно старшие решили
Не допускать тебя в поход.
«Сноровка нам нужнее силы», —
Сложил пословицу народ.
Кому вдомек, что Бахтриони
Простой осадою не взять,
Что там засела в обороне
Врагов бесчисленная рать?
Что вражьей крепости ворота
Нам не осилить никогда,
Что нам открыть их должен кто-то,
Коль мы хотим войти туда.
Сестра, пришел черед за нами,

Поборемся за край родной!
Невдалеке перед бойцами
Поедем, милая, со мной.
Подъехав к вражескому стану,
Скажу я страже: «Краше роз
В подарок доблестному хану
Красотку-деву я привез».
И стража нас пропустит в двери,
И проберемся мы к врагу,
И, обманув его доверье,
Я нашим людям помогу.
Открыть ворота я сумею,
Пускай заколот буду я.
Согласна ль ты мою затею
Осуществить, сестра моя?

Лела

Я, милый брат, на все согласна.
Как лучше сделать, — знаешь сам.
Рассудок мой не мыслит ясно,
Предавшись горю и слезам.
Одно лишь сердце бьется страстно,
Питая ненависть к врагам!
Да будет так, как мы решили!
И я готова смерть принять,
Лишь только б дерзких за насилье
К ослиным стойлам привязать.
Не страшно мне сгореть в горниле,
Там, где моя страдает мать.

И в этом сговоре геройском,
С горы на гору, по крутой
Спешат тропинке перед войском
Навстречу смерти — брат с сестрой.

X

Уж смыло солнце с небосвода
Ночную копоть облаков,
И облачилась вся природа
В благоухающий покров.
Звенят знамена бубенцами,
Безмолвно двигается рать,
С вершин скалистых над бойцами

Лучей струится благодать.
Вдруг руку в поруче железном
Лухуми вытянул: «Гляди,
Вон на коне своем чудесном
Лашари едет впереди!»

Первый всадник

Его я первым заприметил,
Когда поднялся на хребет.
Смотрите, как он дивно светел,
Сияньем солнечным одет!

Второй всадник

Он оседлал сегодня лурджу,
Он нас повел в далекий путь.
Владыка наш, любому мужу
Он наполняет счастьем грудь!

Третий всадник

Он голубей самой лазури,
Луч солнца следует за ним,
Он освещает сто дгиури,
Как молнией, лицом своим!

Четвертый всадник

И я его увидел! Вот он,
В своей сверкающей броне,
Из света солнечного соткан,
Гарцует, сидя на коне!

Войско

Хвала тебе, хвала, Лашари,
Наш всемогущий властелин!
Веди нас в громе и пожаре,
Мы все с тобою, как один!
Пусть супостат не торжествует,
Мы победим его, друзья!
Недаром путь нам указует
Благословенная стезя!

Горят огнем подковы лурджи,
На камне светятся следы,
Ликуют доблестные мужи,
Своим водителем горды.

XI

Зажегся день, и, замирая,
Заря исчезла в вышине.
О, если б красота любая
Сгорала с нею наравне!
Благоуханная, с рассветом
Она вставала бы опять,
И расцветала в мире этом,
Чтоб наши взоры чаровать.

О, если бы огонь небесный
Не угасал в душе у нас
И снова вспыхивал, чудесный,
Когда безвременно погас!
Ужасней мертвеца живого
Лишенный сердца человек, —
Престол из льда — его основа,
Любовь чужда ему вовек.

Ему не жаль меньшого брата,
Пусть захлебнется тот в крови...
И так он сгинет без возврата,
Не увидав вершин любви.
В трясине смрадной и тлетворной
Погрязнет он, как жалкий тать.
На путь бесчувственности черной
Ужасно мыслящему встать!

XII

И вот — истоки Алазани.
Вдали видны вершины гор.
Куда ни глянь, в седом тумане
Чернеет темный их собор.
То грудь целуя небосвода,
То опускаясь в глубь полей,
Они закрыли мир. Природа
Питает кровью их своей.

Как великаны-старожилы,
На неприступной вышине,
Они едва имеют силы

Стоять, не двигаясь, во сне.
Они разбрасывают тучи,
В лучах сверкают золотых,
И, как всегда, они могучи,
И мир сломить бессилен их.

Так, друг на друга опираясь,
Они стоят, сомкнувшись в ряд;
Как мертвецы, не содрогаясь,
Они таинственно молчат.
И чт*о* средь всех творений света
Сравнится с сонмом гор, когда
Ночною теменью одета
Их неподвижная гряда?

Туманы — это размышленья
Могучих гор, седой венец
Их человечности, томленья
Несокрушимых их сердец.
Люблю травы я колыханье
На их груди и в поздний час
Ветров безродных завыванье,
Испепеляющее нас.

Парят орлы, пронзают оком
Глубины черных пропастей,
Где спят в забвении глубоком
Остатки тлеющих костей.
Как воины па поле боя,
В туманах сумеречной мглы,
Прорезав небо громовое,
Перекликаются орлы.

Войска идут нагорным лугом,
Минуя скалы и леса.
Перекликаются друг с другом
Свободных горцев голоса.
Идут, заране торжествуя,
За рядом ряд, за братом брат,
И на Кахетию родную
С душевным трепетом глядят.

XIII

На склоне горного отрога
Бойцы устроили привал.
И вдруг нежданная тревога:
«Куда наш Квирия пропал?»
Как будто стог сухого сена,
Хошареули вспыхнул вмиг:
«Смотрите, как бы нас измена
Не завела теперь в тупик!
Гонец, быть может, соглядатай,
Он не был дома много лет.
Предупредив врага, проклятый,
Он нанесет немалый вред!»

Воины

Конечно, если ради денег
Он перекинется к врагу,
Начнет бессовестный изменник
Вредить родному очагу.
Устроив нам кровопролитье,
Он сам засыплет нас землей!

Лухуми

О мужи, что вы говорите?
Вы сплетне верите любой!
Вооруженные мечами,
Вы как погонщики ослов!
Взгляните трезвыми очами
На край родной, на отчий кров!
Все разумеющие мужи,
Скажите, кто из вас слыхал,
Чтоб человек свое оружье
И край родимый продавал?
Ужели в мире есть измена
Еще ужасней и черней,
Чем обрекать на муки плена
Своих собратьев и друзей?
Все это ложь! Пустое слово
Я не люблю. Неужто рать
В обличье пшава молодого
Не может друга распознать?
Вас охватила лихорадка,

Вы устрашились западни.
Ужель не может быть порядка
Среди друзей в такие дни?

Сумелджи

Любой из нас сказал бы то же,
Коль поразмыслил сам с собой.
Подозревать друзей негоже
В дружине нашей боевой.

Воины

И верно! Кто имеет право
Считать гонца способным к злу?
Мы класть на лук не будем пшава,
Как легковесную стрелу.
Не мыслит Квирия худого,
Иной он замысел таит.
Он — сирота, ему не ново
Страдать от горя и обид.
Пусть он от нас исчез нежданно,
Пускай ушел по-воровски, —
Не будет он слугою хана,
Как говорили земляки.

Лухуми

Вот голоса благоразумья!
Услышать их приятно мне.
Ведь соглядатая Лухуми
И сам заметить мог вполне.

И смолкли все, и постепенно
Сомненья каждый превозмог.
С горы Сперозы неизменный
Прохладный дует ветерок.
Войска, не изменяя шага,
Спустились вниз по склону скал,
Чтоб путь извилистый оврага
Дорогу им не удлинял.
Уж слышен ропот Алазани.
Спокойная среди равнин,
Она здесь роет основанье
Отрогов горных и теснин.

XIV

На неприступной Накерале,
Все в бурках из овечьих шкур,
Тушины доблестные ждали
Прибытья пшавов и хевсур.
Неутомимые в походах,
Неустрашимые в боях,
Бойцы стояли на высотах,
Знамена ратные подняв.
И, сквозь дружину боевую
Пустив коня во весь опор,
Лухуми, гордо джигитуя,
Поднялся к ним на косогор.

Л у х у м и

А где же Зезва ваш, тушины?
Коль он в боях непобедим,
Хочу я здесь при всей дружине
На поединке биться с ним!

Косматые нахмурив брови,
Прикрыл он грудь свою щитом:
«Давно я жажду этой крови,
Враждой старинною влеком!»

Тушины смотрят на Лухуми,
Запала горечь в их сердца.
«Как в и д н о, — д у м а ю т, — безумье
Затмило разум храбреца.
Чтобы низвергнуть супостата,
Мы ждали помощи, и вот
На своего родного брата
Наглец с оружием идет!»
А Зезва видит побратима,
С мечом выходит наголо,
И бьется он неутомимо,
И в шутку дышит тяжело.
И, наконец, родные братья,
Закончив бой по-мастерски,
Друг другу кинулись в объятья,
Отбросив ратные клинки.

Лухуми

Ах, брат мой Зезва, как мне сладко,
Что вижу я тебя опять!
Клянусь, люблю твою ухватку,
Когда ты мчишься наступать!
Мы постарели, братец, оба,
Ты весь, я вижу, в седине...
А где же конь твой белолобый,
Тебя носивший на войне?

Зезва

Немудрено, что я немолод!
Едва покинув колыбель,
И днем и ночью, в зной и в холод,
В походах вечных я досель.
Ведь до сих пор мой конь на месте
Лишь раза два стоит в году.
А сколько раз с тобою вместе
У всех мы бились на виду!
Давно погиб мой белолобый,
Сраженный сворой злобных псов,
Которых я, пылая злобой,
Сегодня снова бить готов.

Лухуми

Клянусь, хлебнули полной чашей
Мы разных горестей и мук.
Но, коль судьба такая наша,
И впредь потерпим, милый друг!

Зезва

А помнишь, брат, как мы в Сабуе
Пекли лепешки из лезгин?
Мой конь тогда в богатой сбруе
Носил меня среди теснин.
Едва клинок пустил я в дело,
Один с отсеченной башкой
Свалился в прах...

Лухуми

Все так ли смело
Ты нынче рубишь, братец мой?

Зезва

...Едва башка его упала,
Зубами стукнула тотчас.
Ей-богу, так стучит клепало
На старой мельнице у нас.
Ты пожалел лезгина, знаю,
Не устоявшего в борьбе.
Случись там женщина какая —
В лицо бы плюнула тебе!
Я не жалею их, неверных,
Мне басурманы не родня.
От их жестокостей безмерных
Клокочет в горле у меня.
Жалеть! А нас они жалели,
Когда рубили наповал?
Нет, убивать их в самом деле
Сам бог тушинам приказал!

Бойцы приветствуют друг друга,
Клянутся клятвой боевой,
Знамена посредине круга
Благословляют их на бой.
Опять родная кровь ручьями
Зальет и долы и хребет...
Над Кахетинскими горами
Пылает утренний рассвет.

XV

Зажглась заря на небосклоне.
Настало утро четверга.
Тяжелый день для Бахтриони,
Удел печальный для врага!
Луна свободы на Борбале
Обрисовалась, и вдали
Потоки крови засверкали
И к Алазани потекли.

Мечи, отточенные в сече,
Взметают искры. Каждый след
Дымится кровью человечьей,
Но басурманам счастья нет.
Уже в смятении великом

Они рассыпались кругом,
И Зезва, вскакивая с криком,
Летит в погоню за врагом.
Уже в руках Хошареули
Переломился франкский меч,
Уж слезы гневные блеснули
В глазах его, но нечем сечь;
Уже кремневка у Лухуми
Дала осечку, но герой
Без колебаний и раздумий
Клинок выхватывает свой;
Пришпорив яростного лурджу,
Дружину он свою зовет:
«Все те, кто носит шапку мужа,
Вперед, бесстрашные, вперед!»

Уже противиться разгрому
Твердыня больше не могла.
Подобно валу крепостному,
Лежали мертвые тела.
В те дни грузинская долина
Благословляла племя гор,
И каждый горец для грузина
Служил примером с этих пор,

XVI

«Сквозь реки, горы и дубравы,
Пришпорив взмыленных коней,
Откуда вы несетесь, пшавы,
С веселой песнею своей?
Зачем знамена бранной славы
Шумят над вами все сильней?»

«Из Кахетинской мы долины,
Из Бахтриони мы чуть свет.
Хевсуры с нами и тушины
Сошлись в Панкиси на совет.
Покончив с недругом, дружины
Спешат домой через хребет».

«А что случилось там такое?
С чего там вспыхнула война?»

«Там басурманскою ордою
Была страна разорена.
Ужель об этом вы насилье
Не знали, люди, до сих пор?
Теперь мы хана подстрелили,
Врага прогнали с наших гор.
Мы отомстили басурману,
Оставив груды мертвых тел,
И через снежную Тбатану
В родной направились предел.
Покрылись мылом наши кони,
Одолевая высоту,
Они везут из Бахтриони
Дары Лашарскому Кресту.
Сам царь лесами и лугами
Нас наделяет за поход,
Но честь, заслуженная нами,
Дороже всех его щедрот».

«А это чьи два мертвых тела
Везете в бурках вы с собой?»

«То славный Квирия и Лела,
Погибшие за край родной.
Они достойны этой чести,
Они открыть сумели нам
Ворота крепости и вместе
Погибли, схваченные там.
Мы им устроим погребенье
В краю их дедов и отцов,
Где охраняют поколенья
Могилы наших храбрецов.
Нельзя им с родиной расстаться,
Им дорог прах родных полей.
Легко им будет покрываться
Землей родимою своей».

«Кого же славой всенародной
Из вас отметить надлежит?»

«Да будет Квирия безродный
Меж нами первый знаменит.
Вторая — Лела из Бачали,
Девица с пряжею в руках.

Лухуми — третий, — мы видали,
Как он врага развеял в прах.
Четвертый — наш Хошареули,
Орел с печатью на крыле,
Сумелджи — пятый; ранен пулей,
Он еле держится в седле».

«А кто отличья удостоен
Среди тушинских был дружин?»

«Бесстрашный Зезва, старый воин,
Он — самый лучший из тушин!
Он не высок собой, не скроем,
И стан его не слишком прям,
Но оказался он героем,
Как подобает главарям.
Он лев, клянемся властелином,
Он в бой, как молния, летит.
Весьма идет к его сединам
Покрытый росписями щит.
Пробитый пулею, поверьте,
Он смерть едва переборол,
Но даже перед ликом смерти
Ни разу бровью не повел.
С какой тоской, с какой любовью
Рыдало войско вкруг него,
Поставив знамя к изголовью
Вождя седого своего!»

«Теперь откройте людям, пшавы,
Кто запятнал себя в бою?»

«Цицола, висельник лукавый,
Он предал родину свою!
Сбежал он, подлый, с поля боя,
При жизни умер навсегда.
Пускай теперь, избрав любое
Село, он явится сюда!
Пускай с бесстыжими глазами
Вернется он в свою страну!
Народ побьет его камнями,
Он не простит ему вину.
Хорош боец! Как в воду канув,
Уж не с ума ли он сошел?
Зачем он плен у басурманов

Иль даже смерть не предпочел?
Коль отщепенца не заботит
То, чем любой из нас горит,
Пускай земля его поглотит,
Пусть гром небесный поразит!
Недаром говорят в народе,
Узнав о мерзости такой:
«Тот не мужчина по природе,
Кто лишь бахвалится собой».

«А где же наш Лухуми старый,
Наставник пшавский и отец?»

«Увы, господь великой карой
Сразил нас, бедных, под конец!
Перед родимым нашим краем
Должна признаться наша рать:
Мы ничего о нем не знаем,
Как ни старались разузнать.
Когда вернулись мы с погони
И все собрались у знамен, —
Освободитель Бахтриони,
Не возвратился только он.
Гордясь содружеством старинным
С отважным Зезвой, может быть,
Решил заехать он к тушинам
Больного друга проводить.
Но это — лишь предположенье
Его встревоженных друзей,
И нас его исчезновенье
Томит загадкою своей».

XVII

Ночь. Отдыхает вся природа.
Холмы одеты темнотой.
Луна, светило небосвода,
И та исчезла за горой.
Туманным рощицам Иори
Свои рассказывает сны,
Объединяя в общем хоре
И шепот звезд, и шум волны.
Сверкают сонмы звезд нетленных,

Неугасимые вовек.
В железных поручах военных
Висит на дубе человек.
Как видно, в горе он немалом
Себя прикончил самого...
Но, погоняя вал за валом,
Река не смотрит на него.
Ее нимало не тревожит,
Что дети будут без отца,
Что псы голодные изгложут
Самоубийцу-беглеца.

XVIII

Седая женщина в Схловани
С утра рыдает до утра:
«Пускай сорвется с основанья
И раздробит мне грудь гора!
Не родила б я лучше сына,
Сама б на свет не родилась,
Чем славу добрую грузина
Увидеть втоптанною в грязь!
Сынок с веревкою на шее,
Ты опозорил жизнь мою.
Зачем, за родину болея,
Ты не погиб в честном бою?
Зачем с веселым светлым ликом
Ты не вернулся в отчий дом,
Но умер грешником великим,
Убитый страхом и стыдом?»

«Зачем старуха причитает
Одна? Зачем во всем селе
Никто добром не поминает
Того, кто найден был в петле?»

«Народ на празднике святыни
Из чаши выплеснул вино.
Оплакать мертвого в общине
Отныне всем запрещено.
Свершил Цицола преступленье,
Грех, достающий до небес.

Он опозорил все селенье,
Когда из воинства исчез.
Кто будет рыть ему могилу?
Кто будет гроб ему стругать?
Пускай, живая через силу,
Над ним одна рыдает мать!»

XIX

И есть народное сказанье:
В трущобе леса, чуть живой,
Лежал Лухуми без сознанья,
Пробитый пулей роковой.
Над ним огромного размера
До неба высилась скала.
В скале глубокая пещера
Вся мохом выстлана была.
Покрытый ржавою щетиной,
В пещере жил могучий Змей.
Немало крови неповинной
В трущобе пролил он своей.
Немало он пожрал, проклятый,
Людей и хищников лесных,
Когда, как злобный соглядатай,
Лежал, высматривая их.
И в трепете бежали звери
От этих мест, не чуя ног,
И подойти к его пещере
Никто осмелиться не мог.

Однажды на ветвях платана,
Лучами солнца озарен,
Как будто облако тумана,
Лежал, посвистывая, он.
И вдруг из зарослей бурьяна
Послышался далекий стон.

И Змей увидел: под скалою,
Навылет пулею пробит,
Какой-то раненый с мольбою
На небо синее глядит,
И кровь багровою струею
Седую грудь его кропит.

И стало Змею жаль Лухуми,
И всей громадою своей
Пополз он вниз в тяжелом шуме
Засохших листьев и ветвей.
И устремил глаза в раздумье
На умирающего Змей.

Глядит, свое уставив око,
Людским страданиям дивясь...
И так задумался глубоко,
Что ярость в сердце улеглась.
В нем, этом сумрачном созданье,
Содеявшем так много зла,
Святая сила состраданья
Змеиный нрав превозмогла!
И вот уже к едва живому
Он телу силится прильнуть,
И лижет раны он больному,
И слезы льет ему на грудь.

И так четыре он недели,
Об умирающем скорбя,
Героя пестовал в ущелье,
Не узнавая сам себя.
Поил водою родниковой,
Из леса пищу приносил
И, прилепившись к жизни новой,
Страдальцу сказки говорил.

И весь народ твердит в раздумье,
Что, исцелившись в том краю,
Еще поднимется Лухуми
К Лашари, на гору свою.

●

ГОСТЬ И ХОЗЯИН

(Поэма)

I

Бледна лицом и молчалива,
В ночную мглу погружена,
На троне горного массива
Видна Кистинская страна.

В ущелье лая торопливо,
Клокочет злобная волна.
Хребта огромные отроги,
В крови от темени до пят,
Склоняясь к речке, моют ноги,
Как будто кровь отмыть хотят.
По горной крадучись дороге,
Убийцу брата ищет брат.

Дорогой все же я напрасно
Тропинку узкую назвал.
Ходить здесь трудно и опасно,
Едва оступишься — пропал.
Глядит кистинское селенье
Гнездом орлиным с вышины,
И вид его нам тешит зренье,
Как грудь красавицы-жены.
И над селеньем этим малым,
Довольный зрелищем высот,
Как бы прислушиваясь к скалам,
Туман задумчивый встает.
Недолгий гость, за перевалом
Он на восходе пропадет.

Промчится он над ледниками,
Расстелется меж горных пик,
И горы, видимые нами,
Незримы сделаются вмиг.
В охоте будет мало толку —
Охотник потеряет путь,
Зато убийце или волку
Удобней будет прошмыгнуть,

II

Вдруг камень сверху покатился,
И человек, заслышав гул,
Над пропастью остановился
И вверх испуганно взглянул.
Прислушался. Через мгновенье
Струя посыпалась песка,
И за ружье без промедленья
Схватилась путника рука.
Кого там ночью носят черти?

Глядит: над самою тропой
Какой-то кист развилку жерди
По склону тащит за собой.
Песок и камешки сбивая,
Волочит что-то по земле.
Блестит, как капля дождевая,
Кольцо ружейное во мгле.

«Ты что тут бродишь, греховодник?»
И слышен издали ответ:
«Не видишь разве? Я охотник.
А вот к тебе доверья нет».
«А в чем, скажи, твои сомненья?
Зачем болтать о пустяках?
Ужель нельзя без подозренья
С прохожим встретиться в горах?
И я охотник, но сегодня
Я без добычи, верь не верь».
«На это воля, брат, господня!
Зато остался без потерь».
«Потеря в том, что еле-еле
До этих мест я дошагал.
Я днем облазил все ущелья,
Обшарил каждый буревал.
Вдруг мгла надвинулась ночная,
Рванулся вихрь, сбивая с ног,
И прянул в горы, завывая
Голодным волком из берлог.
Найти тропу вдали от дома
Мне ночью было мудрено —
Мне это место незнакомо,
Я здесь не хаживал давно.
Зверей, однако, тут немало
На горном прячется лугу.
Я слышал, как рогами в скалы
Стучали туры на бегу.
Эх, как болело, братец, сердце!
Не то что взять их на прицел —
Не в силах к месту присмотреться,
Я шагу там шагнуть не смел».

И незнакомец, что поодаль
Стоял, возник из темноты.
«Ну, здравствуй! Зверя тебе вдоволь!»

«Спасибо, будь здоров и ты?»
«Не сетуй, братец! Вот дичина! —
И незнакомец показал
На тушу тура-исполина,
Подстреленного между скал. —
Чем зря скитаться по ущельям
В чужом, неведомом краю,
Давай, как братья, мы поделим
Добычу славную мою.
Я говорю тебе без шуток!
Позор мне будет, если я
Тебя в такое время суток
Без пищи брошу и жилья.
Ты не хевсур ли ненароком?
Как звать тебя, мой дорогой?»
«Зовусь я Нунуа. В далеком
Селенье Чиэ домик мой».

Солгал, солгал Звиадаури,
Свое он имя не открыл!
Хевсур, отважный по натуре,
Немало кистов он убил.
Здесь, в этих селах, повсеместно
Давно в кровавом он долгу,
Его здесь имя всем известно
И смерть на каждом ждет шагу.
«Скажи и ты, — к чему таиться? —
Открой мне прозвище свое».
«Джохола я Алхастаидзе,
Здесь в двух шагах село мое.
Из камня прочного в Джареге
Любому мой известен дом.
Коль ты нуждаешься в ночлеге,
Туда мы двинемся вдвоем.
Придется ль он тебе по нраву —
Не знаю я, но гостю рад.
Наутро, выспавшись на славу,
Ты сможешь тронуться назад».
«Тот, кто не сеял, только сдуру
Надеется на урожай.
Ты перерезал горло туру,
Ты и добычу получай.
Переночую ночь, не боле,

И тура помогу донесть,
Но, чтобы быть с тобою в доле, —
На это совесть, братец, есть!»

Освежевав на камне зверя,
Спустились горцы под обрыв,
Беседой, полною доверья,
Свое знакомство укрепив.

III

Пришли. Глядят на чужестранца
Бойницы башенных громад.
Лачуги, сложены из сланца,
Как скалы, вытянулись в ряд.
Собак свирепых лает стая,
Ребята смотрят из дверей.
«Вот наша хижина простая,
Старинный дом семьи моей.
Здесь гостю нет ни в чем отказа, —
Войди как родственник к родне.
Открой нам хижину, Агаза!» —
Кричит кистин своей жене.
Хозяйской гордости оттенок
Звучит в речах его простых,
Когда он входит за простенок
Сеней вместительных своих.
Стоит в сенях Звиадаури
И слышит: возле очага
Старик, играя на пандури,
Поет походы на врага.
Поет старинные сраженья,
Седую славит старину,
Дружин хевсурских пораженья,
Отмщенье крови и войну.
Поет безжалостную сечу,
Хвалу героям воздает...
Но вот из хижины навстречу
Вся в черном женщина идет.
Идет, накинув покрывало,
Стройна, приветлива на вид.
«Вот гостя нам судьба послала, —
Ей муж с порога говорит. —

На нашем доме, без сомненья,
Почила, божья благодать.
Посмотрим, сколь в тебе уменья
Знакомца нового принять».
«Мир путнику под сенью крова!» —
Сказала женщина в ответ.
«Мир и тебе, и будь здорова
С детьми и мужем много лет!»
И муж порог переступает,
И путник, следуя за ним,
Оружье женщине вручает,
Как гость его и побратим.

IV

Как старый тигр в дремучих скалах,
Старик поднялся, хмур и строг,
Увидев путников усталых,
Переступивших за порог.
Обычай горцев соблюдая
И песни обрывая нить,
Обязан, на ноги вставая,
Чужого гостя он почтить.
Но, увидав Звиадаури,
Который многих здесь убил,
Какой порыв душевной бури
Он, изумленный, ощутил!
Трепещет яростное сердце,
Пылают очи старика,
Почуяв в доме иноверца,
К кинжалу тянется рука,
Но можно ль схватке разгореться,
Коль враг в гостях у земляка?
И вышел старый незаметно,
И палец в злобе укусил,
И в грудь, взволнованный и бледный,
Себя ударил что есть сил.
Ушел. И вот от дома к дому
Бежит неслыханная весть:
«Кистины, кровник ваш знакомый
Ночует у Джохолы здесь!
Его, разбойника ущелий
И кровопийцу мирных скал,

Джохола, видимо, доселе
Еще ни разу не видал.
Теперь насильник в нашей власти,
Мы не простим ему обид.
Посмотрим, кто кого зубастей,
Коль нашей кровью он не сыт.
Убитый им прошедшим летом,
Отмщенья требует сосед.
Верны отеческим заветам,
Как можем мы забыть об этом,
Когда препятствий больше нет?
Дивлюсь Джохоле я! Должно быть,
Совсем он спятил, если мог
Такого зверя не ухлопать
И допустить на свой порог.
Но мы пока еще не слабы,
Мы вражью кровь заставим течь,
А коль не так, пусть носят бабы,
А не мужчины, щит и меч!»

И взволновалось все селенье,
И ухватился стар и мал
В единодушном озлобленье
За неразлучный свой кинжал.
Чтоб успокоился в гробнице
Неотомщенный их мертвец,
Пусть над могилою убийца
Простится с жизнью наконец!
И чтоб не скрылся виноватый
И был прослежен, — всем селом
Благонадежный соглядатай
К Джохоле послан был тайком.
«Зайди как будто бы случайно, —
Ему сказали, — но смотри,
Коль разболтаешь нашу тайну,
Потом себя благодари.
Сумей сойти за балагура,
Приметь, где ляжет гость в постель,
Чтоб ночью этого хевсура
Не упустить нам, как досель».

И вот подосланный за ужин
Садится с гостем, приглашен.
Он краснобай, он добродушен,

Он разговорчив и умен.
Джохолу с радостною миной
Не устает он величать,
А то, что в сердце яд змеиный, —
Кто это может распознать?

Хозяин с гостя глаз не сводит
И угощает без конца
Он рад, он весел, он находит,
Что нынче встретил молодца.
Доволен он невыразимо:
Сегодня дружбы их почин,
А там и вправду побратима
Найдет в охотнике кистин.
Он на ночь гостю уступает
Свою плетеную кровать,
Но гость услугу отклоняет:
Он в комнате не может спать.
Как видно, с самого рожденья
Не приспособлен он к теплу.
Он на ночь просит разрешенья
В сенях пристроиться в углу.

И вот лазутчику награда —
Он все разнюхал без труда.
Ему лишь этого и надо,
Затем и послан он сюда!
И поспешил он возвратиться
Домой, смеясь исподтишка.
Довольна хитрая лисица,
Что выследила петушка!

V

«Жена, послушай, что такое?
Подай скорее мне кинжал!
Творится дело непростое, —
Не враг ли на село напал?
Наш гость, как видно, отпер двери
И, замышляя нам беду,
Под видом дружбы и доверья
Навел разбойничью орду.

Тсс... Подожди... Не в этом дело...
Тут наши люди... Вот беда!
Зачем они остервенело
Кричат и ломятся сюда?
Не я ль причина этой злости?
Ты слышишь хрип? Откуда он?
Жена, они схватили гостя!
Кинжал над гостем занесен!
Как? Презирать законы крова?
Мое достоинство и честь
Топтать, как тряпку? Это ново!
Что происходит с нами здесь?»

Еще глазам своим не веря,
Кинжал Джохола вырвал вон,
И, открывая настежь двери,
В толпу людей метнулся он.
«Вы что, с ума сошли, кистины?
Чей гость тут связан, чуть живой?
Зачем, презрев закон старинный,
Вы надругались надо мной?
Клянусь вам верой Магомета,
Гостеприимство — наша честь!
А если вы забыли это,
Так у меня оружье есть!»

«Ой, не бреши, дурак, впустую!
Чья окаянная рука
На мать поднимется родную
Во имя кровного врага?
Приди в сознанье, пустомеля!
Кого ты принял в отчий дом?
Такого гостя мы в ущелье
Вслед за хозяином столкнем!
Род разберется в этом деле,
Получит каждый поделом.
Откуда ты набрался дури?
У нас в горах любой малыш
Узнать бы мог Звиадаури,
Тебя ж провел он. Что молчишь?
Не он ли здешним был громилой,
Не он ли, прячась по кустам,
Как зверь жестокий и постылый,
Устраивал засады нам?»

Джохола смотрит, и сомненье
Закралось в грудь его на миг,
И, погруженный в размышленье,
Перед толпою он поник.

«Не он ли, бешеный, когда-то
Засел у нас в березняке,
И твоего прикончил брата,
И ускакал с ружьем в руке?
«Вот я каков, Звиадаури!» —
К нам доносилось из-за гор.
Какая злость кипит в хевсуре,
Известно людям с этих пор.
Наполнив нашими стадами
Пшаво-хевсурские луга,
Он враждовал, и дрался с нами,
И поднимал на нас врага.
Зачем позоришь ты, несчастный,
Себя, свой дом, свою жену,
И в слепоте своей опасной
С ним делишь трапезу одну?»

«Пусть это так... Пускай вы правы...
Но все, что вы сказали мне,
Еще не повод для расправы
И вы — преступники вдвойне!
Сегодня гость он мой, кистины!
И если б море крови был
Он должен мне, здесь нет причины,
Что горец гостю изменил.
Пусти, Муса, пусти, убийца,
Его напрасно не терзай!
Когда из дома удалится,
Тогда как хочешь поступай.
Соседи, вы не на дороге
Грозите вашему врагу.
Какой вы, стоя на пороге,
Отчет дадите очагу?
О горе вам, сыны кистинов!
На безоружного толпой
Напали нынче вы, отринув
Отцов обычай вековой!»

Муса

Ну, и тебе не будет сладко!
Связать недолго наглеца,
Коль родового он порядка
Не уважает до конца.
Пока, добравшись до хевсура,
Мы не виним тебя всерьез,
Ты из-за этого гяура
Враждуешь с братьями, как пес.

Джохола

Что? Пес? В тебе ума хватило
Меня собакою назвать? —
И в грудь Мусы он что есть силы
Вонзил кинжал по рукоять. —
Вались, проклятый пес, в могилу,
Чтобы не лаяться опять!
Кистины, вы смешали с прахом
Все то, что свято для меня.
Я перебью, клянусь аллахом,
Всех вас, хоть вы мне и родня!
Законы крова вы презрели,
О, будьте прокляты навек!

«Что натворил он в самом деле!»
«Совсем рехнулся человек!»

И вот Джохолу повалили
И, окружив со всех сторон,
Веревкой накрепко скрутили,
Пока меча не вынул он.
Избит и брошен на солому,
Он, как мертвец, лежит в сенях...
Народный гнев подобен грому,
Его удар разносит в прах.

О чем твердит Звиадаури,
Слова невнятные шепча?
Кипит, бушует кровь в хевсуре,
Но нет в руке его меча.
«Увы, попался я, собаки.

Удачный выпал вам денек!»
Но уж народ его во мраке
Куда-то с ревом поволок.
Пора убийце-сумасброду
В могильную спуститься тьму,
Чтобы покойнику в угоду,
Таскать ему за гробом воду
Или бандули плесть ему!

VI

Есть за аулом холм унылый,
Лучами выжженный дотла.
Там, погруженные в могилы,
Спят львиносердые тела.
Вода их влагою омыла,
Гора их глиной облегла.
Под сводом каменного гроба
Сердца не бьются храбрецов,
Земли жестокая утроба
Снедает кости мертвецов.
Стирает облик человечий
Со всех, кто яростен и смел,
Не дрогнул духом перед сечей
И, вынув меч, не оробел.
Таков извечный грех природы,
Печаль великая моя.
Хоть зол, хоть д о б р , — настанут годы —
И ты умрешь для бытия.
Ведь всех пловцов поглотят воды,
Коль опрокинется ладья.

Еще не выплыло светило,
Еще росой светился луг,
Еще поля не осенило
Дыханьем утренним, как вдруг
Толпа людей холмы покрыла
И зашумело все вокруг.
Весь в путах шел Звиадаури,
Влекомый грозною толпой.
Кто здесь заплачет о хевсуре?
Здесь рад убить его любой!

Нам смерть страшна, но коль случится
Чужой увидеть нам конец,
Любой на место казни мчится
И наслаждается, глупец.
О, сколько извергов я знаю,
Которые в великом зле,
Челом безоблачным сияя,
Спокойно ходят по земле!

VII

И вот оно — кладбище кистов,
Где спит убитый их Дарла.
Встав над могилою, неистов,
Взывает к мертвому мулла:
«Дарла, забудь свои мученья,
Дарла, взгляни, перед тобой
Стоит сегодня все селенье
И вместе с ним — убийца твой.
Его, как жертву, в мир загробный
Мы бросим к телу твоему!»
И вдруг раздался голос злобный:
«Пес будет жертвою ему!»
Хевсур стоит и злобой пышет,
Неустрашим и величав,
И ветер волосы колышет,
Как гриву львиную подняв.
Огнем душа его объята,
Он, как железо, в землю врос.
Страшится ль острого булата
Покрытый ржавчиной утес?
Но валят с ног его кистины
И шепчут, яростны и злы:
«Признай, проклятый, господина,
Будь жертвой нашего Дарлы!»
«Пес будет жертвой басурману!» —
С мечом у горла, чуть живой,
Прижат к могильному кургану,
Хрипит истерзанный герой.
И на дыбы, пылая злобой,
Селенье с ревом поднялось:
«Проклятый! Видит двери гроба,

А не дается в жертву, пес!»[1]
И понемногу, словно жало,
Ему вонзают в горло меч.
«Пес будет...» — в горле клокотало,
Пока дыхания хватало
И голова не пала с плеч.
Твердят в смущении кистины,
Забыв кровавый свой разгул:
«Смотрите, люди, в час кончины
Он даже глазом не моргнул!»

Жизнь угасает, кровь струится, —
Звиадаури умирал.
Но сердца храброго убийца
Не подчинил, не запугал.
И высока, и черноглаза,
От ужаса едва жива,
Следила из толпы Агаза,
Как покатилась голова.
«На помощь!» — сердце ей твердило.
О, если бы найти топор,
Она б злодеев перебила
И пленника освободила
Сородичам наперекор.
Но разве женщине-кистинке
Власть над мужчинами дана?
И, удаляясь по тропинке,
Невольно думает она:
«Как сладко было той несчастной
Под кровом мужа своего,
Которая в ночи безгласной
Лежала на руке его!
Как тесно их сжимались груди
В полночный час! Не может быть,
Что и ее заставят люди
Теперь о муже позабыть!»

---

[1] Кровная месть, убийство за убийство, — в обычае у всех горцев. Но зарезать врага на могиле и таким образом принести его в жертву — это обычай горцев-мусульман. Горцы-христиане избегают этого... Если обреченный не дрогнул перед смертью, он не считается принесенным в жертву покойнику. (*Примеч. Важа Пшавелы*).

Нет, не достигли кисты цели,
Пронзая горло храбрецу.
Не удалось им, как хотели,
Обед состряпать мертвецу!
Не повезло им, басурманам!
Кинжалы сами рвутся вон,
Чтобы на теле бездыханном
Наделать множество окон.
Но сердце есть и у жестоких,
И каждый думает: «Грешно!» —
И уж сознание у многих
Неясной думой смущено.
И уж твердит народ понуро,
Спускаясь к зарослям реки:
«Кто б тронул этого хевсура,
Когда б не били нас враги?
Аллах свидетель, знаем сами,
Что совесть у него чиста, —
Он, словно тигр, боролся с нами
И за родные пал места.
Но нужно с недругом бороться,
И, сколь он с виду ни хорош,
Кистинским молодцам придется
Всадить ему под сердце нож!»

Ушли. И брошенное тело
Осталось на верху скалы.
Пусть рвут его собаки смело,
Пускай клюют его орлы!
«Коль повезло ему, собаке,
Коль жертвой стать не захотел, —
Валяться в холоде и мраке —
Его заслуженный удел».
Так кисты меж собой галдели,
Пока в селенье не пришли,
И эхо каменных ущелий
Слова их множило вдали.

И вот опять завечерело,
Сошел с горы последний луч,
И тьма, подкрадываясь смело,
Заволокла вершины круч.
С неизъяснимою печалью

Глядит на кладбище утес,
Струя над немощною далью
Потоки медленные слез.
Печаль нужна могильной сени,
Останкам брата — плач сестры,
Ночному лесу — бег оленей
И волчьи грозные пиры.
Прилична смерть на поле боя
Тому, чья держит меч рука,
Сраженью — торжество героя
И поражение врага.
Но кто здесь труп Звиадаури
Оплачет, выйдя на бугор?
Лишь ветра стон, да ропот бури,
Да грохот вод и вздохи гор!

Слезится легкий рой тумана.
Кистинка в чаще лозняка,
Роняя слезы неустанно,
Склонилась к водам родника.
Полна душевного смятенья,
Она скрывать не в силах дрожь,
Но плач ее ни на мгновенье
На вопль надгробный не похож.
Кто смеет пред лицом аллаха
Оплакать вражескую смерть?
Тот, кто пред ним не знает страха,
В мученьях должен умереть!
Односельчан она страшится,
Но сердце делает свое,
И смерть хевсура-несчастливца
Стоит пред взорами ее.
Коль не она, то кто сегодня,
Оплачет витязя в глуши,
Чтоб позабыл он в преисподней
Страданья доблестной души?
Она склоняет очи долу,
Она не думает о том,
Что, может быть, ее Джохолу
Сразит сегодня тот же гром.
Безумная, о чьем ты муже
Рыдаешь тут? Ты чья жена?
Тебе ж, несчастной, будет хуже!
Но поднялась, идет она,

Спешит, как серна молодая,
Оглядываясь в темноте.
Вот речка... вот гора крутая...
Вот спуск... а там на высоте —
Безглавый труп! В изнеможенье
Она бежит наверх, к нему,
И опускаясь на колени,
Глядит в кладбищенскую тьму.
Глядит — и больше нету мочи,
Она увидела его,
И плачет, плачет в мраке ночи
Над телом гостя своего,
И, содрогаясь, отрезает
Волос безжизненную прядь,
И снова бьется и рыдает,
И на ноги не может встать.

Но что за шум на дне могилы?
Откуда этот смутный зов,
Откуда этот вопль унылый,
И плач, и ропот мертвецов?
Чьи это детские рыданья,
Невыносимые вдвойне?
Всеобщий крик негодованья
Встает пред нею в тишине:
«Бесчестная! Над чьим ты прахом
Рыдала тут? Над чьей душой,
О, будь ты проклята аллахом,
Обряд свершила гробовой?»
Она встает в смертельной муке,
Она бежит, а вслед за ней
Не мертвецы ли тянут руки
Из-за кладбищенских ветвей?
«Нет, ты не скроешься в селенье,
Удрав от нас по-воровски!» —
Кричат ей скалы и каменья,
И остролисты, и пески.
И вот поднялся из могилы
В тени безжизненных чинар
Кистин, когда-то полный силы,
Ее погибший брат Эбар.
«О, что ты сделала со мною,
Сестра моя, сестра моя!
Ужель могилою одною

Не мог довольствоваться я?
Зачем во мрак второй гробницы
Меня теперь столкнула ты
Иль это подвиг для сестрицы,
Залог сердечной доброты?»

VIII

Она бежит на дно оврага,
Навстречу ей несется пес.
«Куда, проклятая собака?
Не смей взбираться на утес!
Ты чуешь мертвого, пролаза,
Но не тебе его терзать!»
И пса от кладбища Агаза
Спешит камнями отогнать.

Она несется по тропинке,
Внимая воплям с вышины,
И даже волосы кистинки
Упреков горестных полны.
И, подбежав к родному дому,
Где еле брезжил огонек,
Она, преодолев истому,
Переступила за порог.
Переступила и упала,
Как неживая, у дверей,
И то, что в сердце трепетало,
Теперь, увы, погасло в ней.

«О горе нам! — вскричал Джохола. —
Добычей стали мы врага!»
И поднял он Агазу с пола
И положил у очага.
«Жена, — шептал он, — что с тобою?
Иль кто посмел тебя обнять?
Скажи, и я своей рукою
Глупца сумею обуздать.
Я приведу его в сознанье,
Он, как Муса, обидчик мой,
Ответит мне за поруганье
Законов чести родовой!»

Нащупав рукоять кинжала,
Он ждал ответа от жены,
Но та в беспамятстве лежала,
И были очи смежены.
И только в полночь понемногу
Она очнулась и в слезах
Сказала мужу: «Слава богу,
Что не погибла я в горах!
Кто здесь осмелится в округе
Со мной бесчестно поступить?
Как имя доброе супруги
Мне после этого носить?
Я целый вечер по оврагам
Искала твоего коня,
И вдруг, окутанные мраком,
Напали дэвы на меня.
Один из них был с виду черен,
Зубаст, огромен, длинноух.
Ручищи страшные простер он
И закричал, нечистый дух:
«Иди, иди ко мне, Агаза,
Живи, красавица, со мной,
И все сокровища Кавказа
Открою я перед тобой!»
Я испугалась, побежала,
Он с воем кинулся вослед,
И вся земля вокруг дрожала,
Когда он мчался, людоед».

Джохола вымолвил с сомненьем:
«Ну что ж, возможно, был и он.
Но все ж не этим привиденьем
Твой ум, Агаза, потрясен.
О чем ты плакала? Какою
Была тоской удручена?
И до сих пор передо мною
Ты вся в слезах, моя жена!
От моего не скроешь глаза
Своей души. Зачем же ложь?
Открой всю правду мне, Агаза,
Мне ждать, как видишь, невтерпеж!»
«Ты прав. И я перед супругом
Не утаю мои дела.
Я над твоим несчастным другом

Сегодня слезы пролила.
Мне стало жаль его, беднягу,
Он умирал в чужой стране,
Я видела его отвагу...
Что оставалось делать мне?
Ни друг, ни родственник случайный —
Никто его не пожалел,
Никто его печали тайной
Еще оплакать не успел.
И пред тобой, и пред аллахом,
Наверно, я свершила грех,
Но что поделаешь? Над прахом
Одна я плакала за всех...»

И с нежным трепетом печали
Она умолкла. И супруг,
Столь недоверчивый вначале,
Перед женой склонился вдруг.
«Где вижу лишь одно добро я,
Мне не пристало быть судьей.
Оплакать мертвого героя
Прилично женщине любой».

IX

При первых проблесках денницы
Овец Агаза погнала.
Над кладбищем кружились птицы,
И тень огромного орла
Витала в небе. Проливая
Потоки горестные слез,
Спешит кистинка молодая
Тропой подняться на утес.
И вот высоко над могилой
Она стоит среди камней,
И, испуская крик унылый,
Зловещий коршун длиннокрылый
Кругами реет перед ней.
Скрывая горестное пламя
Солнцеподобного лица,
Она бросает в птиц камнями
И гонит прочь от мертвеца.
Потом сидит в густом кизиле,

Как будто вяжет там чулок, —
Хитрит, чтобы ее усилий
Никто заметить здесь не мог

X

Дошли до Бисо злые вести —
Как будто гром прогрохотал:
«Звиадаури жертвой мести,
Добычей вражескою стал!
Могучий столп, сошедший с неба,
Пшаво-хевсурский славный щит
Истерзан кистами свирепо,
Обезоружен и убит!»

И мать его завыла глухо,
И люди вздрогнули в селе.
«Зачем я здесь жива, старуха?
Предайте и меня земле!
Верните мне его десницу,
Что б в час кончины сын родной
Похоронил меня, вдовицу,
И холм насыпал гробовой!»
И опечалены и хмуры,
Услышав горестную весть,
Толпились мрачные хевсуры
И говорили там и здесь:
«Да будет славное надгробье
Пока оплакано вдали!»
И жиром смазанные копья,
Готовясь к подвигам, несли.

И к утру воинство готово.
Блестят кольчуга и шелом.
Ни для кого в селе не ново
Сражаться с вражеским селом.
Кричит хевсурам Апарека:
«Берите пищи на семь дней!»
«Кто здесь не трус и не калека,
Кто честью дорожит от века,
Все до едина человека
Кончайте сборы поскорей!» —
Так говорит Бабураули,

Кистинам издали грозя...
Их крики землю всколыхнули.
Да, это не свирель, друзья!

XI

«Проснись, Джохола, встань с постели.
Довольно спать у очага!
На наши горы и ущелья
Напало скопище врага.
Желают гости поединка,
Хотят с земли героев сместь,
Чтоб пожалела мать-кистинка
О том, кого качала здесь.
Давно мечтая о набеге,
Они на наш напали скот.
Теперь на подступы к Джареге
Ватага буйная идет.
Не медли, витязь! Уж кистины
Торопятся навстречу к ним.
Вставай и будь, как все мужчины,
С мечом в руке непобедим!»
«Идти с кистинами? Но кто же
Меня допустит к ним, чудак?
Сражаться должен я, похоже,
Один, как перст, за свои очаг.
Пускай они увидят, боже,
Кто друг Кистетии, кто враг!
Меня изменником считают,
Меня отступником зовут.
Глупцы в селенье полагают,
Что я врагам продался тут, —
Меня при жизни погребают,
Плиту мне на сердце кладут!»

И удалец надел кольчугу
И опоясался мечом,
Кремневку, верную подругу,
Привесил сбоку за плечом;
Кистину шлем в бою не нужен —
Он с обнаженной головой,
Заветам дедовским послушен,
Идет, как лев, в смертельный бой!

XII

И вот хевсурская дружина,
Знамена выставив вперед,
Стремительная, как лавина,
Уже спускается с высот.
Спешит на кладбище глухое
Собрать останки мертвеца,
Грозит мучителям героя
Ножами вырезать сердца.
И вдруг на подступах в ущелье
Раздался выстрел. Так и есть!
Враги, незримые доселе,
Устроили засаду здесь.
В седые камни пуля бьется,
Борьба в ущелиях трудна.
Стон, вопли... Яростно дерется
И та и эта сторона.
Эх, много выпили вы, пули,
Невинной крови над ручьем!
Оставив родичей в ауле,
Врага бы кисты отпугнули,
Но в этот миг Бабураули
На них набросился с мечом.

И вот взвилось сиянье стали,
Щит открывает путь клинку,
Хевсуры рвутся дале, дале,
И бьют, и рубят на бегу.
Эй, щит, не изменяй железу,
Железу в битве ты родня.
Гоните басурманов к лесу!
Но что ж замедлилась резня?

Из-за скалы в разгар сраженья
Кистин с открытой головой,
Как яростное привиденье,
С мечом в руке ворвался в бой.
Дивятся юноши в засаде —
Кто это рубит там сплеча?
Его не видели в отряде
И не признали сгоряча.
Ужель Джохола? Он, проклятый!
Один, в пороховом чаду,

Великой яростью объятый,
У всех он бился на виду.
Глядят кистины на героя,
Поражены, изумлены,
Но вкруг него кольцо стальное
Смыкают недруги страны.
Он падает, он умирает,
Мечом сраженный наповал,
И по груди его гуляет
Хевсура яростный кинжал.

Что ж, опечалились кистины?
Ничуть! «Убили поделом!
Он издевался над общиной,
Равнял себя со всем селом.
Он не хотел считаться с нами,
Он в битву кинулся один,
Чтоб осрамить перед врагами
Своих сородичей-кистин!»

Лежит герой, врагами брошен,
Один на выступе скалы.
Хевсуры рвут клинки из ножен,
Хватают ружья за стволы.
Удар меча пронзает груди,
Несется к небу гул щита.
Кистины дрогнули, и люди
Бегут, спасаясь, в ворота.
Но, оттесненные в жилище,
Они уже не страшны тут.
И вот хевсуры на кладбище
Толпой нестройною бегут.
Здесь, на неведомом погосте,
Средь неприятельских могил
Лежат разбросанные кости
Того, кто их героем был.
Сложив в хурджин останки тела,
Хевсуры двинулись домой.
Все то, что в сердце накипело,
Они вложили в этот бой!
Осуществились их желанья —
Они угнали скот врага
И вражьей кровью в наказанье
Омыли скалы и луга.
Родные кости на чужбине

Они собрали по частям
И, как великую святыню,
Несут к отеческим местам.
Пускай мертвец к родному краю
Свой совершит последний путь,
Чтобы семья могла, рыдая,
Героя с честью помянуть:
Недешева она, родная,
Слеза, упавшая на грудь!

XIII

«Эй, причитальщица гяура!
Ты крики слышала резни?
Твой муж убит рукой хевсура,
Оплачь его и схорони.
Уж ворон каркает над телом,
Уж треплет ветер смоль волос».

«Пусть так же враг на свете белом
Живет, как мне теперь пришлось!
За что, как будто от проказы,
Как от смертельного огня,
Все отвернулись от Агазы,
Все отшатнулись от меня?
Я на утесе схоронила
Сегодня мужа *моего*, —
Община мне не разрешила
Снести на кладбище его.
Сказали: «Муж твой был изменник,
Он жил, как пес, в родном краю.
Чтоб ликовал иноплеменник,
Общину предал он свою.
Ему не место на погосте,
Пускай лежит он, где подох,
Пусть о своем горюет госте,
Коль для него он был неплох!»
О горе мне! Душа, пылая,
Горит в беспламенном огне,
Непостижимых мыслей стая
И ум и сердце давит мне!»

Склонясь подобно нежной лани,
И черноглаза, и стройна,
Убитого на поле брани

В тот день оплакала жена.
Слезой жемчужной на прощанье
Омыла грудь ему она.

XIV

И ночь, и буря. С дикой силой
Бушует ветер у ворот.
О боже, путников помилуй
И не губи своих сирот!
Сам всеблагий и всемогущий,
О тех, кто слаб, не позабудь,
Пусть вопль их розою цветущей
К тебе опустится на грудь.
Но, коль тебя не тронет роза,
Прими их души, о творец!
Замолкни, гром, промчись, угроза,
Развейся, туча, наконец!

Река ревет, волна играет,
Водоворот кипит ключом.
Пучина злобная рыдает,
Сама не ведая о чем.
Она глуха к людским страданьям,
Ей непонятен страх могил,
Но нет конца ее рыданьям
И смех ей, кажется, не мил.

Бушует ветер в буераке,
Несет с утесов клочья мглы,
Но женщина стоит во мраке
И смотрит в бездну со скалы.
Ей ветер волосы вздымает,
Пугает холодом ледник.
Звездой ущербною мерцает
Ее дрожащий бледный лик.
Склонясь над бурною рекою,
Она глядит, потрясена.
О, как ужасен шум прибоя,
Как воет злобная волна!
Гудит ущелие ночное,
Раздвинув челюсти до дна.

О, кто во мраке этой ночи
Ее удержит? Кто поймет?
Никто! Она закрыла очи
И бросилась в водоворот.
Скрывая в сердце лютый пламень,
Зачем ей жить среди людей?
В Кистетии последний камень
И тот отныне недруг ей!
Жена и муж, не оба ль сразу
Они запятнаны грехом?
Не подчинился он приказу,
Она — рыдала над врагом...
И унесла река Агазу,
Смешала с илом и песком.

XV

В глухую полночь, на вершине,
Где вечным сном Джохола спит,
Виденье чудное доныне
Случайным взорам предстоит.
Над одинокою могилой
Взывает призрак мертвеца:
«Звиадаури, брат мой милый,
Что не покажешь ты лица?»
И с отдаленного кладбища,
Во мраке ночи строг и хмур,
Покинув скорбное жилище,
Встает замученный хевсур.
Блестит оружье боевое,
Скрестились руки на груди...
Он молча чествует героя,
И на скале, где встали двое,
Встает Агаза позади.

И вот среди вершин Кавказа
Мерцает зарево костра,
И снова трапезу Агаза
Готовит братьям, как сестра.
Сквозь сумрак ночи еле зримы,
В сиянье трепетных огней
Ведут беседу побратимы
О дивном мужестве людей,

О дружбе, верности и чести,
Гостеприимстве этих гор...
И тот, кто их увидел вместе,
Не мог насытить ими взор.

Но предначертан волей рока,
Непроницаемый для глаз,
Туман, как черная морока,
Скрывает витязей от нас.
Встает он пологом заклятым
Над очарованным холмом,
И не разбить его булатом,
И не рассеять волшебством.
Шумит река в теснине черной,
Ущелье, кашляя, хрипит,
И лишь пиримзе, цветик горный,
В пучину бездны непокорной,
Головку вытянув, глядит.

●

ОЛЕНЬЯ ЛОПАТКА

(Поэма)

Лил дождь, трепетала зарница.
По горному склону стремглав
Потоков неслась вереница,
Траву и кустарник измяв.
Ворочая с громом каменья,
В ущелиях воды ревут.
Не горы, а столпотворенья
Из черного мрака встают.
Скала на скалу наседает,
На гору влезает гора,
Река, словно зверь, завывает
И плачет внизу до утра.

И только средь темных орешин
Утес в одеянье простом,
Как девушка юная, нежен
И грозен, как витязь Ростом.

Там бродят в трущобах медведи,
Живут там кабан и олень.
Охотник там множество снеди
Находит в удачливый день.
Но нет ни дорог там, ни хижин,
И необитаем утес,
И только струится, чуть слышен,
Источник прозрачнее слез.
И дождь, упадающий косо,
О листья растений звенит,
И речка у края утеса
Ревет, омывая гранит.

Там волки не воют в трущобе,
Не брешет во мраке лиса,
Сова, сотрясаясь в ознобе,
Не плачет на все голоса.
И туч исчезают скопленья,
И звезд появляется рой.
Покрытые влагой растенья
Недвижно стоят над землей.
И возле костра небольшого,
Красив и приятен на вид,
Оставшийся на ночь без крова
Какой-то охотник сидит.
Он съежился, вымокнув за день,
Поник у костра своего.
Игрою сверкающих пятен
Огонь освещает его.
На левом боку несчастливца
Охотничья сумка видна,
Красивая пороховница
Отделана костью слона.
Кремневка приставлена к буку,
На поясе блещет кинжал...
Внимательный к каждому звуку,
Охотник курил и дремал.
И думал сквозь тонкую дрему —
Как завтра добычу найти.
Ужель суждено ему к дому
С пустыми руками идти?
Весь день по горам он скитался
И еле уж ноги волок,
Но живности, как ни старался,

Добыть на охоте не мог.
Два раза, подкравшись к оленям,
Стрелял он в животных, но те,
Подобно стремительным теням,
Скрывались в лесной темноте.
Кабаны паслись в буреломах —
Он выстрелил несколько раз.
И снова за промахом промах,
И брызнули слезы из глаз.
Он в голову бил кулаками,
Был мерзок себе самому...
Теперь, понимаете сами,
Не очень-то сладко ему.

II

«Эй, братец!» — послышался голос.
Охотник глядит — никого.
И дыбом становится волос
От страха под шапкой его.
«О боже, спаси и помилуй,
Ломисского раб я Креста!
Как видно, нечистая сила
Пугает меня неспроста».
А голос: «Не бойся, бедняга,
Не бес я, не демон лесной.
Клянусь, не во зло, но во благо
Пойдет эта встреча со мной.
Спускайся скорее в ущелье,
Не мешкай, не сбейся с пути.
Мне нынче на праздник велели
С собою тебя привести».
Неужто пришлец не лукавил?
Был Балия бледен еще,
Но встал он, кинжал свой поправил,
Закинул ружье за плечо.
«Ну, что ж ты шевелишься еле?
Идешь ты или не идешь?»
«Иду, хоть меня бы и съели!
Пускай пропаду ни за грош!»
И Балия, полон отваги,
На голос ночной зашагал,
И долго блуждал он в овраге,
Цепляясь за выступы скал.

Вдруг роща пред ним зашумела.
«Эй, кто тут?» — он крикнул во тьму.
«Иди под деревьями смело», —
Ответили рядом ему.

III

Поднялся он вверх по тропинке,
Подъем одолел без помех,
И вдруг из соседней ложбинки
Послышался говор и смех.
Глядит он — большая поляна
Огнями вокруг убрана.
Красива и благоуханна,
Вдали распростерлась она.
И как он ее не заметил,
Скитаясь по этим местам?
Струится, прозрачен и светел,
Источник серебряный там.
На ветках из чистого лала,
На стеблях из яхонта, в ряд,
Как радужные опахала,
Цветы над поляной висят.
К деревьям прилеплены свечи,
Их пламя встает до небес.
Свои благодатные речи
Ведет очарованный лес.
И толпы различного люда
Уселись вокруг на траву.
Охотник подобного чуда
Не видел еще наяву.
«Охотник, забудь про охоту,
Присядь поскорее за стол!»
И взял его за руку кто-то,
И вмиг на поляну привел.
Его на ковре усадили,
Поставили кубок вина,
И разная дичь в изобилье
Собранью была подана.
Охотник вино выпивает,
Глаза поднимая, глядит, —
Девица пред ним восседает,
Стройна и прекрасна на вид.

Как молния, светятся взоры,
А волосы — синяя мгла...
«О дети, Великие Горы
Зовут вас к началу стола.
Вкушайте, что подано, с миром!
И ты, наш возлюбленный гость,
Будь весел за дружеским пиром,
Но помни, что каждую кость,
Которая в долю досталась,
Ты бережно должен хранить.
Живому ведь каждая малость
Нужна, коли надобно жить!»

IV

Дождавшись урочного часа,
Все гости взялись за еду.
Здесь поровну делится мясо,
И каждый имеет в виду:
Чтоб были в сохранности кости
И дева довольна была, —
Собрать их обязаны гости
Пред ней на средину стола.
И каждый здесь полною чашей
Торжественно пьет за того,
Кто правит вселенною нашей,
За мудрость и силу его;
Здесь пьют плодородье земное —
Отраду счастливых сердец,
И, радуясь мысленно вдвое,
За девушку пьют наконец.

Но не подчинился порядку
Охотник за общим столом, —
Обгрыз он оленью лопатку
И бросил в источник тайком.
Столпились пред девушкой гости,
Окончив обильный обед.
Считают — в сохранности кости,
Оленьей лопатки лишь нет.
Куда провалилась лопатка,
По чьей потерялась вине?
Охотника бьет лихорадка,

Мурашки бегут по спине.
«Ну,—думает,—если узнают,
Навалятся целой толпой,
На части меня растерзают,
Могильной засыплют землей».
А гости из старой осины,
Чтоб выполнить древний обряд,
Подобье лопатки звериной
Уже перед ним мастерят.
И деве своими руками
Принять деревяшку пришлось,
И вместе с другими костями
Ее засчитали за кость.
И дева обломком кинжала,
Который, как солнце, горел,
На каждой кости начертила
Животных грядущий удел:
«Весною, когда ежевика
В соседнем лесу расцветет,
Искусный охотник Чолика
Пусть этого зверя убьет».
«Когда к водопою в июле
Приблизится этот самец,
Берика свинцовою пулей
Уложит его наконец».
«Пусть этого свалит Беридзе
У скал, где темнеет ивняк.
На празднике повеселиться
С семьею достоин бедняк».
Так дева на каждой костяшке
Писала о судьбах зверей.
Подходит черед деревяшке.
Чье имя напишут на ней?
«Под звуки оленьего клича
В осенний и пасмурный день
Пусть Балии снова в добычу
Достанется этот олень».
Счастливая выдалась щепка!
Пошло приключение впрок!
Запомнился Балии крепко
Назначенный девушкой срок.
И вот на костяшках звериных
Написаны сотни имен,
И пусто в огромных кувшинах,

И клонит охотника в сон.
Заснул на поляне он сладко,
От долгих скитаний устав.
Природа во имя порядка
На все свой имеет устав.

Луч солнца — душа человечья —
Горит на вершине горы.
Летит ветерок издалече,
Волнуя растений ковры.
Проснулся охотник, и что же?
Нигде не заметно костра,
Поляна совсем не похожа
На ту, что он видел вчера.
Ни девушки нет, ни народа,
Источник куда-то исчез,
В гирляндах цветов к небосводу
Волшебный не тянется лес.
Вздымает обычные кроны
Обычный лесной косогор,
И белокопытник зеленый
Цветет здесь, и дикий копер.
И мост из листов ежевика
Над самым обрывом мостит,
И в чаще от птичьего крика
Весь воздух поет и звенит.
И перлы росы умывают
Лесных сладкопевцев лицо,
И травы друг друга лобзают,
И к деревцу льнет деревцо.
Как мать над своими птенцами,
Храня их от бурь и тревог,
Порхает, виясь, над цветами
Прохладный лесной ветерок.
И вновь расцветают растенья,
Роняя росинки с листа,
И счастьем любви и смиренья
Их свежие дышат уста.
И в виде большого дракона
Туман у подножья горы
На горы глядит полусонно,
Вздымая седые вихры.
Но горы, как будто для песен,
Спокойно расселись вокруг,

И круг их возвышенный тесен,
И выпуклы мускулы рук.
«Будь тверд и разумен на деле», —
Твердит человеку гора,
И каждое дышит ущелье
Дыханьем любви и добра.
Кто силы на это затратил?
Кто создал природу такой?
Невидимый в зарослях дятел
Чинару долбит за рекой.
Поднялся орел в отдаленье,
Парит посредине небес.
И сладкому птичьему пенью
Внимает проснувшийся лес.
И смолкла река понемногу,
Забыв про вчерашний разгул,
И молится Балия богу, —
Он выспался и отдохнул.
Глубоко он в сердце скрывает
Все то, что увидел вчера,
И трубочку он зажигает,
И к дому шагает — пора!
Пора! Но уж тайну ночную
Он будет таить ото всех:
Болтать о виденье впустую —
Большой, разумеется, грех.

V

«Ну, Балия, где ты шатался,
Быть может, напрасно ходил?
Каких ты чудес навидался,
Какие места посетил?»
Так Балию старый и малый
Расспрашивал жадно, но он
Едва отвечал им, усталый,
Боясь заикнуться про сон.
«Я, люди, врагу не желаю
Того, что случилось со мной!
Немало по нашему краю
Скитался я в чаще лесной;
Немало я видел оленей
И к богу нередко взывал,

Но, как ни стрелял, к сожаленью,
Ни разу я в цель не попал.
Случиться без воли господней
Такие не могут дела,
Затем и святыня сегодня
Ничем мне помочь не могла».
А сам про себя размышляет:
«Настанет назначенный срок, —
Увидите, как он стреляет,
Ваш Балия, старый стрелок!»
Но Гигия Мартиашвили
Сказал, притулясь у стены:
«Не руку ли заворожили
В деревне тебе колдуны?
А может быть, заколдовали
Кремневки прицельную часть?
Тогда, как ни целься, едва ли
Сумеешь ты в зверя попасть.
Появятся бесы, русалки,
Туманом закроют прицел...
Сходил бы ты, братец, к гадалке
Да в воду ей глянуть велел.
Такая со мной небылица
В лесу приключалась не раз:
То цель начинала двоиться,
То просто скрывалась из глаз.
Не кровь ли ты пролил собачью?
Не бил ли котов и ворон?
Иди, погадай неудачу,
Не лезь сгоряча на рожон».

Охотник, подумав исправно,
Ответил на этот вопрос:
«И верно, под пулю недавно
Попался мне бешеный пес».
«Как? Эту собаку Доджури?
Ее ты прикончил, чудак?
Коль так, то по собственной дури
Попался ты нынче впросак!»

Задумался Балия крепко,
Сносил к ворожейке ружье, —
Когда появилась зацепка,
Нельзя забывать про нее.

А тут и дела подступили,
Страда в деревнях нелегка,
И осень, пора изобилья,
Еще далека, далека...

VI

И вот, наконец, наступила
Оленьего крика пора.
Самец, быстроногий верзила,
Кричит на опушке с утра.
Покрыта кустарником тонким,
Опушка гудит, и на ней
Олень, словно мать над ребенком,
Взывает к подруге своей.
Обрадован Балия криком, —
Таит он надежду в душе.
Олень в нетерпенье великом
Ломает кустарник уже.
На свист не похож соловьиный
Призыв обитателя скал —
Волнение страсти звериной
Ужасно, как горный обвал.
Неслышной подкравшись стопою,
Охотник стоит, недвижим.
Рога распластав над землею,
Бушует олень перед ним.
Охотник прицелился ловко,
Нажал, не спеша, на крючок.
Но что приключилось с кремневкой?
Ни с места проклятый курок!
Вдруг в воздухе загрохотало —
Послышался выстрел вдали.
Олень покачнулся сначала,
Коснулся рогами земли,
Потом он упал на колени,
Не в силах он на ноги встать...
В предсмертном своем исступленье
Не хочет герой умирать!

Охотник глядит, удрученный
Такой неудачей своей.
Чуть дышит олень обреченный,

Упавший под сенью ветвей.
Глазами он ищет подругу,
Ответа возлюбленной ждет,
Чтоб с нею, покинув округу,
Добраться до горных высот.
Чтоб с нею в далекой отчизне
Единой любовью гореть...
Зачем мы так преданы жизни?
Зачем ненавидим мы смерть?

Достоин он был сожаленья —
Питомец возвышенных скал!
Без радости, без утешенья
Он с пулей в боку умирал,
И витязь какой-то из- чащи
Явился, исполненный сил,
И мигом кинжал свой блестящий
В оленье он горло всадил.
Отрезал он голову зверю
И тушу свежует его...
Кто б, видя такую потерю.
Не проклял себя самого?

VII

Врагу пожелать не могу я
Того, что, сраженный судьбой,
Об этом олене тоскуя,
Почувствовал Балия мой!
Из чащи лесной он выходит,
Угрюм, опечален, сердит,
Охотника взглядом обводит
И, руку пожав, говорит:
«Откуда, ты, братец мой, взялся?
За что ты меня погубил?
Я первый к оленю подкрался,
Я первый его уследил.
Поднявшись ползком на пригорок,
Навел я на зверя ружье,
Вдруг выстрел... И ты, словно ворог,
Явился на горе мое».
«Напрасно твое удивленье!
Коль в зверя сумел я попасть,

Должно быть, от туши оленьей
И мне предназначена часть.
Давай же, покончив с добычей,
Разделим ее пополам.
Отцов соблюдая обычай,
Не следует ссориться нам».

Разумное выслушав слово,
Что Балия мог возразить?
В обычае у зверолова
С друзьями добычу делить.
Нахмурившись, Балия злится,
Без лишних работает слов.
Один только раз у счастливца
Спросил он: «А кто ты таков?»
«Цицила я из Бодбис-Хеви», —
Ответил охотник. И вдруг
Вдали затрещали деревья
И выскочил кто-то на луг.
Олень, потрясая рогами,
Нарвался на них невзначай.
«Ну, братец, не хлопай глазами, —
Воскликнул Цицила, — стреляй!»
Прицелился Балия в зверя
И выпустил пулю в упор.
Глазам своим бедным не веря,
Глядит он — о, стыд и позор! —
Промазал!.. Стремительный топот —
И скрылся олень из очей,
И громкий послышался хохот
В дубраве, неведомо чей.

Эх, Балия, Балия! Мошка,
Коль срок не пришел, не умрет!
Однажды случилась оплошка,
А сколько с оплошкой хлопот!
Стоит он и смотрит уныло,
Смущенный несчастьем своим.
Но где ж бодбисхевец Цицила?
Цицилы уж нет перед ним!
Олень с полусодранной шкурой
Лежит неподвижно у ног.

Задумался Балия хмурый —
Куда же девался стрелок?
«Цицила, не время смеяться!
Довольно шутить! Выходи!»
Следов не осталось от братца, —
Лишь ветер шумит впереди.
На дерево Балия лезет,
Охотника сверху зовет, —
Ни звука... Неужто он грезит?
Ужель померещился тот?

Луч солнца с вершины отрога
В ущелье скользит, как стрела.
Решил мой охотник: «От бога
Все эти исходят дела.
Что будет — то будет, но все же
Ни звука об этом ни с кем!
Кто ропщет на промысел божий,
Тот будет погублен совсем.
Ты, боже, болтливого с корнем,
Как сорную вырвешь траву.
Смирюсь перед промыслом горним,
Покуда на свете живу!»

VIII

Наутро село загалдело,
Из хижин посыпался люд.
Какое-то важное дело
Случилось, наверное, тут.
И жены, и дети, и мужи
Торопятся к Балии в дом.
Сам Балия вертится тут же
Во всем снаряженье своем.
Огромный, могучий, безглавый,
Распластан олень у ворот.
Рога головы величавой
Дивят красотою народ.
Мужчины, вступая в беседу,
Добычу спешат разглядеть.
«Пошли тебе, боже, победу
Такую же славную впредь!

В какое ходил ты ущелье?
Где зверя, герой, подстерег?
С таким великаном на деле
Не каждый бы справиться мог!»

И тут мой герой плутоватый
Решил приукрасить рассказ:
«Замучил меня он, проклятый.
Два раза скрывался из глаз!
За ним, как безумный, я мчался.
Летел я, как птица, вперед.
Едва со скалы не сорвался —
Оставил бы дома сирот.
Не чуя земли под ногами,
Бегу я и вижу — медведь!
Стоит и швыряет камнями,
Дубиною хочет огреть!
И выстрелил я поневоле,
И рухнул он кубарем вниз,
И так заревел он от боли,
Что птицы с деревьев взвились.
Я дальше. Опасность почуя,
На хитрость пустился рогач:
Едва подобраться хочу я —
Он в сторону бросится вскачь.
Но тут уж мне было, конечно,
Прикончить его нипочем.
Ущелье, где пал он, сердечный,
Бедамским зовется Ключом».

«Ты, Балия, впрямь молодчина!
Хвала тебе, братец, и честь!
Из ста человек ни единый
С тобой не сравняется здесь!»
Рекой полились славословья,
Но сказ мой не кончен еще.
На туше вблизи изголовья
Лежало оленье плечо.
И к общему вдруг удивленью
Из мякоти этой мясной
Скользнула лопатка оленья,
Как спелый орешек лесной.
Никто не касался дотоле,

Не трогал никто рогача, —
Казалось, по собственной воле
Упала она из плеча.
И смолкли вокруг разговоры,
Толпа расступилась, глядит:
Охотник, потупивший взоры,
Над нею, как мертвый, стоит.
И вдруг побежал без оглядки,
И скрылся за дверью... Народ,
Дивясь деревянной лопатке,
В испуге стоит у ворот.
И кто-то кричит у порога:
«Куда ты девался, герой?
Скажи, если веруешь в бога,
Что там приключилось с тобой?»
«Не знаю! Мне больно, мне тяжко!» —
Послышался стон изнутри.
«А кто смастерил деревяшку?
Что значит она, говори!»
«Не знаю! Берите оленя,
Довольно мне душу терзать!
Обманут я, нет мне прощенья,
Зачем родила меня мать!»
Но дело клонилось к разгадке —
Пока он вопил сгоряча,
Народ прочитал на лопатке:
«Не он подстрелил рогача».
И люди, лукавца ругая,
Признательны были судьбе:
На свете неправда любая
Заявит сама о себе.
Ничто не останется в тайне,
Откроется все под конец,
И чем был порок неслучайней,
Тем будет несчастнее лжец.

Забросил охоту охотник,
Любимое продал ружье,
«Коль я, — говорит, — греховодник,
То не для меня и зверье!»

●

КРОВНАЯ МЕСТЬ

(Из черкесской жизни)

I

Когда румяным утром мая
Цветут на небе облака,
Семейства гор, чадру снимая,
Глядят на нас издалека.
Глядят сурово, равнодушно,
Не успокоенные сном,
И только ветер непослушный
Жует их бурки свежим ртом.
И только дышит медуница,
Обняв черники нежный куст.
Само бессмертие струится
Из благовонных этих уст.
Но скал угрюмые вершины
Безмолвствуют над лоном рек
И не свергаются в пучины,
Как будто спаяны навек.
Не слышат, как со дна долины
Поет им славу человек.

О горы! Сердце замирало,
Когда я видел вас вдали!
Душа бессильная роптала,
Но мною вы пренебрегли,—
Не поделились вы нимало
Со мной могуществом земли!
О вы, извергнутые в кашле,
Ручьи, звенящие у ног!
С высот родительских не ваш ли
Спадает в пропасти поток?
Насытясь влажными сосцами
И навсегда покинув мать,
Вы с неба ринулись столбами,
Чтоб нас, убогих, напитать.
Блестят глаза, свежеют лица,
В любом селенье стар и мал

С кувшином глиняным стремится
Собрать живые слезы скал.

Но в этот миг, когда в долине
Смеетесь вы, — вершины гор,
Блуждая взором по пустыне,
Ведут о детях разговор.
Никто их скорби не излечит,
Лишь ветер, спутник их обид,
Как над высоким дубом кречет,
В трубу неистово трубит.

II

Пугая топотом и свистом
Растенья, спящие у ног,
По горным тропам каменистым
Спешит неведомый ездок.
Скакун его в краю скалистом
От долгой скачки изнемог.
Но плеть ударила с размаху,
И конь пошел во весь опор,
И, сдвинув потную папаху,
Ездок взлетел на гребень гор,
И прошептал хвалу аллаху,
И опустил в долину взор.
Внизу — родимое селенье,
Желанный сердцу, чудный вид!
Ликуя, в радостном волненье,
Селом любуется джигит:
Не только люди — все творенье
Свой край родной боготворит.
Исполнив замысел кровавый,
Не зря скитался житель скал.
Клинок его увенчан славой,
И весь в крови его кинжал.
Недаром он, воитель бравый,
Сегодня щит с собою брал.

Черкесу было чем гордиться:
Теперь к луке его седла
Врага убитого десница
Ремнем привязана была.
Он не сказал еще ни слова

В селе о подвиге своем,
Но знает — дарят удалого
Конем, оружьем, серебром.
Ездок мечтает о награде,
Он оказался лучше всех.
А что убил он долга ради —
То не считается за грех.

III

И вот владенья Аслан-бека:
Дворец и крепость. Средь людей
Черкесский бек слывет от века,
Как лютый хищник и злодей.
Враждою занят неустанной,
Ни с кем он в мире не живет
И сам от злобы постоянной
Чернеет ликом каждый год.
Есть даже слух, что, окаянный,
Он предал свой родной народ.

Владея тучными стадами,
С утра до ночи бек Аслан
Умело борется с врагами,
Кидая издали аркан.
За исключением кончины,
Он не боится ничего.
И не постигнуть нам причины
Несытой жадности его.

Он — властелин страны черкесов.
Подвластны беку их края.
Его лихих головорезов
Страшится каждая семья.
Лишь Кичирбей, питомец барса,
Не хочет бека признавать.
Уж сколько раз Аслан пытался
Его схватить и покарать!
Бывало, вынесутся кони,
Ватага преданных людей
Помчится в бешеной погоне,
И цель близка, как на ладони, —
Но ускользает Кичирбей!
Аслан безумствует и злится,

Аслан убийц наемных шлет,
Но лишь появится убийца,
Мятежник снова изловчится —
Пырнет кинжалом и уйдет.

Немало дел у Кичирбея —
Несокрушимый, как гранит,
Он всюду ходит, не робея,
Как брат со всеми говорит:
— Зачем вы, люди Аслан-бека,
Надели рабское ярмо?
Ужель достойно человека
Терпеть невольничье клеймо?
Неужто любы вам расправы?
Иль вам свобода не мила?
Что лучше: жалкие забавы
Иль молодецкие дела?
Что краше: пасть на поле славы
Иль выть с мечети, как мулла?

Меж тем ездок, его убийца,
Который был описан мной,
С далеких гор к Аслану мчится,
Любуясь мертвою рукой.
Ему покуда неизвестно,
Что даром горы он топтал,
Что не того убил бесчестно,
Кого в ущелиях искал.
Демур уверен: враг в могиле,
Но жив и весел Кичирбей!
Сломить железо змей не в силе,
Напрасно жало точит змей.

IV

Вечерний день смежает очи,
Подул холодный ветер с гор.
Вершина солнечная к ночи
Надела траурный убор.
Заботы, скорби и волненья
Не сокрушат ее чела.
Святая сила провиденья
Ее бессмертью обрекла.

Гнездо отваги соколиной,
Черкесской вольности приют!
Как много дивною вершиной
Героев выращено тут
Во имя славы благородной,
Во исцеленье тяжких ран...
О, чьи уста дерзнут бесплодно
Хулить орлиный этот стан!

Усталый всадник под скалою
Коня у сакли осадил,
Не помолился над водою,
Лица с дороги не умыл.
Как гордый месяц на утесе,
Прекрасен он на склоне дня.
— Эй, кто там! — крик его пронесся. —
Возьмите, женщины, коня!

Итак, пора услышать миру,
В каком скитался он краю,
Как руку он отсек Кичиру,
Задачу выполнив *свою*, —
Вот какова его работа!
Пускай дивится весь народ,
Когда ему венок почета
Аслан на притолку прибьет!

И вот из двери появилась
Черкешенка, подняв чадру.
То не роса ль засеребрилась
На свежей розе поутру?
Иль то запела куропатка,
Гнездясь на горной вышине?
Иль то птенец, уснувший сладко,
Прижался к соколу во сне?
Иль это дивный светоч рая
На небе вспыхнул горячо?
Иль шашка острая, играя,
Легла герою на плечо?
Иль то из моря грозового
Взвилась мятежная волна?
Для сердца витязя любого
Безумье сладкое — она!

Она берет коня, кольчугу,
Глядит, как спешился ездок,
Из уважения к супругу
Стоит безмолвно, как цветок.
И, лишь заметив хлопья мыла
На тонкой шее скакуна,
Звезда небес, заговорила
Печальным голосом она:
— Зачем ты мечешься, бесстрашный,
Коня и жизнь свою губя?
На что тебе Кичир отважный?
Что он похитил у тебя?
Немало вас за ним гонялось,
Охотясь за его рукой,
А что, скажи мне, получалось?
Ведь не один же ты такой!
— У бабы только волос долог,
А ум висит на языке.
Коль вас послушать, балаболок,
Всю жизнь проспишь на тюфяке!

Тут сын соседский подвернулся,
Востряк безусый: — Эй, сосед,
Что поздно до дому вернулся?
Со славой прибыл или нет?
— Убил. — Да что ты? Неужели?
Где ж он попался, не пойму?
— Зарезал сонного в постели,
Сквозь крышу дома влез к нему.
Он услыхал, но я кинжалом
Успел по горлу полоснуть,
И кровь его потоком алым
Из раны хлынула на грудь.
Едва старуха завопила,
Я — в дверь, и тотчас на коне
Через селенье что есть силы
Помчался в мертвой тишине.
Летел мой сокол по отрогу,
Я не щадил, я гнал коня.
В селенье подняли тревогу,
Да поздно! Где им до меня!
Отрезал кисть я нечестивцу,
Вот знак, что правду я сказал! —

И на кровавую десницу
Демур с усмешкой указал.

Жена в испуге отшатнулась,
Лицо закрыла, не глядит,
И лишь соседу приглянулась
Добыча, страшная на вид:
— Смотри, как дело повернулось,
Теперь ты будешь знаменит!
— Эх, люди, — женщина сказала, —
Неужто есть у вас сердца?
Все кровь да кровь, и все вам мало,
И все б вам резать без конца!
Я вся от страха задрожала,
Увидев руку храбреца.

— Что ж, поступил я, значит, плохо?
Иль я, по-твоему, злодей?
А сколько рук, сочти, дуреха,
Поотрубал нам Кичирбей?
Не вы ли, женщины, рыдали,
Качая маленьких сирот?
Теперь отведать острой стали
И для него пришел черед.
Коль он ценил всего дороже
Свое насилье и разбой, —
Пусть из его жилища тоже
Взовьется к небу женский вой.
Оплакать сына-нечестивца
Теперь должна старуха мать.
Посеяв зло, как говорится,
Добра злодеям не пожать.
Они не чтут суда чужого,
Им дорог свой, неправый суд.
А ты, безродная, готова
Из-за Кичира спорить тут.

— Нет, что б вы там ни говорили, —
Позор, мужчины, вам, позор!
Не сами ль вы его хвалили
И возносили до сих пор?
Давно ли вы твердили с жаром:
«Кичир в бою не ровня нам,
Лишь он один своим ударом

Врага разрубит пополам.
Где только он ни пронесется —
Там вражьи головы горой!
Едва ли где еще найдется
Такой же доблестный герой».
А что теперь? Друзья Аслана
Сбивают с толку вас, и вы
Его браните неустанно,
Людской не слушая молвы.

— Ну, баба, смыслишь ты не много,
Когда потворствуешь врагу!
— Закрой десницу, ради бога,
Ее я видеть не могу.
Пусть тот, кому злодейство мило,
Кичится ею, сумасброд!
— Ты у Аслана бы спросила,
Как он десницы этой ждет!

Демур уходит в дом с добычей,
Он дома вешает ее
Туда, где требует обычай
Хранить кремневку и копье.

V

Покрыла землю тьма ночная,
В селе настало время сна.
Как знать, кто спит, беды не зная,
Кто плачет, сидя у окна?
Кто, слушая дыханье друга,
К щеке щекою нежно льнет?
Спокойно дремлет вся округа,
Петух, и тот не запоет.
Заснул Демур, под буркой лежа,
Но у жены болит душа.
Вот из-под бурки, бросив ложе,
Она скользнула, не спеша.
Зажгла лучину, смутным взором
Десницу ищет на стене,
И чей-то голос ей с укором
Бормочет что-то в тишине.
И так он страшен, этот голос,

И так он близок и знаком,
Что все в ней сердце раскололось
При этом шепоте родном!
Демур все спит, вздыхая сладко,
На вражью кисть глядит жена,
И сил последнего остатка
Уже лишается она.
— О, горе! Чья это десница!
Вот перстень матери моей!
Уж не во сне ль мне это снится
Родное имя средь камней?
А вот знакомый след ожога,
Алхаст, мой братец! У огня
Не ты ли в юности глубоко
Дивил отвагою меня?
Не мы ль, соперничая в силе,
Кидали угли на ладонь?
Не мы ль, дурачась, говорили,
Что можем выдержать огонь?
Так вот, Демур, каков твой жребий!
За что ты брата загубил?
Пускай померкнет в ясном небе
Твоя звезда среди светил!
Пускай прибьет твою десницу
К воротам башни супостат.
О горе, горе нечестивцу!
За что погиб мой милый брат! —
Но нет убитому возврата,
И спит Демур, и всюду ночь...
И женщина с рукою брата
Из дома выбежала прочь.

Бежит, безумная, в Терело
И плачет, бедная, навзрыд;
Чтоб мертвое оплакать тело,
К Кичиру в дом она спешит.
Ведь плач сестры — отрада брату,
Погибшему в расцвете дней.
Почуя горькую утрату,
И дол и горы вторят ей.
Жена счастливей, чем сестрица:
Хоть горек слез ее поток,
Но небо скоро прояснится —
Как только дунет ветерок.

Демур жену зовет в испуге —
Нет никого, пуста кровать,
И не видать его супруги,
Как и десницы не видать.

VI

А в понедельник над землею
Настал рассвет в обычный час.
Природа, мучимая тьмою,
С улыбкой глянула на нас.
Туманы слез на землю сея,
Венчает горы груда туч.
Кто перед домом Кичирбея
Бушует, гневен и могуч?
Чей это слышен крик орлиный:
— Кто опозорил отчий дом?
Кто смел меня перед общиной
Покрыть позором и стыдом?
Мой гость убит под сенью крова,
Моя поругана семья.
Кто за меня убил другого —
Уже догадываюсь я!
Коль не отмщу за удалого,
На что и шашка мне моя!

Едва к родимому порогу
Вернулся он — и в путь опять,
И две лепешки на дорогу
Ему едва всучила мать.
Пылают очи Кичирбея,
Клубятся брови, словно дым.
Скакун крылатый, не робея,
Танцует яростно под ним.
Вот поскакал он по долине —
От рукоятки до ножон
Сверкает шашка. Как святыне,
Любимой шашке верен он.
Пока не сыщется убийца,
Он всех расспросит — что и как,
И до тех пор не возвратится,
Пока убит не будет враг.

Но нет свидетелей покуда,
И сердце бьется тяжело,
И все ж с надеждою на чудо
Он направляется в Дикло.
Как барс с израненной душо;о,
Тая зловещие мечты,
Спешит он узкою тропою
Подняться в горы сквозь кусты.
Он что-то шепчет и бормочет,
Порой бранится он с конем,
Как будто гнев развеять хочет
И злобу выместить на нем.
Но вот, рыдая, по тропинке
Навстречу женщина бежит,
И красотой простолюдинки
Сражен взволнованный джигит.
— О чем ты, женщина, рыдаешь?
Что ищешь здесь среди камней?

— Ах, без печали, сам ты знаешь,
Не льются слезы из очей.
— Но что с тобой? Откройся смело,
Скажи мне, в чем печаль твоя?
— Далеко ль, всадник, до Терело?
Как звать тебя, не знаю я.
Не осуди, что я с тобою
Здесь говорю наедине.
— Я терелоец, звать Дарлою,
Слыхала, может, обо мне?
— А правда ль, что у вас кого-то
Убили? Слух идет вокруг.
— Достойный славы и почета,
Убит Алхаст, Кичиров друг.
Как жаль, что нету Кичирбея!
Во имя друга своего
Он заманил бы в сеть злодея
И уничтожил бы его.
— А где Кичир? — Кичир далеко,
Он скрылся в дальние края.
Аслан травил его жестоко,
Вражды и злобы не тая.
О ком ты плачешь? Об Алхасте?
Уж он не родственник ли твой?
— О горе, всадник, мне! К несчастью,
Я довожусь ему сестрой.

— Так, значит, ты жена Демура?
Демур — мой друг и побратим. —
Но шепчет женщина понуро:
— Аллах меня рассудит с ним!
Он для меня — убийца брата,
Я не желаю знать его.
Настанет день — придет расплата
За гибель брата моего.

— Но он — убийца поневоле,
Ошибся ночью — вот беда!
Вины за ним не знаю боле,
Он — витязь, право, хоть куда!

И просветлел Кичир унылый,
Услышав радостную весть:
Открылся враг его постылый,
Теперь одно осталось — месть!
Но перед женщиной худого
Кичир о нем не говорит.
Она ж в ответ ему сурово
В полубеспамятстве твердит:

— Ошибся он? А вы не верьте,
Что он ошибся. Пусть умрет!
Пускай в проклятый саван смерти
Оденет грешника народ!
Убился б лучше сам, проклятый,
Чем убивать односельчан.
Принес ко мне десницу брата,
Как будто я ему Аслан!

Скажи мне, сделай одолженье,
Где путь в Терело?
— Путь прямой.
С холма увидишь ты селенье,
Когда последуешь за мной.
И дом и башню Кичирбея
Я покажу тебе, идем! —
И Кичирбей поднялся с нею
На холм, поросший дубняком.

— Смотри! Вон видишь, под горою
Белеет что-то? То — стена
Его жилища. За стеною
Речушка горная видна.
Иди все вниз, не зная страха,

О тяжком горе позабудь.
Да вкусит милостей аллаха
Твой бедный брат! Счастливый путь!

И, кончив речь на этом слове,
Помчался всадник что есть сил,
И шапку сдвинул он на брови,
И палец злобно прикусил.
Он едет лесом и бормочет:
— Ведь я ж ему не делал зла,
А он меня прикончить хочет,
Как лютый зверь, из-за угла.
Ну что же, берегись, изменник!
Но в смертный час имей в виду,
Что честь моя дороже денег, —
Я, как шакал, не нападу!
И душит гнев Кичира снова,
И лютой мести жаждет он,
И нет ему теперь иного
Закона. Месть — его закон.
И мутный взор его светлеет,
И скорбь исчезла без следа,
Кто отомстить врагу не смеет —
Да будет проклят навсегда!

Минуя горы и долины,
Он скачет, яростью томим.
Как в землю врытые кувшины,
Гудят ущелья перед ним.
С откосов катятся обвалы,
Несется гул из глубины,
И не вином, но кровью алой
Ущелья многие полны.
Вот он, спустившись, едет лугом.
Как тут привольно! Но народ
Отсюда прочь бежит с испугом,
Он тут не сеет и не жнет.
Цветы в траве таращат очи,
Под ними — мертвые тела,
И над ущельем дни и ночи
Слезится сумрачная мгла.
И просыпаются растенья,
И светят ночью, как огни.
Когда б не божье изволенье,
Наверно, спали б и они.

Есть слух: когда-то море крови
Стояло тут, и лишь луна,
Припав к бойцу на изголовье,
Все море выпила до дна.
Резню с врагом когда-то летом
Здесь стойко выдержал черкес,
И с той поры на луге этом
Расцвел цветов волшебный лес.
Цветы сияют, словно свечи,
Как тризна множества огней,
И мертвецам, наверно, легче
Дремать, приглядываясь к ней.
И старцы, полные любови,
Не устают их поминать,
И юноши, нахмурив брови,
Сжимают шашек рукоять.

VII

Ночь все темней, кустарник глуше,
Ни зги не видно на пути,
И вдруг коня большие уши
Кичир заметил впереди.
— Здорово, братец! — сквозь потемки
Его приветствует ездок,
И сразу этот голос громкий
Вонзился в сердце, как клинок.
И Кичирбей вперед рванулся:
— Здорово! Как тебя там звать?
Я вижу, малый, ты рехнулся!
Чье поле вздумал ты топтать?
— Демур я, — слышится из мрака,
И в голосе заметна дрожь. —
А сам ты кто такой, однако,
Коль так бессовестно орешь?
— Я тот, кто спит в сырой могиле,
Но знай, палач моей руки,
Что я и мертвый биться в силе,
Твоим заботам вопреки.
Готовься к бою, враг тебе я,
Подходит твой последний час! —
И, взвизгнув, шашка Кичирбея
Над головой его взвилась.

И голова, мелькнув в полете,
Упала около куста.
Как бы в ленивой позевоте,
Открывшись, замерли уста.
И в обезглавленное тело
Вошел клинок, направлен вкось,
И вся трава побагровела,
И тело кровью облилось.
Скрестились руки у Демура,
Напрасно он искал жену!
И статный конь его понуро
Стоит, отпрянув в глубину.
Он о хозяине томится,
Он ржет в тревоге и тоске,
И проклинает он убийцу
На непонятном языке.

И поднял голову с дороги
Кичир, нахмуривший чело,
И поспешил через отроги
По направлению в Дикло.
И перед окнами Аслана,
Воспользовавшись темнотой,
Высокий шест среди бурьяна
Воткнул он с мертвой головой.
И вмиг душа повеселела —
Он отдал должное врагу,
Честь спасена, пора в Терело,
Назад, к родному очагу!

VIII

В ту ночь Аслан, больной и хмурый,
Томился в креслах у стола
И в ожидании Демура
Свои обдумывал дела.
Демур все медлил... В нетерпенье
Аслан прислужнику велит
Узнать немедленно в селенье,
Куда пропал его джигит.
Слуга сказал: — Я знаю точно,
И есть свидетели к тому ж,
Что в воскресенье, в час урочный,

Домой вернулся этот муж.
Вернулся с полною победой,
Добился лучшей из заслуг,
Но к нам явиться с вестью этой
Ему доселе недосуг.
— С победой? Разве Кичирбея
Не стало больше, дуралей?
— Аллах свидетель, что тебе я
Не лгу: зарезан Кичирбей.
— Зарезан? Ну, коль так случилось,
Вот золотой за эту весть!
Я обещал Демуру милость,
Вели скорей его привесть!
— Тут, господин, такое дело...
Не знаю, как и рассказать...
Жена, как видно, захотела
За что-то мужа наказать.
Она с рукою Кичирбея
Куда-то скрылась из села,
Демур погнался вслед за нею.
От баб повсюду много зла!
— Что ж, подождем немного. Впрочем,
Я сомневаюсь и теперь,
Что мы не попусту хлопочем:
Весьма коварен этот зверь!

IX

Врагам бы жить с такой бедою,
А не черкесам здешних мест!
Наутро с мертвой головою
Они нашли высокий шест.
Стояли воины понуро,
Вздымался к небу женский вой.
— Кто обезглавить мог Демура? —
Вопили родичи толпой.
Но, как кинжалы ни кусали
И как ни сыпали огни,
Кого винить, еще не знали,
Бушуя попусту, они.

И только молча стиснув зубы,
Стоял черкесский властелин.
Как все на свете душегубы,

Убийцу чуял он один.
Вот он, нахмуренный и властный,
Взглянул с балкона на людей.
— Не тратьте ярости напрасной,
Его убийца — Кичирбей! —
И сняли голову черкеса,
И завернули в полотно,
И поскакали в чащу леса,
Пока не сделалось темно.
Но где найдешь головореза?
Матерый волк исчез давно!

X

Прошло не более недели,
В событьях новый поворот:
Такой взволнованный доселе,
Уж не волнуется народ.
Узнав виновника расправы,
Он в порицанье ни гугу.
— Убийца прав, как все мы правы,
Когда хотим отмстить врагу.
Он не нанес обиды людям,
Он древний выполнил устав.
Мы по исходу дела судим,
Кто прав меж ними, кто неправ.

XI

Повадка мира неизменна:
То тьма кругом, то снова свет.
Громады туч, склонив колена,
Толпой ложатся на хребет.
Текут потоки, с гор стекая,
Уходят в дальние места.
Сраженный витязь, умирая,
Целует милые уста.
И, как всегда, родятся дети,
Чтобы уйти во мрак могил.
Любовь и ненависть столетий
Враждуют, выбившись из сил,
И вечно только то на свете,
Что в жизни каждый сотворил.

И в тяжкий зной и в непогоду
Гора меняет облик свой,
Подчас роса кропит природу,
Как пот сияя трудовой, —
А что толочь напрасно воду?
Вода останется водой!

Пылает гнев в душе Аслана,
Застлал глаза ему туман.
Коль не клинком — путем обмана
Задумал действовать Аслан.
Клинок хорош, покуда в силе
Клинком владеющий ездок,
Но предки верно говорили:
«Язык острее, чем клинок».
О род людской, о род бесчестный!
Неужто ты настоль ослеп,
Что даже камень бессловесный
Зовешь вершителем судеб?

XII

Пришел посланец к Кичирбею —
Почтенный муж, не вертопрах.
Лукавством он подобен змею,
Но мед и сахар на устах.
Махмед, украшен сединою,
В селенье славится умом,
Он обеспечен барантою,
Богат породистым скотом.
Он Кичирбея величает,
Его подвижником зовет,
В мужскую душу источает
Лукавства деятельный мед.
Взывает к разуму и сердцу,
Чтоб внял словам его джигит,
И наконец единоверцу
Вполне разумно говорит:
— Ты прав, Кичир. Твоя отвага
Известна всем. В честном бою
Не раз черкесская ватага
Решимость видела твою.

Но и тебе, неугомонный,
Несладко жить в краю родном —
Везде ты с шашкой обнаженной,
Всегда со вздернутым курком!
Бываешь дома ты украдкой,
Жуешь свой хлеб — исподтишка,
И всю ты жизнь живешь с оглядкой,
Чтоб не слетела с плеч башка.
И нет тебе такого крова,
Где бы никто не угрожал...

— Махмед, чем быть рабом другого,
Уж лучше жить, как ты сказал.
Я не боюсь, как видишь, смерти,
Она ко всем, увы, придет,
Но и без нас в небесной тверди,
Наверно, солнышко взойдет.
Блажен лишь тот, кто, умирая,
Не устрашается меча:
Он, сам себя переживая,
В сердцах сияет, как свеча.
Хозяин жизни и свободы,
Живым обязан быть живой,
А коль умру, так мир природы
Один хозяин будет мой.

— Боишься рабства ты напрасно,
Ты будешь первый человек, —
О том клянется ежечасно
Детьми своими Аслан-бек.
Он говорит: «Клянусь сынами,
Когда придет ко мне Кичир,
Мы будем верными друзьями
И заключим почетный мир.
Я одарю его дарами,
Каких еще не видел мир!»
К тому ж молва заговорила,
И это правда, может быть,
Что враг собрался близ Хваргило,
Чтоб нас разбить и истребить.
И сам ты смыслишь, полагаю,
Не время спорить в этот час,
Когда отеческому краю
Необходим любой из нас.
Любой, кто носит шапку мужа,
В такое время, как теперь,

Обязан силою оружья
Теснить противника за дверь.
Пойми ж, как важно для Аслана.
Чтоб ты явился с мировой,
Чтобы служил ты неустанно
Своей Черкесии родной!

— Приду, пускай творит, что хочет
Или что сердце повелит!
Не о дарах Кичир хлопочет,
Не о забвении обид!
Я не нуждаюсь в одобренье,
И пусть меня не судит мир!
Приду, хотя бы все селенье
Сказало: «Спятил наш Кичир!»
Как завещали людям деды,
Войду я братом в этот дом,
И пусть он мне готовит беды,
Коль устоит перед стыдом!
А если вправду час мой близок —
Меня он грязью не зальет.
Неужто бек настолько низок,
Что ложь закону предпочтет?
— Клянусь душою, об измене
Теперь и думать позабудь!
Пусть враждовал он, тем не мене
Не видел пользы в том ничуть.
Порукою — мое знакомство,
Я стар уже, мне стыдно лгать! —
Кичир и тени вероломства
Не мог в чертах его признать!
— Ну что ж, старик! Не надо много
На это дело тратить слов.
Всю меру доброго и злого
Я испытать и сам готов.
На днях приеду я к Аслану,
Не распинайся предо мной!
Бояться я его не стану,
Хоть и рискую головой.
— Вот будет радость властелину,
Коль ты, Кичир, приедешь к нам!
Прощай, забудь свою кручину,
Я все Аслану передам.

— Прощай! Иди, посланец, с миром! —
И, проводив лукавца в путь,
Герой сказал: — Легко с Кичиром
Поладить, думая надуть! —
И тень улыбки неохотной
В суровых дрогнула устах, —
Так улыбнулся б лев голодный,
Завидев недруга в кустах.
Кичир от сердца ждал ответа,
Обдумал дело он вполне.
«Пойду, — решил он, — если это
На пользу нашей стороне!»
И пред его духовным взором
Возник кровавый бой с врагом
И край родной его, в котором
Одни развалины кругом.

XIII

— Зачем тут носит дуралея?
Задумал что-нибудь опять? —
Спросила мрачно Кичирбея,
Соседа выпроводив, мать.
— Аслан послал его мириться,
Пойду к Аслану с мировой.
— Опомнись! Что с тобой творится?
В уме ли ты, сынок родной?
Ты не ребенок годовалый,
Зачем ты лезешь к волку в пасть?
Аслан хитрит с тобою, малый,
Плутует, чтоб ему пропасть!
Ты думаешь, согласья надо
Тому, кто сердцем лютый змей,
Кто для меня — исчадье ада,
Предатель родины моей?
Но, если ты, теряя разум,
Не хочешь слушать мать свою,
Иди, кончай с собою разом,
Лишь просьбу выполни мою:
Замыслив пагубное дело,
Убей меня своей рукой,
Чтоб ни одна душа в Терело
Меня не видела живой.

— Легко ли, мать, снести строенье,
Что строил долгие года?
Постигнув в жизни разоренье,
Вернем любое мы именье,
Но честь и совесть — никогда.
Пускай я жизнь свою теряю,
Теперь она мне лишний груз!
Не по заслугам, полагаю,
Я этой жизнью обладаю,
Коль ни на что я не гожусь.
Когда в ворота враг стучится,
Что остается делать мне?
На что Кичир твой пригодится,
Коль в битву он не устремится,
Оставшись где-то в стороне?
Нет, что б ты там ни говорила,
Я жить бесчестным не привык.
Пускай возьмет меня могила,
Лишь не трепали бы язык.
Смогу ль я жить, коль люди скажут,
Что оказался трусом я?
А коль платком еще повяжут,
Что будет с нами, мать моя?

XIV

Едва на сонный двор Аслана
Упал, сверкая, первый луч,
Какой-то витязь утром рано
Подъехал к крепости, могуч.
Как бы не чуя сердцем худа,
Спокойно выпрямивши стан,
Он кликнул слуг и ждет, покуда
Не выйдет из дому Аслан.
Вот двое слуг к нему навстречу
Идут, берут его коня,
Приветствуют учтивой речью,
Смиренно голову склоня.
И в дом пришельца приглашают
К хозяину, и Кичирбей
Худого умысла не чает
По виду этих двух людей.
И вдруг, одетые в кольчуги,

Гремя оружьем, с двух сторон
Другие выскочили слуги —
И нож над сердцем занесен!
Но Кичирбей в ответ — ни звука,
Молчит, как камень, как утес,
Не пошатнулся от испуга,
Проклятья он не произнес.
Одно лишь сердце билось глухо,
Напившись горечью до слез.

Схватили витязя, связали,
Молчит, как камень, Кичирбей.
В лице — ни горя, ни печали,
В глазах — ни злобы, ни страстей.
Глядит куда-то за ограду,
Где плачет женщина. И вот,
Ему устроивший засаду,
Аслан по лестнице идет.

— Попался, волк! Теперь в капкане
Забудешь удаль ты свою!
Брехал не ты ли об Аслане:
«Предатель он в родном краю!
Когда-нибудь на поле брани
Я заколю его в бою».
Что, заколол меня, негодный?
Ты сан еще признаешь мой!
Я — повелитель твой природный,
Одно лишь небо надо мной!
Признайся, ловко мы с рабами
Тебя сегодня обошли?
Сожгу тебя! Обрушу в пламя!
Пылай до неба, враг земли! —
И отвечал Кичир сурово:
— Исполни просьбу наперед:
О том, как ты нарушил слово,
Пускай не знает наш народ.
Пусть не узнает род черкесский
Твоей неслыханной вины,
Не оскверняй отравой мерзкой
Святые нравы старины.
Обычай дедов непреложен —

Ты должен чтить родной очаг,
Не вынимать клинка из ножен
На гостя, будь он даже враг!

— Но есть у нас другой обычай:
Мы проливаем кровь за кровь,
Мы за добычу мстим добычей
И за любовь даем любовь.
Вот наш закон! Тебе ль, бродяга,
Его мне нынче объяснять!
А чт*о* есть зло и чт*о* есть благо —
О том Аслану лучше знать.

XV

Итак, Кичир попался в сети!
Услышав новость поутру,
Мужчины, женщины и дети
Бегут к Асланову двору.
Гул удивленья, шум расспросов,
И лай собак, и плач ребят,
И лишь орлы с вершин утесов
Вослед за ними не летят.
И только грифы равнодушно
Следят глазами за толпой,
Где каждому увидеть нужно,
Каков он, схваченный герой.
Глазам и сердцу человека
Приятен доблестный джигит!
Ликует сердце Аслан-бека,
Вот он встает и говорит:

— Внимайте, люди! Зверь в капкане!
Желаю, чтоб любой из вас
Ему немедля в наказанье
Вязанку хвороста припас.
Несите все, чтоб было много!
Пускай погибнет злобный тать,
Коль никого он, кроме бога,
В стране не хочет признавать!

И навалили дров горою,
И развели костер высок,
Чтобы испечь на нем героя,
Как кукурузный колобок.

И чует сердцем витязь пленный,
Какая мука ждет его,
И все же лик его надменный
Не выражает ничего.
И говорит Аслан с усмешкой:
— Тебе, как видишь, Кичирбей,
Пылать придется головешкой!
Доволен казнью ты своей?
— Да, я своей доволен казнью,
И будь в сто раз страшней она,
Ни малодушьем, ни боязнью
Душа не будет смущена.
— А ты забудь, приятель, враки!
Винись, так, может, и прощу.
— Пускай умру, но у собаки
Я снисхожденья не ищу!
— Ну, коль своей не бросишь дури,
Так спой нам песню, сумасброд!
— Вот это так! Пускай чонгури
Твой раб из дома принесет.

И вот несут чонгури слуги,
И инструмент берет смельчак,
И крепко связанные руки
Кладет на струны кое-как.
И мечет пламя он глазами
В толпу собравшихся людей.
Пускай огонь бросают в пламя,
Не устрашится Кичирбей!
Сердца людей, сожжен врагами,
Согреет мукой он своей.

Ревет костер, огнем пылая,
Клубится дым, как черный лес.
Уж небосвод, изнемогая,
В тумане траурном исчез.
Народ с Кичира глаз не сводит,
В сердцах томленье и печаль.
Кичир рукой по струнам водит
И исподлобья смотрит вдаль,
И замечает он с отрадой
Лицо заплаканное той,
Что горевала за оградой,

Когда он схвачен был толпой.
О чем теперь она рыдала —
Кичир не знал наверняка,
Но вдруг душа ее признала,
И улыбнулся он слегка.
И грозный звон, как рокот бури,
Над головами полетел:
Кичир склонился над чонгури,
Ударил в струны и запел.
Запел, хотя и был он связан,
Запел, как вольный человек,
И каждый юноша обязан
Запомнить песнь его навек.

1

«Для лжецов честолюбивых
Предназначен мир земной:
Честных гонит он, а лживых
Укрывает он полой.
Не узнает дней счастливых
Им отвергнутый герой!»

2

«Герой отчизне не обуза,
Но украшенье и оплот,
А тот, кто держится за труса,
Тот сам отчизну предает.
В грехе погрязнув небывалом,
Предатель родины моей
На растерзание шакалам
Бросает доблестных людей.
Он загребает горы денег,
Покуда льем мы кровь свою.
Дивлюсь, как может он, изменник,
Доселе жить в родном краю!».

3

«Вековой закон адата
Чту я, вольный житель гор.
Честь мою ценою злата

Не ценю я до сих пор.
Сердцем вольного черкеса
Я люблю черкесский край,
Темя гор, трущобу леса,
Перелеты птичьих стай.
И одно лишь сердцу горца
Неизвестно наперед:
Кто из нас в раю спасется,
Кто в геенну упадет».

4

«Мужская доблесть с каждым разом
Принять умеет новый вид,
Но только тех прославит разум,
Кто в смертный час не задрожит.
Одни лишь сильные душою
Без страха гибнут за народ.
Благословенный всей страною,
Да возрастет их славный род!
И пусть с корнями погибают
Лжецы и сеятели зла!
Змея змееныша рожает,
Осел родится от осла.
Не жди от терна винограда,
А от бурьяна — красоты.
Их вырывать с корнями надо,
Чтоб уничтожить их цветы!»

XVI

Перед певцом в средине стана
Столпилось множество ребят
Два смуглых мальчика Аслана
В упор на витязя глядят.
А пламя стонет, поднимаясь,
Костер бушует пред толпой,
И коготь смерти, приближаясь,
Над самой вьется головой.
И тот, кто зря не тратил слова,
Кто воздавал врагам сполна,
Вдруг закричал: — Узнайте ж снова
Мужскую доблесть! Вот она! —

И вдруг, прижав к себе локтями
Двоих Аслановых детей,
Молниеносно прыгнул в пламя
С победным воплем Кичирбей:
— Вот наша доблесть!.. — И сомкнулось
Над ними пламя... В тот же миг
За ними женщина рванулась —
И пламя снова скрыло их.
Так умерла жена Демура,
Алхаста юная сестра...
Клубится дым густой и бурый,
До неба — зарево костра.
И не прийти в себя народу,
Аслан, как труп, оцепенел,
И веет смрадом на природу
От не вполне сгоревших тел.

XVII

Наутро мертвую старуху
Нашли черкесы на земле.
Вчера, примчавшись что есть духу,
Все рылась старая в золе.
Родные кости все искала,
Все собирала их в подол,
Но прах ветрами раскидало
И унесло в соседний дол.
И вот не стало, видно, мочи
Существовать ей в мире зла,
Пронзила грудь она и к ночи
Безмолвно кровью истекла.

XVIII

А что же слышно об Аслане?
Где он, проклятый? Как живет?
Необычайное сказанье
О нем народ передает:
— Как пес, бесславно умирая,
Не покидает он постель,
И, словно снег, на солнце тая,
Не может кончиться досель.

Хватил удар его великий,
Согнуло грешника крючком,
И так он, страшный, черноликий,
Весь день валяется ничком.
Ему еду приносят слуги,
Он — «Прочь!» — кричит. — «Там змей полно!»
Как видно, мучаясь, в недуге,
Уже рехнулся он давно.
А если кто придет с поклоном,
Чтоб повелителю помочь,
Весь день он стонет диким стоном:
«Я — не предатель! Руки прочь!»

И так идут, проходят годы,
Текут, как полая вода,
И на людскую боль природа
Глядит спокойно, как всегда.

ЗМЕЕЕД

(Старинный рассказ)

I

На кровле дома, там, где Цыка
Сегодня потчевал гостей,
Хевсуры с мала до велика
Деревней бражничали всей.
Пандури в воздухе гремела
Хвалу воителям былым,
Сквозь чувства слушателей смело
Мосты прокладывая к ним.
Певцы героев величали,
Которых чтила вся страна,
С великим пылом вспоминали
Их дорогие имена.
Седые старцы в сизом дыме
Своих табачных чубуков
Вели беседу с молодыми,
Распознавая, кто каков.
Для назиданья молодежи

Героев чествуя не раз,
Они твердили детям: «Кто же
Теперь прославится из вас?»

И лишь один, внимая сходу,
Хевсур задумчивый молчит.
Все льнут к нему, как пчелы к меду,
Но неприветлив он на вид.
Заблаговременно напенив
Сосуд напитком золотым,
Без шапок, стоя на коленях,
Склонились двое перед ним.
«Покушай, Миндия, немного,
Испробуй нашего пивца,
Промолви слово, ради бога.
Утешь хевсурские сердца!»
«Нет, люди, я болтать не стану,
Душа моя пьяным-пьяна!»
И взял он чашу-карахану
И осушил ее до дна.
«Все то, что должен был сказать я,
Скажу я в следующий раз,
Коль смерть нечаянная, братья,
Не разлучит навеки нас».
На волю вырвавшись из плена,
Тянулся к людям он душой,
Но, выпив пива, постепенно
Хмелел в компании хмельной.

Об этом Миндии в селенье
Народ рассказывал, что он
Лет десять жил в уединенье,
Злодейски каджами пленен.
Немало он рождеств Христовых,
Немало он пасхальных дней
Провел в урочищах суровых
Вдали от родины своей.
Совсем измаялся бедняга,
Извел несчастного полон,
Из глаз его сочилась влага,
Душа рвалась из тела вон.
Как часто он родные горы,
Ущелья сумрачные скал,
Снега, тропинки, кругозоры,
Убитый горем, вспоминал!

Как часто, мукою терзаем,
Он о своей вздыхал родне!
Родимый дом казался раем
Ему в далекой стороне.
И, наконец, решил несчастный:
«Чем жизнью мучиться такой
И угасать в тоске напрасной,
Покончу лучше я с собой!»
И вот увидел он однажды,
Когда решил покинуть свет,
Как на огне варили каджи
Замысловатый свой обед.
Тела змеиные варились
В котле, и сразу понял он,
Что небо посылает милость
Ему, попавшему в полон.
Он взял кусок и с омерзеньем,
Желая смерти, съел его.
Но небеса с благоволеньем
Вдруг посмотрели на него.
Сознанье новое вселилось
В него, и некий новый дух.
И зренье сердца прояснилось
И отворился к миру слух.
И понял он пернатых пенье,
И рев зверей, и шепот трав,
И в думы каждого растенья
Проник, душой затрепетав.
Все, что он знал одушевленным,
Все, что он мертвым знать привык, —
Росло по собственным законам,
Имело разум и язык!
И бедный пленник поразился
Тому, что строй его ума
В одно мгновенье изменился,
Как изменилась жизнь сама.
Он в этот миг притворство каджей
Постиг вполне. Вкушая змей,
Перенимал их мудрость каждый,
Сокрытую от всех людей.
Имея знанья в изобилье,
Они скрывали их исток,
Хоть лицемерно говорили:
«Ты съел бы, Миндия, кусок!»

Теперь он понял мир природы,
Ее живые голоса.
И с ним беседовали воды,
И говорили с ним леса.
И он вместил в себе, счастливый,
Все тайны каджей. Только зло
В его душе правдолюбивой
Обосноваться не могло.
И перестал он убиваться,
И стал ему не страшен плен,
И каджи бешеные злятся
При виде этих перемен.
Но пусть их будут даже сотни,
Он не заботится о том:
Он завтра, если не сегодня,
Разгонит их одним пинком!

Он быстр, как пуля, этот воин,
Он мудр умом, как чародей,
Он быть надеждою достоин
Пшав-Хевсуретии своей.
Сама венчанная Тамара
Ему дивилась много раз:
«Не нанесет нам враг удара,
Покуда Миндия средь нас.
Покуда он, могучий, с нами,
Покуда горцы вместе с ним,
Народ, собравшийся под знамя,
В боях с врагом непобедим».

И точно: он постиг приемы
Уничтоженья басурман,
Ему все способы знакомы,
Как исцелять людей от ран.
Будь ты разрублен на две части,
Коль подоспеет он к тебе,
Спасен ты будешь от напасти
Наперекор твоей судьбе.
Вот почему не тает в битвах
Тамары доблестная рать
И имя Миндии в молитвах
Не забывают поминать.

II

Едва вернется к нам весна
И солнце в небе разгорится,
Весь мир, очнувшись ото сна,
Поет, звенит и веселится.
Обнявшись с зеленью листов,
Бутоны лопаются с треском.
И снова Миндия готов
Бежать к лугам и перелескам.
И мир здоровается с ним,
Как с давним другом и знакомым, —
Он каждой пташкой здесь любим,
Замечен каждым насекомым.
А что творится тут с травой!
Увидев гостя дорогого,
Шумят цветы наперебой:
«Дружище Миндия, здорово!»
«Взгляни, я — средство против ран!»
«А я — лекарство от падучей!»
«А я — от горя талисман,
Сорви меня на всякий случай!»
Известно Миндии, что прок
Немалый в этих разговорах,
И за цветком он рвет цветок,
И набирает целый ворох.

Кому вдомек, что у цветов
Столь силен дух самозабвенья?
Чтобы болящий стал здоров,
Готовы жизнь отдать растенья!
Растила их природа-мать,
Поила, нянчила и грела,
Они ж готовы нам отдать
И душу нежную и тело.
Но то — цветы. А дерева —
Совсем иное. Эти плачут!
И змееда их слова
Не раз, бывало, озадачат.
Идет он к вязу с топором,
А вяз ему: «Побойся бога!
Отрадно мне в лесу глухом,
Дай мне пожить еще немного.
Пусть безоружен я вовек,

Не обрекай меня на муки!»
И вздрогнет бедный дровосек,
И, потемнев, опустит руки.
Другое дерево найдет,
А то еще печальней стонет...
И так ни с чем домой уйдет,
Кусточка малого не тронет.

А чтобы пламень не иссяк
И не остыл очаг в лачуге,
Он жжет солому и кизяк,
Валежник ищет на досуге.
Сбирает щепки, всякий сор,
Сухие ветки бересклета
И, поднимая к небу взор,
Благодарит судьбу за это.

Добро бы мучился один,
А он другим внушает то же:
«Соседи, буков и осин
Рубить в лесу для нас негоже.
Губить деревья — это грех!
Сбирайте ветки и солому!»
Поднимут Миндию на смех,
А сами мыслят по-иному:
«Какой же грех, коль сам господь
Их создал ради человека!»
И до сих пор дрова колоть
Запрета нет для дровосека.

III

Во время сбора урожая,
Рубаху в спешке разорвав,
Чудак, порядок нарушая,
По полю мечется стремглав.
То там, то тут срезая злаки,
Меж ними вьется, как юла,
Покуда в этом кавардаке
Всю рожь не вытопчет дотла.
Дивятся вкруг него хевсуры:
«Что стало, Миндия, с тобой?»
А Миндия, бывало, хмурый,

Качает только головой.
«Ужель не слышите вы сами,
Самим вам, что ли, невдомек,
О чем, склоняясь перед вами,
Здесь молит каждый колосок?
Когда из нашего селенья
Я выйду на поле с серпом,
Они, бедняги, без сомненья,
Меня считают божеством.
Один кричит: «Меня скорее
Срежь, милый Миндия!» А тот:
«Меня, меня! Ведь я слабее.
Меня пугает небосвод!
При виде тучки поневоле
Я весь от ужаса дрожу —
Боюсь, что хлынет град на поле
И нас повалит на межу!»
Такие всюду восклицанья,
Такая всюду кутерьма,
Что, наконец, от состраданья
Схожу, несчастный, я с ума.
Колосья без толку хватаю,
Топчу ногами урожай,
И так я весь изнемогаю,
Что хоть водою отливай.

Боится града наша нива,
Она заботится о том,
Чтоб закрома свои счастливо
Могли наполнить мы зерном.
Чтоб не склевала зерна птица,
Чтоб в поле попусту не сгнить,
Созревший колос сам стремится
Под серп скорее угодить.
Покорный праведному небу,
Чья безгранична благодать,
Он вырос людям на потребу,
Чтоб пищей алчущему стать!»

IV

Справляло праздники село,
Варило пиво и гуляло.
К Кресту Гуданскому пришло

С утра молельщиков немало.
Хевсуры старые кругом
Сидят, покуривая трубки.
Один толкует о чужом,
Другой о собственном поступке.
Пересыпая шуткой речь,
Героя хвалят здесь недаром:
Он может надвое рассечь
Врага одним своим ударом.
Пришел и Миндии черед
Предметом стать для обсужденья.
В недоумении народ,
Что защищает он растенья.
«Не диво ль,— Чалхия сказал,—
Что верят Миндии на слово?
Я много раз ему пенял,
Теперь же вам скажу я снова:
Коль у деревьев есть язык,
Коль говорить умеют камни,
Зачем понять их хоть на миг
Не удавалось никогда мне?
Дурачит Миндия людей,
Хевсурские смущает души.
Выходит, мы его дурней
И только он имеет уши!
Я правду, люди, не таю,
Я Миндию в виду имею.
Пора, услышав речь мою,
Ему задуматься над нею.
Положим, жалость хороша
К животным, птицам и растеньям,
Но в человеке есть душа,
Он не чета другим твореньям,
Выходит, если я убью
Врага, то я же и в ответе?
А сам-то Миндия в бою
Блюдет ли заповеди эти?
Не сам ли он своим мечом
За грудой трупов валит груду?
Зачем же он бог весть о чем
Твердит сородичам повсюду?
И вера наша против тех,
Кто человека убивает,
Но в правом деле этот грех

Господь убившему прощает.
А как же быть? Коль супостат
Опустошит страну родную,
Отнимет все, чем ты богат,
И веру осквернит святую, —
Ужель войну считать за грех?
Нет, то не грех служить отчизне!
Вот так же бук или орех
Подчас мы рубим ради жизни».

«Что ж, люди, Чалхия не лжет, —
Заговорил народ несмело, —
Куда нас Миндия ведет?
Хорошее ли это дело?
Зачем, сомненьями томим,
Смущает нашу он общину?
Ведь если мы пойдем за ним,
Как жить тогда простолюдину?
Такого ль мы от вожака
Имеем право ждать совета?
Он губит нас наверняка
И сам понять не может это».

В толпе народа, одинок,
Сидел хевсур, слезами залит.
Никто додуматься не мог,
Что сердце Миндии печалит.
Ему, как видно, невдомек,
Что про него ведутся речи.
Сидит, глаза уставив вбок,
И мыслью странствует далече.

«Послушай, — Бердия сказал, —
О чем ты, Миндия, вздыхаешь?
Зачем, печален и устал,
Народным толкам не внимаешь?
Ведь это не впервой для нас —
Давно заметило селенье,
Что каждый день ты десять раз
Свои меняешь настроенья».

И оглянулись все вокруг
На молчаливого хевсура.
«Эх, я заслушался пичуг, —
Ответил Миндия понуро, —

Вон на камнях, сложив крыла,
Они сейчас уселись вместе,
И та, что справа, принесла
Подружке страшное известье:
Погибли все до одного
Птенцы у матери-подружки.
Подумать только, каково
Теперь на сердце у пичужки!»

Хевсуры смотрят: так и есть,
Сидят две птички в отдаленье,
И уж дыханья перевесть
Одна не может от волненья.
Склонилась ниц она и дух,
Упав на землю, испустила.
Понять, которая из двух
Погибла здесь, не трудно было!

Удивлено, поражено,
Затихло шумное собранье.
Ужели смертному дано
Вместить в себе такое знанье?
Конечно, Миндия не лжец —
Решили все хевсуры разом.
Но только голоса сердец
Еще не слушается разум.
Хотя и ясно для людей,
Что речи Миндии не сказки,
Все бьют по-прежнему зверей,
Деревья рубят без опаски.
Увы, забыть про вкусных кур
Не в состоянии лисица.
Очаг без дела у хевсур,
Коль в нем полено не дымится!

V

В те дни усилилась вражда
С кистином, персом и османом,
Но победителем всегда
Бывал хевсур на поле бранном.
И миновали дни невзгод,

Окрепла Грузии ограда.
А если победил народ,
Народу большего не надо.
Покуда Миндия вожак,
Страшиться нечего хевсуру.
Какой еще посмеет враг
В его страну явиться сдуру?
Повсюду мир и тишина,
И солнце светит лучезарно...
Блажен герой, кому страна
За это счастье благодарна!

VI

На высоте скалы отвесной,
Под самым небом чуть видна,
Гнездится хижина над бездной,
Громадой гор окружена.
Блистая белыми снегами,
Твердыня каменная гор
Взметнулась к небу перед нами,
Людской притягивая взор.
Еще прекраснее, чем летом,
Ее суровый зимний вид.
Блеснет ли солнышко с рассветом,
Обвал ли с громом пролетит,
Закашляются ли теснины,
Как бы чахоточный больной, —
Седые горы-исполины
Благословенны и зимой.

Как часто летом обвевают
Их ласковые ветерки,
Как часто грозы зажигают
На их высотах огоньки!
Там ни покосов нет, ни пашен,
Никто там отроду не жал,
Лишь тур гуляет там, бесстрашен,
Точа рога о грани скал.
И неприветливые горы,
Корнями в бездне угнездясь,
Глядят неласково в просторы,
Где солнце катится, светясь.
Их о душе не мучит дума,

Тучнеть у них не может плоть,
И так стоят они угрюмо,
Не в силах время побороть.

Покрыта копотью всегдашней,
Огнем войны опалена,
К стене пристроенная башня
Над горной хижиной видна.
Покуда жажда кровной мести
Пылает в сердце у людей,
Пока враги, собравшись вместе,
Со всех сторон стремятся к ней —
Покоя башня не узнает,
И как ей, бедной, отдохнуть,
Коль сотня пуль ее терзает,
Впиваясь в каменную грудь?

Пылает в доме спозаранку
Очаг с вязанкой добрых дров,
И не смолкает перебранка
Двух отдаленных голосов.
Окружена детьми своими,
Сидит хевсурка у огня.
Хевсур вздыхает перед ними,
Судьбу несчастную кляня.

Муж

Будь проклят день, когда я сдуру
Тебя назвал своей женой!
Не я ль примером был хевсуру?
А нынче кто я стал такой?
Проклятая, из-за тебя я
Теперь никчемный человек!
Как мне ходить под небом, зная,
Что обесчещен я навек?
И где искать мне исцеленья?
Пуста, бесплодна жизнь моя!
Последний камень, без сомненья,
Теперь полезнее, чем я.
Я из-за вас неисцелимой
Болезнью ныне поражен,
Я из-за вас, непогрешимый,
И погрешил и посрамлен.
Из-за детей несчастных боле

Мне жить по-прежнему невмочь,
И о своей погибшей доле
Теперь я плачу день и ночь.

Жена

Тебе вину свою не дело
Валить на голову мою.
Сама я разве захотела
В твою пристроиться семью?
Ты не давал мне сам проходу,
Твердил мне: «Мзия, видит бог,
Я за тебя в огонь и в воду!» —
Твердил, покуда не увлек.
Зачем, оружье обнажая,
Врывался к братьям ты, как зверь?
Казалась сахаром тогда я?
Полынью стала я теперь?
Ты недоволен тем, что дети
Есть у тебя? Ты день и ночь
На бога ропщешь? Кто ж на свете
Семью из дома гонит прочь?
Одумайся! Не мы причина,
Что у тебя столь много бед!

Муж

Нет, ты одна во всем повинна!
Не ты ль кричала мне чуть свет:
«Дрожат от холода детишки,
Ни щепки дров в такой мороз!
А Бердия себе дровишки
Давно уж из лесу привез!»
Корила ты меня примером
Невежественных, злых людей,
Ты величала изувером
Меня, отца твоих детей.
Толкала ты меня в могилу,
Ты отравляла мой покой,
И понемногу, через силу,
Вошел я в сделку сам с собой.
Срубил я раз одну чинару,
Не слушая ее мольбы,
Потом пошел и срезал пару,
Чтоб дым струился из трубы.
Окаменеть хотел я снова,

Молился богу, чтоб опять
Перед лицом всего живого
Живые чувства потерять.
Ты мяса турьего хотела,
Узнав, что кем-то тур убит.
О, как душа моя болела
От вечных жалоб и обид:
«Коль дети вырастут без мяса,
Нам не видать от них добра.
Увы, без этого припаса
Хиреет наша детвора».
Ах, чтоб ты в землю провалилась!
Пошел и я стрелять зверей.
Вот мясо, кушай, сделай милость,
Полней сама, корми детей!
Уж лучше бы сломать мне шею,
Чем выбирать неправый путь!
Но как о прошлом ни жалею,
Его мне больше не вернуть.

Жена

Твою безмерную заботу
Не в состоянье я постичь.
Все люди ходят на охоту,
Деревья рубят, ловят дичь.

Муж

Болтунья ты и верхоглядка!
Ума в тебе ни капли нет.
Ты думаешь, чтоб кушать сладко,
Вокруг тебя устроен свет?
О, как мне сердцем не томиться?
Ведь мудрость прежняя моя
И всемогущество провидца
Навек оставили меня!
Причину смертного удела
Понять не трудно мертвецу.
Кто я? Бесчувственное тело!
Одно страданье мне к лицу.
Быть мертвецом еще при жизни —
Что в мире может быть страшней?
Чем помогу теперь отчизне,
Как послужу стране моей?
Не слышу больше я растений,

Не разбираюсь в их делах.
Увы, из всех земных творений
Я сам себе первейший враг!
И говор я не слышу птичек,
И трав приветливый напев,
С тех пор, как стал в семье добытчик,
Не понимаю, помертвев.
И все, к чему я был способен,
Уж не по силам больше мне.
Пучку соломы я подобен,
И то, пожалуй, не вполне.

Как я спасу страну родную?
Как отстою свое жилье?
Зачем, безумец, я впустую
Растратил знание мое?
Зачем горит еще доселе
На небесах моя звезда?
Уже давно враги не смели
Являться с вызовом сюда.
Теперь-то явятся, проведав,
Что уж не тот я стал боец,
И в прах размечут башни дедов,
И разобьют нас наконец.
Нет, не снесу я это горе,
И ваши сроки сочтены...
Так из-за вас могу я вскоре
Несчастьем сделаться страны.
Да и к чему мне жить на свете,
Коль в сердце больше нет огня,
Коль силы внутренние эти
Навек оставили меня?
Чем оправдаюсь я пред богом,
С каким я должен жить лицом,
Когда виновен я во многом
Перед живым и мертвецом?
Чт*о* мне доспехи боевые,
К чему мне добрый старый меч,
Когда в сражении впервые
Мне им кольчуги не рассечь?
Как есть мне хлеб, как пить мне воду,
Как мне вернуть сердечный жар,
Когда бессилен я природу
Благодарить за этот дар?

И муж скрестил худые руки,
И вышел из дому во двор,
Взглянул вокруг и, полон муки,
Вдруг зарыдал у края гор.

VII

Обсохли горы. Ручейки
С вершины катятся по склонам,
Лежат обвалы у реки,
Подобно свергнутым драконам.
Белокопытник окропив,
Промчался дождь, и во вселенной
Любой цветок теперь красив,
Как взор Тамары незабвенной.
Опять цветет у края скал
Пиримзе, цветик мой любимый.
Перевалив за перевал,
Ликует путник невредимый.
Скалу украсили стада,
Как красят родинки девицу.
Измученная в холода,
Природа снова веселится.
Страдальцев много на земле!
Заметить одного не диво,
А сколько их в любом селе
Скорбит зимою сиротливо!

В хевсурских селах шум и гам,
Повсюду слышны восклицанья:
«Опять враги явились к нам,
Ищите Миндию, селяне!
Кистинская подходит рать,
Уж мост разрушен на Аргуне.
Наш долг — селенья отстоять,
Закончив сборы накануне».

И взволновался весь народ,
Как будто море в непогоду.
Любой оружье достает,
Любой готовится к походу.
Уже давно у этих гор
Врагов хевсуры не видали,

Пустив коней во весь опор,
Давно их лагерь не топтали.
Теперь, волнуясь и спеша,
Они стремятся в бой кровавый,
И каждая горит душа
Желаньем подвигов и славы.
Хевсуры знают: кто убьет
Орды кистинской верховода,
Того признает весь народ
Героем этого похода.
Прикончив злобного врага,
С его отрубленной рукою
Он через горные луга
Вернется, чтимый всей страною.
В награду за великий труд,
Освободивший землю нашу,
Ему, герою, поднесут
С зажженными свечами чашу.
Он будет первый человек,
Прославленный хевсурским краем,
И будет род его вовек
И знаменит и уважаем.

Спасаясь в башни от врагов,
Уходят жены, дети, вдовы,
А для защитников-бойцов
Хурджины с пищею готовы.

VIII

Уж вечер. Темные ущелья
Покрыты копотью ночной.
Сегодня им не до веселья,
Они угрюмы, как больной.
Хребты высокие и скалы,
Арагва вольная моя
Грустят, печальны и усталы,
И плачут, горе затая.
Лишь вестовые в отдаленье
Кричат по селам: «Кто чуть свет
Идти откажется в сраженье,
Тому с семьей пощады нет!»

Ни огонька вокруг. Не слышен
Напев свирелей. И давно
Все до иглы из горных хижин
В убежища унесено.
Селенья дремлют под охраной
Высоких башен, и стада,
Пока не сломлен враг нежданный,
Укрылись в горы, кто куда.

Лишь на окраине Хахмати,
И сиротлив и одинок,
Сквозь дверь молельни на закате
Мерцает робкий огонек.
На листьях ясеня трепещет
Его колеблющийся свет,
То вспыхнет ярко и заблещет,
То вновь его как будто нет.
Так тело борется живое
Со смертью, испуская дух...
Стоят перед молельней двое,
И больше ни души вокруг.
У одного в руке дымится
В крови испачканный кинжал.
Бычок, переставая биться,
Пред ним зарезанный лежал.

Бердия, хевисбери

О Миндия, свои щедроты
Да ниспошлет тебе господь!
Пусть все исполнится, за что ты
Решил свой скот переколоть.
Пускай твоя не меркнет слава,
Покуда держит меч рука,
Пусть победят врагов державы
Тобой водимые войска.
Ты на святые жертвы много
Извел скотины — больше всех.
О чем ты вечно молишь бога?
Какой замаливаешь грех?
Ты десять раз колол скотину,
Довольно было б раза два.
Пусть не в обиду властелину
Мои покажутся слова.

М и н д и я

Четыре у меня телицы
Да пара есть еще быков.
Чтоб от болезни исцелиться,
Я в жертву их принесть готов.

Б е р д и я

Что за болезнь к тебе пристала?
Ведь знает каждый старожил,
Что сам болящих ты немало
Своим искусством исцелил.

М и н д и я

У тех иные были хвори.
Нельзя их сравнивать с моей.
И нелегко об этом горе
Распространяться средь людей.
Скупец не будет населенью
Мошну развязывать свою.
А впрочем, завтра, без сомненья,
Все обнаружится в бою.

Б е р д и я

Ты — наша честь и упованье,
Тебе неведом жалкий страх.
Страны хевсурской достоянье
В твоих находится руках.
Ведешь ты с господом беседу,
Наставник твой — Хахматский Крест,
С тобой одержим мы победу —
Твердят хевсуры здешних мест.
Святым Георгием хранима,
Пускай твоя не дрогнет грудь,
Пусть сам господь тебе незримо
Святой указывает путь.

И Бердия приподнял чашу,
Взывая в темный небосвод:
«Благослови надежду нашу,
Святой Георгий, наш оплот!
Пусть все хевсурские святыни
Помогут витязю в бою,
Чтобы никто не мог отныне

В родном бесчинствовать краю.
Назавтра бой, и без сомненья,
Покуда Миндия вожак,
Враги потерпят пораженье,
Грозой развеянные в прах».

При этом слове хевисбери
Поник молельщик головой,
И отвернулся он от двери,
И слезы он смахнул рукой.
И вдруг упал перед молельней,
Как стебель скошенный, как пук
Сухого хвороста... Смертельней
Едва ли может быть недуг!
Он шепчет что-то со слезами,
О чем-то молит горячо...
Такого горя пред глазами
Не видел Бердия еще.
Дивится он, что перед битвой
Так убивается вожак, —
Назвать обычною молитвой
Его мольбу нельзя никак.
Рыдает он, ломая руки,
В пыли коленопреклонен,
И тяжким скрежетом кольчуги
Сопровождает долгий стон.
И шепчет Бердия с мольбою:
«О Крест Хахматский, в день борьбы
Наставь на доброе героя,
Не отвергай его мольбы!»

IX

И хлынул ливень, и в ущелье
Обломки каменные скал
Поток, невиданный доселе,
В одно мгновенье разметал.
Но весть о битве до равнины
Он с гор хевсурских не донес,
И на траву легли в кручине
Росинки облачные слез.
И свет свечи погас в Хахмати,
И хевисбери больше нет.

И нет того, кто на закате
Искал спасенья здесь от бед.
Лишь камни древние молельни
Молчат сурово, и у ног
Арагва в ярости бесцельной
Сквозь горы гонит свой поток.

X

Сложив туманные крыла,
Проплакавшая до рассвета,
Заснула утренняя мгла,
В полотна белые одета.
Хотя и рады злаки нив
Ее росе животворящей,
Но чаще горных вод разлив
Бедой бывает настоящей.
Сегодня там, где был обвал,
Ущелья вновь зазеленели.
Громада башни с темных скал
Глядит задумчиво в ущелье.

Как будто горные цветы,
Хевсурки смотрят в амбразуры,
Желая видеть с высоты,
Как в бой отправятся хевсуры.
Молясь за воинов, они
Гадают и ведут беседу,
Кому святыня в эти дни
Пошлет желанную победу.
Окрестность горная с высот
Вполне открыта взору женщин, —
Никто по тропам не пройдет,
С высокой башни не замечен.
И вяжет каждая чулок,
Не позабыв домашних правил,
И жарко молится, чтоб бог
В беде отчизну не оставил.

Сандуа

Ты, Мзия, пасмурна на вид,
В глазах сомненье и опаска.
Не будет Миндия убит,

Не плачь о муже, сероглазка!
Войну за родину свою
Считает лучшим он уделом.
Кто победит его в бою?
Такого нет на свете белом!
Уж коль тебя берет испуг,
То как же я должна томиться?
В сраженье будет мой супруг,
Три брата в битве будут биться.
Однако с помощью меча
Победы Миндия добьется.
Тот, кто ходил на рогача,
С добычей новою вернется.

Мзия

Увы, а вдруг не сможет он
Сражаться мужественно снова?
Ведь целый год какой-то сон
Его преследовал, больного.
Губил и душу он и плоть,
Жену с детьми считал врагами,
Весь скот успел переколоть
На жертвы, знаете вы сами.
Все он молил Хахматский Крест
Простить вину его большую...
Придет — и хлеба не поест,
Как понапрасну ни прошу я.
Сидит, бывало, одинок,
Грустит и плачет, и нередко —
«Какой я клад не уберег!» —
Бормочет, словно малолетка.
И все на кровле по ночам
На небеса глядит сурово...
Уж заходить не стали к нам,
Зайдут, а он ни с кем ни слова.
Гостей он видеть не хотел,
А нас подавно в грош не ставил,
И весь от горя поседел,
И нас намучиться заставил.
Бывало, я слежу тайком,
«Какая, — думаю, — причина,
Что он всегда особняком,
Как ни один в селе мужчина?»
Да кто ж такого разберет?

Но было, Сандуа, похоже,
Что он оплакивал народ,
Да и себя с народом тоже.
«Чем помогу отчизне я?» —
Себя он спрашивал, и стала
Ему ненужною семья,
Чего от века не бывало.

Сандуа

Я это слышу в первый раз.
Ты удивляешь нас, сестрица.
Ведь славный Миндия для нас
С одним лишь солнцем мог сравниться.
Поверить, право, нету сил
Таким неслыханным наветам.
Ведь сам-то он не говорил
Своим товарищам об этом.
Какой же клад, не смыслю я,
Он потерял, скажи на милость?
А может быть, и впрямь семья
Перед беднягой провинилась?
Едва ль из наших кто мужей,
Какую б он ни принял муку,
Поднять на маленьких детей
Решится собственную руку.

Мзия

Клянусь детьми! (И в этот миг
Она печально и уныло
На головы детей своих,
Рыдая, руки положила.)
Клянусь детьми, что много раз
Твердил он нам, как бесноватый:
«Я душу продал ради вас,
Отступник, господом проклятый!
Я бил зверей, рубил дрова,
Считал возможным это дело,
И понемногу вся трава
Передо мною онемела.
И замолчали вдруг цветы,
Столь говорливые весною,
И звезды больше с высоты
Уж не беседуют со мною.
Все то, что бог в меня вложил,

И всемогущество, и з н а н ь е, —
Все потерял я, все забыл,
Всего лишился в наказанье»,
Кричал он в бешенстве, что я
Во всем виновна, и, бывало,
Хватался за курок ружья,
И я в испуге убегала.
И все ж была надежда в нем,
Молился он и верил в чудо,
И нас в безумии своем
Не загубил еще покуда.

Сандуа

Коль ты причиною была
Его душевного разлада,
За эти черные дела
Тебе язык отрезать надо.
Связать бы дуру, да в костер
За то, что мужа загубила!
Ведь нам опорой до сих пор
Служила Миндиева сила.

Мзия

Конечно, коль виновна я, —
И я достойна наказанья.
Но у него же есть семья,
А ей нельзя без пропитанья.
Не вижу, право, я вины
В том, что о детях я радела.
А что касается войны,
Так женское ли это дело?
Об этом должен думать он,
На то мужчина и мужчина...
А от меня какой урон?
В каком проступке я повинна?
Коль нет греха в душе моей,
Так мне ль страшиться наказанья?
А за грехи других людей
Винить какое ж основанье?
Но знал мой муж — несдобровать
Ему, и нас измучил тоже...
Приснился сон мне. Как понять
Его, не знаю я, о боже!

Сандуа

Ты расскажи нам, не таись,
Какое было сновиденье?
Еще, быть может, нашу жизнь
И сохранит нам провиденье.

Мзия

Приснилось, Сандуа, увы,
Мне разных ужасов немало,
И вся я с ног до головы
Во сне от страха трепетала.
Как дэв, летел с горы поток,
Тяжелодышащий и грозный,
И за собою камни влек,
По грани падая откосной.
И трепетали склоны гор,
И скал раскалывались пики,
И вод стремительный напор
В поток их сбрасывал великий.
Трещала каждая скала,
Подобно сотне самопалов,
И с неба капала смола
И застывала средь обвалов.
А воды все сильней текли,
И был потоп неиссякаем,
И крики слышались вдали:
«Спасите! Тонем! Погибаем!»

Гляжу: действительно, в волнах
Несет людей и скарб домашний,
И рассыпаются во прах
Водой разрушенные башни.
Сперва еще казалось мне,
Что стороной пройдет угроза,
Однако даже в вышине
Сорвало домик наш с откоса.
Сорвало, бросило в волну,
И кровь моя застыла в жилах.
Хочу кричать: «Беда! Тону!» —
А голоса подать не в силах.
Прижала к сердцу я детей,
Закрыла бедных покрывалом,
Стараюсь с ними поскорей
К береговым прибиться скалам.

А на земле стоит вдали
Толпа какого-то народу,
И только я коснусь земли,
Меня обратно гонит в воду.
«Иди назад,— кричат вокруг,—
Не спорь с господним изволеньем!»
Вдруг вижу: Миндия-супруг
Плывет, подхваченный теченьем.
И на меня он посмотрел
И ласково промолвил: «Мзия,
Назначен смертный мне удел
За то, что сбился со стези я.
Прости, что я тебя бранил,
Что всю измучил напоследок.
Храни, покуда хватит сил,
И не давай в обиду деток!»
Как только я не умерла,
Измаявшись во сне глубоком!

Сандуа

Спастись ты, значит, не смогла
И унесло тебя потоком?

Мзия

Увы, унес меня поток,
Унес и мужа-несчастливца...

Сандуа

Храни нас, боже, от тревог,
Не дай врагу возвеселиться!

Женщины
(вместе)

Идут! Идут! Смотрите все!
Идут, благослови их, боже!
И Миндия во всей красе
Со знаменосцем едет тоже.
Как восходящая луна,
Супруг твой, Мзия. Погляди-ка!

Первая женщина

Сыночки наши! Вся страна
Вас любит с мала до велика.
Пусть материнская любовь

Надежной будет вам защитой!
Да не прольется ваша кровь,
Да сгинет враг, в бою разбитый!

Вторая женщина

Вон, посмотрите, мой меньшой
Гарцует с витязями рядом.
Пусть сердце матери родной
Летит за доблестным отрядом!

Первая девушка

Да будет с Тотией моим
Любовь сестры его, смуглянки!
Сперва он был неразличим,
Теперь узнала по осанке.
Под ним играет жеребец,
Грызет железное удило...

Вторая девушка

Ушиша тоже молодец,
Его б ни с кем я не сравнила.
Как волк, его ярится конь!
Коль дело до меча коснется,
Попробуй-ка героя тронь —
О щит оружье разобьется!

Первая девушка

Ах, видеть братца мне невмочь,
Когда он, дерзкий, рвется к бою!
Взгляну, и вмиг отпряну прочь,
И в ужасе глаза закрою.

Вторая девушка

Мне, Зекуа, наоборот,
Отвага милого дороже,
Чем избавленье от забот,
Чем отдыхающему ложе.

Первая девушка

Ну, Швена, кто ж настолько глуп,
Что славы другу не желает?
Однако девушка как труп,
Когда любимый погибает.

Вторая девушка

Кто отличится в эти дни,
Тот и прославится отныне.

Женщины
(вместе)

О боже, воинов храни,
И вы, хевсурские святыни!
Пусть невредимыми опять
Вернутся воины в селенье!

Не трудно женщин нам понять —
У каждой столько треволнений!
Нам разгадать не трудно их,
Людская такова природа:
Всяк за сородичей своих
Страшится, коль пришла невзгода.

XI

Вот на возвышенной поляне
Хевсурский строится отряд.
Доспехи в солнечном сиянье
На каждом воине горят.
На юных лицах нетерпенье —
Хевсурам надобно решить,
В горах ли дать врагу сраженье,
Или внизу его разбить.
Сошли с коней. На рукояти
Руками дружно опершись,
Сыны Гудани и Хахмати
Глазами в Миндию впились.
Он предводитель их старинный,
Творит он в битвах чудеса.
Но он молчит. И воедино
Слились хевсуров голоса.

Воины

Ты знаешь, Миндия, сколь дорог
Дружине мудрый твой совет.
Чтоб посрамлен был снова ворог,
Скажи нам слово, змееед.

Миндия

Я вам, хевсуры, не советчик,
Переменилась жизнь моя.
Теперь в кровопролитных сечах
Уж ничего не смыслю я.
Здесь предо мною вся дружина,
Пусть каждый выскажет словцо.
Свяжите мысли воедино,
И вывод будет налицо.
Я буду биться одиноко —
Затем и вышел я в поход.
Ведь в предводители без срока
Не выбирал меня народ.

Воины

Да сгинет тот на ратном поле,
Кто, презирая власть твою,
По собственной посмеет воле
Переступить хоть шаг в бою!
Да будет проклят он святыней,
Пусть рот ему зальет смола!

Миндия

Эх, не хотел бы я отныне
Решать военные дела.
Но коль вы сами захотели,
Извольте, вот он, мой совет:
Кистин в Отравленном ущелье
Мы повстречать должны чуть свет.

И сразу недовольный шепот
В рядах хевсурских полетел.
Подсказывает людям опыт,
Что этот выбор неумел.
Но чт*о* отряду остается,
Коль дал он клятву? Ничего!
Он должен, выбрав полководца,
Приказа слушаться его.
Священной клятвою он связан,
Чужому подчинен уму,
И биться насмерть он обязан
Там, где указано ему.
И распростерлось в небе знамя,

И стая соколов взвилась,
И копья скрылись, остриями
В сиянье солнечном светясь.

XII

Уже два дня, как за горой
Не умолкает грохот боя.
Сражаться тиграм не впервой,
Увидев львов перед собою.
Кровавая простерлась нить
С горы до рощицы зеленой.
Двум победителям не быть,
Один здесь ляжет побежденный.

Но вот в дыму пороховом,
Обеспокоены и хмуры,
Связав кого-то башлыком,
Из битвы вырвались хевсуры.
Через соседний перевал
С трудом они перевалили,
И, бросив пленника у скал,
В сердцах над ним заговорили,

Хевсуры

Скажи, куда тебя несет?
Уж не житье ли надоело?
Не видишь разве, сумасброд,
Какое там творится дело?
Зачем ты лезешь в самый ад,
Не управляя нашим войском?
Неужто ты погибнуть рад
В самозабвении геройском?
Всегда мы бились, словно львы,
Топча кистинские дружины,
Теперь же, Миндия, увы,
Одолевают нас кистины.
Однако следует помочь
Товарищам на поле боя.
Уж день к концу, и скоро ночь, —
Напрячь нам силы нужно вдвое.

И обнажив свои клинки,
И копья ухватив стальные,
Умчались в битву смельчаки,

Врагом теснимые впервые,
На грани смерти и житья
Бывают страшные мгновенья,
Но, если воин не дитя,
О чести помнит он в сраженье.
Придется робкому надеть,
Расставшись с чохой, бабье платье,
Мужскую шапку снять и впредь
Одни выслушивать проклятья, —
Придется, если только он
Не устоит перед врагами...

Рыдает пленник, изнурен,
Скрежещет яростно зубами.
Пытается он развязать
Друзьями скрученные руки,
Ослабевает и опять
Лежит в пыли, исполнен муки.
Он жаждет смерти там, в бою,
С родными витязями вместе, —
Уж им не жить в родном краю,
Они падут на поле чести!

И вот сошла на землю ночь.
И в эти грозные минуты
Несчастный пленник сбросил прочь
Полуразвязанные путы.
Вскочил с земли он, еле жив,
И застонал в изнеможенье:
Пред ним, полнеба осветив,
Пылали ближние селенья.
И все, что там произошло,
Вдруг стало ясно до предела,
И неподвижное чело
Его внезапно побледнело.
И слезы высохли в очах,
И слабость прежняя пропала,
И только сердце, как очаг,
Смертельным пламенем пылало.
И, не жилец в родном краю,
Клинок он выхватил старинный
И в грудь могучую свою
Вонзил его до половины.
И кровь взметнулась, как родник,

И над горой, жилищем тура,
Луна, подняв печальный лик,
В лицо уставилась хевсура.
И безутешна и бледна,
Открыв туманные зеницы,
Как причитальщица, она
Глядит на труп самоубийцы.
И веет легкий ветерок
На окровавленное жало,
Где соком пурпурным клинок
Мужское сердце орошало.
Лишь на мгновенье он задел
То жало с песней мимолетной,
И снова в горы полетел,
Привольный, легкий, беззаботный.

●

ДЗАГЛИКА ХИМИКАУРИ

(Поэма)

Посвящается
Илье Чавчавадзе

I

Пускай вокруг, подобно буре,
Доспехи ратные гремят —
Родимый кров Химикаури
Огнем отчаянья объят.
Лежит хозяин на постели,
Угрюм, печален, недвижим,
Как будто уксусное зелье
Поставил кто-то перед ним.
Хевсур давно уже не хочет
Ни солнца видеть, ни луны.
Впервые он клинок не точит
При наступлении войны.

Клубами траурные тучи
На землю падают с высот.
Они унылы и тягучи,

Их что-то давит и гнетет.
Мятется сердце их, скрывая
Недуг смертельный в глубине,
Томит их горечь роковая,
Неразличимая извне.
Они росою не сочатся,
Они громами не гремят.
О чем же, бедные, томятся?
Зачем так горестно молчат?

II

В Ликоки говор и волненье,
Бежит народ со всех сторон.
Что взволновало все селенье?
Чем люд хевсурский возмущен?
Ужель народу нужно снова
За прадедовский браться щит?
Неистовей котла пивного
Любое сердце здесь кипит.

Пришло посланье из долины,
Царя Ираклия письмо:
«Хевсуры, недруг наш старинный
Грозит надеть на нас ярмо.
Спешите, храбрые, к столице!
Уж занял пригороды враг.
Пришло нам время ополчиться
На этих бешеных собак».

И вся страна забушевала,
Услышав горестную весть.
Проснулись молот и клепало,
Мечи сверкают там и здесь.
Забыв старинные недуги,
Седые деды и дядья
Латают бранные кольчуги,
Усами барсов поводя.
Доят в огромные сосуды
Хевсурки-женщины коров:
К походу должен быть повсюду
Запас довольствия готов.

III

Закутав землю пеленою,
Не вечно тянется зима.
Природа, мертвая зимою,
Весной пробудится сама.
И будет горных вод лавина
В колесах мельницы звенеть,
И отощавшая скотина
Начнет на пастбищах тучнеть.
И на скалу взойдет Гергети
Вчера бессильный пешеход...
Но часто перемены эти
Дурной имеют оборот.
Превратны судьбы человечьи...
Где очи милого лица?
Еще вчера они, как свечи,
Пылали в сердце молодца, —
Сегодня их потухло пламя,
Как воск, истаяли они...
Где барс, владеющий горами
И чтимый нами искони?
Не он ли в утро золотое
Свой испустил предсмертный хрип
И, как герой, на лапах стоя,
Пробитый пулею, погиб?

Туман развеялся в ущелье.
Уж начинает солнце печь.
Громады гор побагровели,
Большие бурки сбросив с плеч.
В Ликокской роще, возле луга,
Стоит собравшийся отряд.
Бойцы хевсуры друг у друга
Мечи испробовать спешат.
Вздымая морды средь кизила,
Косят глазами жеребцы —
В ногах скопившаяся сила
Томит их, взятых под уздцы.
По берегам Арагвы шумной,
Спеша с хозяевами в бой,
Отрадно в скачке им безумной
Растратить пыл великий свой.
Но час придет: и конь и всадник

Сдадут — ведь сердце не кремень,
И отрезвится пылкий ратник,
Едва настанет новый день.

А там, на плоских кровлях хижин,
В платках от темени до пят,
Печален, тих и неподвижен,
Хевсурских женщин виден ряд.
Горят их взоры в отдаленье
Огнем созвездий золотых —
Мольба, любовь, благословенье —
Все отразилось нынче в них.
«Пошли им, господи, победу!
Верни живыми в отчий дом!
Направь по праведному следу!»
Кто это молится? О ком?

IV

«Ты что замешкался, Дзаглика?
Уж выступать давно пора.
Народ от мала до велика
Собрался в рощице с утра.
Мужчины вышли полным строем,
Лишь ты не вышел, сумасброд!» —
Так разговаривал с героем
К дверям собравшийся народ.

«Скажите, люди, государю,
Что сердце у меня мертво,
Что никогда я не ударю
С мечом на ворога его.
Что не могу я встать с постели,
Что заболел я и ослаб,
Что бесполезен я на деле,
Что я и дома хуже баб».

«Клянемся дружбою, Дзаглика,
Ты за нос нас не проведешь!
Решил ты твердо, а спроси-ка,
Что скажет наша молодежь!
Напрасно ты теряешь время,
Часы бесценные губя, —

Известно всем, какое бремя
Лежит на сердце у тебя.
Ты не ребенок, брось печали!
Тебя зовет родная рать».
«Молчите, люди! Что пристали?
Я не желаю воевать.
Я не боюсь ничьей опалы!
Закуйте ноги в кандалы,
Наденьте бабье покрывало
Иль бросьте в воду со скалы —
Пусть вас одних на поле брани
Ведет сегодня славный путь,
А я поднять не в силах длани,
Чтобы мечом моим взмахнуть».

«Не говори такого вздора!
Ты можешь нашим быть вождем.
Нас не похвалит царь, коль скоро
Мы без тебя к нему придем».

Но тот качает головою,
Не соглашается идти;
Перед дружиной боевою
Стоит, как башня, на пути.
И оскорбленные посланцы
Сказали, возвратясь, бойцам:
«Не уломали мы упрямца,
Он не товарищ больше нам.
Он о мече своем томится,
Идти не хочет он в поход».

Чтоб образумить нечестивца,
Других посланцев шлет народ.
Минуя русло горной речки,
Поднялся Бердия в село.
Сверкает меч его насечкой,
Щит громыхает тяжело.
Покрыта ржавчиной от зноя,
Закалена в огне борьбы,
Крутая выя у героя
Как будто ступица арбы.
Его друзья прекрасны тоже —
Об этом речь была не раз...

«На что все это, брат, похоже?
Что значит странный твой отказ?
Из-за меча ты хочешь ныне
Навлечь на нас великий срам.
Возьми мой меч! Клянусь святыней,
Его охотно я отдам.
Ведь он такого же закала,
Как твой франгули. Видит бог,
Был не из лучшего металла
И твой излюбленный клинок.
Возьми, но будь, как прежде, с нами,
Не сокрушай нам дюжих плеч!» —
Такими Бердия словами
Молил Дзаглику, вынув меч.
«Представь, что твой клинок старинный
Сломался где-нибудь в бою.
Приди в сознанье, будь мужчиной,
Не огорчай страну твою».

«Вовек я не был отщепенцем,
Здоров рассудком я вполне, —
Но надо ж, люди, быть младенцем,
Чтоб позабыть обиду мне!
Коль царь хотел, чтоб я сражался
В его войсках за край родной,
Он никогда б не надругался
Так бессердечно надо мной.
Зачем он отнял у Дзаглики
Его любимый старый меч?
Неужто был в нужде великой?
Иль сердце мне хотел разжечь?
И что он, меч простолюдина,
Для повелителя страны?
Зачем, обиженный невинно,
Я снова призван для войны?
Чем помогу я, безоружный,
Тому, которому служу?
Заране думать было нужно
Об этом, вот что я скажу!
Ведь этот меч мне был дороже
Семьи и дома. Для меня
Он был сокровищем. И все же
Навеки с ним простился я».

«Все это так. Но меч отличный
Взамен Ираклий дал тебе.
Дарить плохое неприлично —
Он весь в оправе и резьбе.
Не нужно гневаться на это,
Для ссоры это не предлог!».

И все же нужного ответа
Добиться Бердия не мог.
Разгневанный не хочет воин
Хевсурскую умножить рать.
Пенять на то, что он расстроен,
Покойная не стала б мать.
Но женщины вмешались в дело.
Одна из бойких тех сорок
Заткнуть всех за пояс умела,
Воркуя, словно голубок:
«Уж ты не баба ли, Дзаглика?
Как говорить еще с тобой?
Хевсуры с мала до велика
Дивятся на поступок твой.
Коль ты сидишь на сеновале,
Как престарелая карга,
Тебе, несчастному, едва ли
Мужская шапка дорога.
Едва ли дорог меч старинный, —
К чему тебе сегодня он?
Петух с повадкою куриной
И безобразен и смешон!»

И тут жена Дзаглики Кмара
Накинулась на муженька:
«Ты меч оплакиваешь старый,
А трусишь сам наверняка.
Какой клинок тебе поможет,
Коль сердце больше не горит?
Бедняга! В бой идти не может,
А сам о мужестве вопит!»

И сердце вспыхнуло Дзаглики,
И, горький жребий свой кляня,
Вскочил он в ярости великой
И привести велел коня.
Пришел конец его недугу,
Другим он сделался совсем —

Облекся в медную кольчугу,
Надвинул на голову шлем.
И меч какой-то он грошовый
Привесил сбоку и кинжал
С эфесом из кости слоновой
Себе на пояс навязал.
И так промолвил он дружине:
«Пускай лишусь я головы,
Но, воины, клянусь святыней,
Я буду там же, где и вы».

V

Арагва стала полноводной
И полноводною — Кура.
Струит поток воды холодной
В долину каждая гора.
Какая славная погода!
Сегодня, верные себе,
Бойцы хевсурского народа
Пришли и встали в Дидубе.
Вдали мерцают искры зарев,
Народных бед не перечесть.
В покой, однако, государев
Доходит радостная весть.
И стража двери отворила,
И разом дрогнули сердца:
Лев Грузии, ее светило,
К хевсурам вышел из дворца.
И громовым его раскатом
Многоголосый встретил хор:
«Восторжествуй над супостатом,
Отец долин, родитель гор!»
Внимая кликам ополченья,
Ираклий говорит в ответ:
«И вам, хевсуры, в день сраженья
Желаю славных я побед!
Коль не помогут ваши длани,
Не победить и мне, друзья.
Торжествовать на поле брани
Лишь вместе с вами буду я.
Победа нашего народа
Моей победой будет тож.
Печальна участь морехода,

Коль никуда корабль негож».
«Мы будем драться без пощады,
Чтоб не возрадовался враг!» —
Царю ответили отряды,
Как это принято в горах.
Ликуют храбрые сердцами,
Лишь эхо вторит вдалеке,
И Бердия перед бойцами
Стоит со знаменем в руке.

VI

Имел наш царь обыкновенье
Пред тем, как бросить в бой полки,
У всех бойцов без исключенья
В строю осматривать клинки.
Похвальное излишне слово —
Оружье он отлично знал...
Дзаглика мрачно и сурово,
В рядах запрятавшись, стоял.
Завидев молодца, Ираклий
Скрыть удовольствия не мог:
«Дзаглика, старый друг, не так ли?
А ну, подай сюда клинок!
Пока сраженье не приспело,
Давай на твой посмотрим меч.
Быть может, ржа его поела
Или из ножен не извлечь?
Надеюсь, так же, как когда-то
В Аспиндзском доблестном бою,
Сегодня, встретив супостата,
Покажешь удаль ты свою.
К мечу ты новому, наверно,
Теперь почувствуешь любовь.
Зачем глядишь высокомерно
И молчаливо хмуришь бровь?»
И царь клинок его из ножен
Рукою опытной извлек.
Глядит, дивясь: на что похож он?
Не деревянный ли клинок?
Клинок и вправду деревянный,
Хотя на месте рукоять!
Что этой выходкою странной
Невежа думает сказать?

Как он посмел, наглец великий,
С таким оружьем выйти в бой?
Однако выгоду Дзаглика
Далеко видит пред собой.
Молчит Ираклий, смотрит хмуро.
Ни слова он не говорит.
Дивится войско на хевсура,
Невозмутимого на вид.
И улыбнулся вдруг владыка,
И стороной прошла беда.
«Эй, разыщите меч Дзаглики
И принесите мне сюда!»
Через мгновенье на хевсуре
Любимый меч горит огнем.
«Ну, счастлив ты, Химикаури?
Сумел поставить на своем?
Носи свой меч с великой славой,
Руби неверных наповал,
Не допускай, чтоб враг лукавый
На наши земли посягал!»

Хевсур царю целует руки,
Хевсур царя благодарит;
На меч, с которым был в разлуке,
Глазам не веря, он глядит.
Клинок он к сердцу прижимает,
Как дорогое существо;
Целует, гладит и ласкает,
Как мать ребенка своего.
Проснулся пламень в нем геройский —
Теперь, наперекор всему,
Не хватит вражеского войска,
Чтобы потешиться ему!

VII

За залпом залп несется, грянув;
В дыму чернеют груды тел.
От жаркой крови басурманов
Песок долин побагровел.
Вон там — грузинские отряды,
Здесь — басурман, жесток и лют.
Войска дерутся без пощады,
Да и к чему пощада тут?

Вот прекратилась перестрелка
И рукопашный вспыхнул бой.
Клинок — он тоже не безделка,
Им может действовать любой.
И всюду крики восхищенья:
Есть в этом воинстве рука,
Которая в пылу сраженья
Врагов сечет наверняка.
Она врагов сегодня косит,
Как будто сорную траву
Там, где она клинок возносит, —
Там смерть витает наяву.

И царь Ираклий примечает
Тигроподобный натиск тот,
Кого ж владыка увенчает,
Кого сегодня вознесет?
Кому он скажет, справедливый:
«Ты был в бою отважней всех?
Отнять клинок вольнолюбивый
У храбреца — великий грех!»

Есть слух: несчетною казною
Бойца Ираклий наградил.
Ружье с насечкой золотою
За этот подвиг подарил.
Повсюду толки о хевсуре —
Откуда он да кто такой?
Дзаглика он Химикаури,
Неустрашимый наш герой!

●

ГИЛА И КВИРИСА

(Рассказ пастуха)

Молодой бык со старым волом не уживается.

Народная примета

I

Мой Гила, немощный и лысый,
На горном пастбище глухом
Столкнулся с бешеным Квирисой —

Могучим Гивиным быком.
На горном пастбище высоком,
Среди собратий — великан,
Квириса водит жарким оком,
Красив, как утренний туман.
Он, семилеток, в полной силе,
Он не испробовал ярма...
Куда уж с ним тягаться Гиле!
Погибнет Гила задарма!

Рога у Гилы неплохие,
Они светлее хрусталя,
Но след ярма лежит на вые,
Как вековечная петля.
Всю жизнь свою в упряжке плуга
Провел мой бедный старый вол.
Чтоб покормить за это друга,
Его на отдых я привел.
Но разве даст бугай проклятый
Волу спокойно отдохнуть?
Недаром Гиви тороватый
Любил Квирисой прихвастнуть:
— Он всех быков побил в округе,
В сраженье он непобедим.
Как перед буйволом, в испуге
Волы бессильны перед ним.

Квириса ходит, бьет копытом,
Рогами грозно шевеля.
Над горным пастбищем изрытым
Взлетает комьями земля.
Песком и глиною измазан,
Трясет косматой он башкой
И в продолженье дня не раз он
Предпринимает лютый бой.
И в будний день, и в день воскресный,
И в непогоду, и в тепло,
Как властелин округи местной,
Глядит он сумрачно и зло.
Как грозный хан, на всякий случай
Он к землям тянется чужим
И, поднимая рев могучий,
Зовет быков сразиться с ним.
Таким неистовым громилой

Пришел он к хижине моей
И, повстречавшись с бедным Гилой,
Решил сразить его злодей.
Вокруг него качался свежий
Тростник, и так он был высок,
Что здесь к нему любой проезжий
Коня привязывать бы мог.

II

Жуя щавель, усталый Гила
Глядел спокойно на быка.
Его нимало не смутило,
Что тот ревет издалека.
Бороться не было желанья,
Хотя когда-то, полный сил,
Мой славный вол из состязанья
Всегда героем выходил.
Теперь не то: уж он не молод,
Природа к старости сдала.
И днем и ночью, в зной и в холод
Была работа для вола.
Родной земле он отдал силу,
В ярме шагая средь полей...
Но кто о том спросил бы Гилу?
Уж не Квириса ли злодей?

Шальные выпучив глазища,
Дробя копытами тростник,
Ополоумевший бычище
Перед волом моим возник.
И, верно, бог затмил мой разум,
Коль я не вовремя смекнул,
Что обуздать сумел бы разом
Его воинственный разгул.
Гляжу: уж он стоит над Гилой
И роет землю, исступлен,
Привычный к дракам, тупорылый,
Рассвирепевший, как дракон.

И Гила с ласковой мольбою
Ему как будто говорил:
«Оставь, прошу, меня в покое,

Во мне и так немного сил.
Измученный ярмом дубовым,
Я стар уже...» Но кто ж быка
Утихомирит здравым словом?
Ему ли жалко старика?
Со вздохом Гила приподнялся,
Рога столкнулись, грянул гром,
И воздух вдруг заколебался,
И горы вздрогнули кругом.

Вопрос победы не впервые
Решают кровные враги:
Один из них поднимет выю,
Другой согнется в три дуги.
Один уйдет, гордясь победой,
Другой признает свой позор.
Так разрешится в битве этой
Животной силы древний спор.

Теснят противники друг друга,
Не отступает ни один.
Кого ж прославит здесь округа?
Кто будет стаду господин?
Пусть у бугая больше силы, —
Мой Гила опытом богат!
И все же под напором Гилы
Не отступает супостат.
Едва успеет отдышаться, —
Его опять бросает в жар.
Нет, с молодежью не тягаться
Тому, кто немощен и стар!

— Эх, люди, чести мы не знаем!
Уж не с ума ли вы сошли?
Когда же старые с бугаем
Волы соперничать могли?
Зачем быка вы не пугнули?
Гоните прочь его тотчас! —
Так говорил нам Раибули,
Старик, сидевший возле нас.

Но тут взяла меня обида,
Что уступает вол быку,
И в злобе Гилу-инвалида

Хватил я палкой по виску.
И по сей день я вспоминаю
Поступок этот со стыдом,
И как ни тяжко мне, а знаю,
Что я наказан поделом.
Я возмечтал тогда, не скрою,
Что победит мой бедный вол.
Увы, сравнится ли с горою
Покрытый сумерками дол!

III

И безграничную обиду
С тех пор мой Гила затаил.
Покинул стадо он, и с виду
Стал неприветлив и уныл.
Все смотрит в сторону куда-то,
Не щиплет горную траву,
И жизнь его, клонясь к закату,
Оскудевает наяву.
Не утолят его страданья
Теперь ни солнце, ни луна,
В печальный мир воспоминанья
Его душа погружена.
Он помнит ангельские речи,
Когда по воле высших сил
К его рогам большие свечи
Посланец божий прилепил.
И непостижен, и нечаян,
Шепнул он на ухо тогда:
«Блажен, о Гила, твой хозяин,
Тебя взрастивший для труда!»

Эх, не узнать мне больше Гилу!
И худ, и жалок, и сердит,
Бедняга дышит через силу,
В глаза мне больше не глядит.
Уж он не лижет больше соли
И не подходит под окно...
Вола мне жалко поневоле,
Да, видно, так уж суждено!
Как утешать его я стану,

Ведь он — немое существо!
Чем залечить сумею рану,
Коль сердце ранено его?

Когда он горестно вздыхает,
Понурив голову свою, —
Слеза мне очи застилает,
Тоска терзает грудь мою.
Однажды я запряг бедняжку,
Чтоб испытать его в труде,
Но он не вытянул упряжку
И лег, вздохнув, на борозде.
Склонил на пахоту он выю,
Сложил ярмо свое в пыли,
И как ни бился я, — впервые
Не встал мой труженик с земли.

IV

С тех пор лишился я покоя,
И только стоит мне заснуть,
Встает мой Гила предо мною,
Рога в мою уставив грудь.
Бодает он меня рогами
И говорит: «Хозяин мой,
Зачем своими ты руками
Навеки отнял мой покой?
Тебе я отдал все здоровье,
Перепахал твои поля,
Всю жизнь трудился я с любовью,
Чтоб расцвела твоя земля.
Зажег я твой очаг домашний,
Наполнил хлебом я гумно,
А мне ведь впроголодь над пашней
Работать было суждено.
С утра до вечера, измаян,
Я делал все, что только мог...
За что же ты меня, хозяин,
На старость горькую обрек?»

И он не лжет, не лжет, бедняга,
Он правду, люди, говорит.
Для моего он отдал блага

Все то, чем каждый дорожит.
Напрасно Гилу я ласкаю,
Напрасно я его молю —
Сдавили грудь мою, сверкая,
Рога, подобны хрусталю.
Я говорю: «Не думай, милый,
Что только сильному — почет.
Теперь моим достойным Гилой
В селе гордится весь народ.
Надежда бедных и богатых,
Кормилец малых и больших,
Не плачь, мой Гила, об утратах,
Забудь о глупостях моих!»
Но понапрасну я стараюсь:
До сей поры во тьме ночной,
Рогами в сердце упираясь,
Стоит мой Гила предо мной!

ИЗ ПОЭЗИИ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

КОРАБЛЬ «ДАЛАНД»

Зной этой ночи нарушил мой сонный регламент.
Розами сад был укутан до самого горла.
Всюду валялся разрушенных теней орнамент.
Море дремучее пело и камни прибрежные терло.

Медленно плыл я, и «Даланд» стоял над водою,
Словно Нарцисс, очарованный собственной тенью.
Темные лавры томили меня и влекли за собою,
Лунные лилии их стерегли в отдаленье.

Я возвращался на родину новой дорогой.
Поднят с постели, томился и хмурился малость.
Отчая кровля казалась такой бесконечно далекой.
Да и была ли она? Может быть, лишь вспоминалась?

Воспоминаний толпа вслед за мною летела.
Ленин, Москва, Петроград, Кремль... И в дрожанье
и в стуке
«Даланд» волну рассекал, и Черное море кипело...
Взгляд затуманили первые слезы разлуки.

РУКИ

Вот западный ветер
Несется по небу.
Багряного шелка
Влекутся за ним облака.

А вниз посмотри:
Коллектива
Огромные руки,
Хозяева жизни, —
Лежат на бескрайних полях.

О сверхчеловеческих,
О невероятных делах
Твердят эти руки;
Бугры и мозоли,
Могучие пальцы,
Персты гладиатора, —
Как корни
Столетнего дуба —
Врываются в землю они.

(Как жаль,
Что доныне
Еще не умеет
Художник
Этюд начертить
Этих невиданных рук!)
Упорным трудом
Этих гигантских ладоней
Возделаны
Долы, поля и луга.

Эти прекрасные руки
Плавят
Руду и железо,
Все, что лежало мертво, —
Делают снова живым.
Этими ныне руками
Пламенный труд
Зажигается,
Строится
Новая Грузия,
Славная наша страна.

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

МОЯ КНИГА

Заплачет ли дева над горестной книгой моей,
Улыбкой сочувствия встретит ли стих мой? Едва ли!
Скользнув по страницам рассеянным взглядом очей,
Не вспомнит, жестокая, жгучее слово печали!

И в книжном шкафу, многочисленном обществе книг,
Как я, одинока, забудется книга поэта.
В подружках у ней — лепестки прошлогодних гвоздик,
Иные, все в бархате, светятся, словно цветник,
Она же в пыли пропадет и исчезнет для света...

А может быть, нет? Может быть, неожиданный друг
Почувствует силу красивого скорбного слова,
И сердце его, испытавшее множество мук,
Проникнет в стихи и поймет впечатленья другого?

И так же, как я воскрешал для людей города,
Он в сердце моем исцелит наболевшую рану,
И вспомнятся тени, воспетые мной, и тогда,
Ушедший из мира, я спутником вечности стану.

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

Нико Пиросмани

Привыкли мы славить во все времена
Нико Пиросмани за дружеским пиром,
Искать его сердце в бокале вина,
Затем, что одним мы помазаны миром.

Он трапезы нашей почтил благодать:
Бурдюк и баран не сходили с полотен.
А поводов к пиру недолго искать, —
Любой для приятельской встречи пригоден.

Следы нашей жизни, о чем ни пиши,
Изгладятся лет через десять, не боле,
А там на помин нашей бедной души
Придется сходить поклониться Николе.

Заплачет в подсвечниках пара свечей,
В трактире накроется столик с обедом...
Прошел он при жизни сквозь пламя огней,
За ним и другие потащатся следом.

Жил в Грузии мастер. Он счастья не знал!
Таким уж сумел он на свет уродиться.
Поднимем же, братья, во здравье бокал, —
Да будет прославлена эта десница!

ПРАЗДНИК АЛЛАВЕРДЫ

Посвящается Нате Вачнадзе

Огромные арбы покрыты ковром.
Здесь буйвол пугается собственной тени.
Кончают бурдюк с кахетинским вином
Герои Важа из нагорных селений.

Нацелившись боком, влюбленный Кавказ
Простер свою длань к Аллавердской святыне,
Но церковь сияет и смотрит на нас,
Как голубь, привязанный к этой долине.

И вот к Алазани пробрался рассвет,
Недолго он странствовал в море туманном.
«Не гасни, о день мой, сияньем одет,
А если погас, не свети никогда нам!»

На том берегу, приведенная в дол,
Хмельная отара лежит без движенья,
Как будто накрыли для Миндии стол
Кудесники-дэвы на поле сраженья.

И, кончив свой танец, кистин-акробат
Застыл у костра в молчаливом экстазе,
И люди толпятся, и песни шумят
Под звуки шарманки и стон мухамбази.

А что ж не споют нам о белом гусе,
И белый кабан не вспомянут доселе?
И новым Леваном любуются все,
И песни его умножают веселье.

Здесь жертвенный бык прикольцован к столбу.
Он вырвал бы дзелкву с ее корневищем,
А ныне он жалок: клянет он судьбу,
Испуганный пиром и старым кладбищем.

Седая весталка и нищий юрод
В такое пускаются здесь причитанье,
Что спрыгнул бы сам вседержитель с высот,
Имей он в высотах свое пребыванье.

Народу здесь надобно столько вина,
Сколь может воды в Алазани вместиться,
А сколько он мяса тут съест и пшена, —
Никто на земле сосчитать не решится!

Да будут обильны, Кахетия-мать,
Сосцы твои, полные млечного сока!
И тучи выходят на небо опять,
И ночь, словно буйвол, встает одиноко.

Костры с шашлыками горят над рекой,
Слезятся от дыма веселые лица.
Олень угощает оленя травой,
Вином кахетинец поит кахетинца.

Здесь сам Пиросмани, и кистью его
Набросаны арбы и гости на пире.
Важа восхваляет его мастерство,
И турьи рога погоняют шаири.

И «Шашви какаби», и Саят-Нова,
И песни Бесики — для сердца отрада,
И жажда веселья в народе жива,
Когда наступает пора винограда.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

ПОРТОХАЛА

(Лирическая поэма)

Кто видал тебя раньше? Кто знал о том,
Что зовут тебя Портохала?
Отливала коса твоя золотом.
Кто назвал тебя
Портохала?

Тихий вздох морской, ты теперь во мне
Стихотворною бурею стала.
Я горю огнем по твоей вине,
Синеглазая Портохала!

Никому не покажется новостью,
Что фиалка цветет весною.
Много сотен лет этой повести,
Что в стихах рассказана мною.

Еще Шота в помине не было,
А в Колхиде уже подрастала
И по взморью, как козочка, бегала
Черноморочка Портохала.

Розы в косах, а шея красавицы,
Как кувшин узкогорлый, прекрасна.
У отца с рыбной ловлей не ладится,
Невод в море закинут напрасно.

С золотой не встречается рыбкою
Твой отец, поседевший от горя.
Босоногий, с печальной улыбкою
Он блуждает по берегу моря.

Мать лежит в лихорадке, бедная,
Неподвижна она, желтолица,
День и ночь испареньями вредными
Перед нею болото дымится.

Льют заразу трясины зловонные,
Необъятные эти болота.
По колено деревья зеленые
Погрузил в них неведомый кто-то.

Убивает земля-кормилица
То, что в муках когда-то рожала,
Дождь в зловонных трясинах пузырится,
Комариное чудится жало.

Тот комар над твоей колыбелькою
Пел ребенку о нищенской доле.
Комариною нечистью мелкою
Было летом усеяно поле.

На ходулях, как некое пугало,
Поднимался твой дом над водою.
Необъятное море баюкало
Челноки бирюзовой волною.

Груды волн громыхали раскатами,
Грудью синею в берег бились,
Вслед за чайками рея крылатыми,
Ястреба над водою носились.

Называла ты гальку игрушками,
Золотые сбивались кудряшки,
И считались твоими подружками
Только цапля да К*у*рша-дворняжка.

Ты гуляла с козою на выгоне,
Ты сушила отцовские сети.
Как ты стала девицей на выданье,
Не успели заметить соседи.

Удлинились короткие платьица,
Подружилась и ты с луною.
Женихи стали к осени свататься,
И не стало от сватов отбою.

Как в потоке бушующем щепочка,
За селением, возле овинов,
В хороводе плясала ты, девочка,
С песней, голову запрокинув.

Что творилось с твоею головкою?
Извели тебя сны, дорогая.
Ты следила за божьей коровкою,
О замужестве утром гадая.

И тигриные полосы в кружево
Ты вплетала рукой расторопной,
И ждала, когда явится суженый —
Статный молодец, тигру подобный.

И принес он колечко бесценное,
Поцелуй подарила судьба тебе.
Хороши были гости степенные,
Хороши были дружки на свадьбе!

Вот и матерью сделалась скоро ты,
Пятерых ты детей воспитала.
Хоть и были не руки, а золото
У тебя, но и тех не хватало.

Закружилась ты прялкой обычною,
Извелась в суматохе рабочей.
Раздобыла червя шелковичного,
Стала прясть спозаранку до ночи.

Всех соседок заткнула ты за пояс, —
Те еще огороды садили,
У тебя же, на солнышко радуясь,
Свежий лук зеленел в изобилье.

Ты на завтрашний день не хотела
Отложить по хозяйству работу.
Чтоб похлебка в горшке закипела,
До седьмого работала поту.

Целый день ты пчелой медоносной
У лачуги, над полем кружилась, —
То косила порой сенокосной,
То весной в огороде трудилась.

Хлопотала над миской фасоли,
А скотина мычала в закуте,
И давно было надобно в поле
Подвязать виноградные прутья.

Да и в лес заглянуть бы, как прежде,
Чтобы ягод собрать напоследок,
И подумать пора об одежде,
Чтоб одеть пятерых малолеток.

И без устали руки трудились,
И не ведало отдыха тело,
И глаза от работы слезились,
И от зноя лицо пламенело.

И господская плеть, угрожая,
Подгоняла тебя, сиротина,
И зерно твоего урожая
Наполняло амбар господина.

Но жила ты без стонов, без жалоб,
Хоть ни в ком не видала подмоги.
Ах, какое перо описало б
Все заботы твои и тревоги!

Был твой муж моряком и с тобою
Принужден был трудиться в разлуке.
Но с бескрайной твоей нищетою
И мужские не справились руки.

Но с безбрежной твоей нищетою
И мужская не справилась сила...
День пришел, и студеной волною
Ярость моря его поглотила.

Поздней ночью, когда у домишек
Бились волны в бушующей пляске,
Ты сажала к огню ребятишек,
Говорила им длинные сказки.

Тихо трогая струны чонгури,
Песней море смиряла вдовица
И, внимая дыханию бури,
Знала: больше уж нечем кормиться.

Для чего же напрасно стараться,
Коль от нищенства некуда деться?
Даже гостю придется признаться:
«Скуден хлеб, хоть приветливо сердце».

Говорят: с ураганами споря,
Утомится и высохнет море,
Ветры тоже улягутся вскоре,
Но в душе не уляжется горе.

Истомленную смертной истомой,
Это горе тебя доконало...
В темной хижине, крытой соломой,
Умерла ты, моя Портохала.

На груди с безутешной мольбою
Ты усталые руки скрестила.
Как источник, замерзший зимою,
Твое бедное тело застыло.

Ты жила.
Ты исчезла... И, мучаясь,
Ты замолкла навек, Портохала...
Словно звездочка в небе падучая,
Промелькнула,
Упала,
Пропала.

Лепестками багровыми мака
Облетела, осыпалась наземь.
Малый холмик средь бури и мрака
Замело непогодой-ненастьем.

— Где ты, бедная? Где, бессловесная,
Про родные забывшая скалы?
Чайка моря, жилица небесная,
Не видала ли ты Портохалы?

— Холмик маленький каждое утро я
С высоты замечаю полета, —
Там лежит она, золотокудрая,
Гроб ее засосали болота.

Не туман над болотами стелется,
Где заснула навек Портохала,
То, поднявшись из гроба, колеблется
И трепещет ее покрывало!

Мать грузин, Портохала! Искал я
След могилы твоей неприметной,
Средь колхидских садов вспоминал я
Дни печали твоей беспросветной.

Я боялся, по тронам блуждая,
Что забылся твой облик пропавший,
Ведь не ты ли пекла, дорогая,
Хлеб насущный для Грузии нашей?

Не нашел я могилы... Отныне
На твоем вековечном болоте,
На твоей вековечной трясине
Сад в осенней стоит позолоте.

Здесь народ всемогущей десницей
Поднял спящую землю, и всюду,
Где трясла лихорадка колхидца,
Зреют нивы, подобные чуду. [...]

И руно золотое овена
Здесь народ отобрал у тирана
И с Колхиды совлек постепенно
Облака вековые тумана.

Сделал тучными земли гнилые,
Всю страну обновил в пятилетку
И плоды нанизал золотые
В три гирлянды на каждую ветку.

Здесь, подобие солнечных дисков,
Блещут цитрусы светлым убором.
Ветки, золото в небо разбрызгав,
Изумрудным сверкают узором.

А войди-ка ты в сад да попробуй
Посмотреть на деревья из чащи!
Брызжет ливень росы над чащобой,
Как брильянтовый дождь настоящий.

Роза здесь и в ладонь не вместится,
Виноградная гроздь здесь большая,
И амбар здесь готов развалиться,
Не вмещая зерна урожая.

Мы считали бы неизмеримым
Даже в сказке богатство такое,
И согласен назвать побратимом
Даже дерево здесь я любое. [...]

Теперь, Колхида, ты для нас отрада.
А не тобой ли, немощной, владея,
Жирели Рим и древняя Эллада,
Когда была похищена Медея?

Припомни, как разбойники Язона
Твое добро везли в свои чертоги,
Как на костях народных легионы
Прокладывали римские дороги.

Тебя топтала конница чужая,
Опустошала чуждая пехота,
И вот осталась ты, изнемогая,
Без крова, погруженная в болото.

Но то, что раньше вражеская сила
Похитила у древнего колхидца,
Теперь тебе стократно возвратила
Твоих сынов могучая десница.

Ты, заново отстроенная нами,
Цветущею становишься землею,
И родины развернутое знамя
Победоносно реет над тобою. [...]

Долго жил я в Колхиде, работая
Там, где цитрусы зреют в долинах,
Где трепещет рассвет позолотою
На чудесных ее апельсинах.

И в пленительном этом мерцании
И в запасах пшеничного хлеба
Увидал я страны процветание
И, ликуя, вскричал: «Гамарджвеба!»

Толпы девушек землю мотыжили,
Под деревьями молодость пела.
Золотистые яблоки слышали
Славословье великого дела.

И была этой песней обещана
Радость новой весны всенародной.
И какая-то скорбная женщина
Этой песне внимала свободной.

И казалось, узнал Портохалу я
Под сплошной виноградною кущей.
Отдыхая, вдовица усталая
Удивлялась Колхиде цветущей.

Вся в лохмотьях, босая и бледная,
Лоб она прикрывала рукою,
И мотыга темнела заветная
Перед нею и миска с водою.

— Эй, вы, девушки! Жизнь-то какая,
Дни какие для вас наступили!
Вашей песне веселой внимая,
Расцветает садов изобилье.

И в мои беспросветные годы
Поднималось над хижиной солнце,
Но, приметив людские невзгоды,
К нам оно не смотрело в оконце.

Был не дом у меня — домовина,
В нем нужда, как похлебка, варилась.
Урожай под бичом господина
Собирать на полях приходилось.

Кур кормила для бар я, и даже
Отдавала зерно я богатым.
Не могла я из собственной пряжи
Припасти одежонки ребятам.

Вы трудов не жалейте упорных,
Вы лелейте деревья, подруги!
Все в домах вы живете просторных,
Я томилась в убогой лачуге.

Перемолвиться не с кем бывало,
Негде сельские выслушать вести...
Как завидует вам Портохала,
Что теперь на работе вы вместе!

Всем селом вы сегодня поете,
Все пред вами открыты дороги.
Будьте ж, девушки, дружны в работе,
Не забудьте мой жребий убогий!

— О любимая мать! Через тысячу лет
Чем тебя моя песнь удивила?

Ты платок поправляешь и шепчешь в ответ:
— Ни заслуг у меня, ни имущества нет,
Есть одна лишь сырая могила.

Не была я царицей, княжной не была,
Только нищей была я крестьянкой.
Много видела в жизни я горя и зла.
Мне судьба огородик в две грядки дала
Да земли наделила делянкой...

Ныне я по прошествии долгих веков
Славлю имя твое, Портохала!
Ты недаром родимый лелеяла кров,
Ты не попусту нас, дочерей и сынов,
В колыбели грузинской качала.

И героев и зодчих, надежды полна,
На своих ты растила коленях, —
Тех, кто мог на пергамент нанесть письмена,
Выбить хитрый узор на каменьях.

Был доверен тебе наш грузинский очаг,
Сбереженный от рук супостатов.
Всю ты жизнь отдала, чтобы он не зачах, —
Ты, крестьянка в холщовых заплатах.

До сих пор на дорогах не высох твой пот,
След трудов твоих, отданных жизни.
Сколько раз я видал тебя в шуме работ,
Проходя по дорогам отчизны!

Только повесть об этой великой борьбе
Не записана в «Картлис-цховреба»,
Ничего не написано там о тебе,
Мать народа, добытчица хлеба.

Летописцы лежали пред сильными ниц,
Славословить перо их устало.
Много знали мы разных царей и цариц,
Лишь не знали тебя, Портохала!

Знать, затем ты бесследно пропала в ночи,
Молодые оставив надежды,
Что наряд не носила из светлой парчи,
Нанизав жемчуга на одежды.

Но, клянусь я, тебя не забудут вовек
Луг зеленый, очаг мой домашний —
Все, чем жив человек, все, чем горд человек,
Виноградники, нивы и пашни.

Все деревья, что ты насадила вокруг,
Все дороги, что ты исходила!
Каждой темной морщинкой натруженных
рук
Я клянусь тебе: ты победила!

Я целую твою материнскую шаль,
Стародавний платок материнский, —
В этих складках твоя вековая печаль,
Сказки сладкие речи грузинской.

Жизнь твоя, вековечной закрытая тьмой,
Лишь теперь, как звезда, засияла.
И счастливые слезы я лью над тобой,
Безымянная мать Портохала!

———

СИМОН ЧИКОВАНИ

ОЗЕРО ЦУНДА

Такая здесь повсюду тишина,
Что кажется, едва взлетит пушинка,
Разбудит нам окрестности она
И зашумит Вардзийская тропинка.

Так думал я, скитаясь меж холмов,
Но озеро, прозрачнее лазури,
Пронзив меня стрелою тростников,
Запело вдруг, воркуя, как чонгури.

Клочком письма тоскующей Нестан
Оно застряло в скалах отдаленных,
Откуда птиц умчался караван,
Где ни лесов, ни зарослей зеленых.

Лишь тростники, как тысяча ресниц,
Колеблются над сонною водою.
Как грустно без деревьев и без птиц
Качаться им, беседуя с горою!

Но стаи уток, шеи приподняв,
Как барельефы древнего картвела,
Сидят в воде, и стебли тонких трав
Дрожат над ними, наклоняя тело.

Быть может, здесь и ты чинил тростник,
И на пере, как капельки, висели
То Веспер, то Меркурий, и на миг
Красавец тигр мелькал среди ущелий.

Быть может, ты, рыдая возле скал,
Здесь озеро оставил, вдохновенный,
Когда слова для песен высекал,
Хертвисской башней встав перед вселенной.

И озеро теперь — лишь только твой
Застывший вопль, раскрывшееся око
Природы величавой и немой,
Что возле Тмогви блещет одиноко.

И дремлют в нем высокие мечты,
Твои былые мысли и страданья,
Сокровища труда и красоты,
Первоначальных дней воспоминанья.

Приветствуя случайный наш приход,
Шумит тростник над берегом пустынным,
И ждет тебя, и медленно поет...
Иль это песнь о гении старинном?

И слов твоих мне слышится прибой,
Как будто ты проходишь над водою
И, мысль народа чуя за собой,
Как верный лук, сгибаешь стих рукою.

И учишь нас ты словом управлять,
Чтоб наша песнь звенела, как чонгури.
Чтоб снизошла на воды благодать
И в скалах Тмогви не стонали бури.

И сладко нам, и стрелы тростников,
Терзаемых в столетии угрюмом,
Встречают солнце на заре веков,
Осыпав нас передрассветным шумом.

ВАРДЗИЙСКИЙ ЗОДЧИЙ

Позабытым в веках фолиантом
Эти двери висят над горой.
Все здесь дышит умом и талантом,
И долина блистает Курой.

Вечерело. На древние своды
Я смотрел, не смыкая очей.
По уступам, как вешние воды,
Прокатилась громада камней.

Сотни глаз отворив молчаливо,
Надо мною зияла скала.
Чудо чудное, дивное диво —
Всю округу она стерегла.

Я подумал: «Сколь надо усилий,
Чтоб построить подобную дверь!
Как здесь имя твое возносили,
Славный мастер, забытый теперь!»

И тогда я представил, как в келье
Ты цедил из кувшина вино,
Как бродил с подмастерьем в ущелье,
Объясняя, сколь чудно оно.

Как измерил ты скалы и горы,
Вдохновенной мечтою томим,
Как скалистые эти просторы
Изукрасил твореньем своим.

Лоно скал укрепив колоннадой,
Ты чертоги воздвиг в глубине
И четыреста глаз над громадой
Прорубил в каменистой стене.

Может быть, и поныне, мечтая,
Посещаешь ты каменный зал.
Сила духа твоя молодая
Здесь столкнулась с твердынею скал.

Я смотрю: как строка Руставели,
Блещет светлый Вардзийский родник.
Чую сердцем, как в каменном теле
Ты подобьем чертога возник.

Как вместилось столь дивное чудо
В древний круг ограниченных дней?
У кого появилась, откуда
Мысль, проникшая в тело камней?

И томит мое сердце утрата —
Позабытое имя твое.
Лишь Кура тебя знала когда-то,
Но безмолвно теченье ее.

Не к лицу тебе, мастер, забвенье!
Сквозь ушедшие в вечность года
Не тебя ли мое поколенье
Призывает в столетье труда?

Именованный в книге поэта,
Руставели бессмертен теперь.
Но твердыня беспамятна эта,
И безмолвна Вардзийская дверь.

Неужели тебя загубили,
Благодетеля нашей земли,
Колыбель топором изрубили,
Руку, полную сил, отсекли?

Уничтожили дух Возрожденья,
Тот, которым ты скалы сдвигал,
И, достигнув вершины творенья,
Обвенчался с величием скал?

То искусство, с каким напоследок
Ты устроил Вардзийский родник?
Встань из гроба, неведомый предок,
Разорви покрывало на миг!

Не к лицу тебе, мастер, забвенье!
Сквозь ушедшие в вечность года
Не тебя ли мое поколенье
Призывает в столетье труда?

Ты — наш мастер, ты — наша отрада,
Мы гордимся твоим мастерством,
И недаром твоя колоннада
Нам твердит о величье твоем.

Мертвый камень мечтами своими
Оживил ты в великой борьбе,
И коль ты потерял свое и м я , —
Будет Вардзия имя тебе!

СБОР ВИНОГРАДА

Виноград собирали на склоне горы.
На закате огромные грозди пылали.
Милый друг, ты отчизне приносишь дары.
То шумит водопад или сусло в подвале?

Я пою, красотою ущелья пленен,
Я его не могу позабыть в отдаленье.
У колхозника полон пшеницы балкон,
Под балконом на камне орнамент олений.

Пух ли это летит, облака ли бегут?
Или слуха дыхание листьев коснулось?
Никогда не состарюсь я. Радостный труд
Я увидел, и молодость в сердце вернулась.

Я в ущелье проник, я вошел в благодать
Урожая, где осень листву обагрила.
Здесь, в краю винограда, со мною опять
Неразлучны и юность, и счастье, и сила.

Председатель мне издали крикнул: «Привет!»
Я вокруг оглянулся и понял впервые,
Что не раз еще молодость прожитых лет
Встречу в этом ущелье в часы трудовые.

Если выпьешь вина да насытишь сполна
Свое сердце красотами этих окраин,
Ты поймешь, почему здесь в моя времена
Рад желанному гостю колхозник-хозяин.

Светлый путь коммунизма здесь виден уже.
Ты вступил на него, виноградарь Атени!
Я смотрю и с ликующей песней в душе
Не могу оторваться от этих видений.

ДОЖДЬ ИДЕТ

Помолчим, — этот дождь, он подслушает нас,
Оп, пожалуй, другим кое-что перескажет.
Вон как за ворот льет он прохожим сейчас!
Шелковица ветвями у берега машет.

Дождь летит по кварталам, не зная дорог,
Зонтик бьется по ветру, как мокрая птица.
То шумит ли на фабрике шелка станок
Или просто под ливнем шуршит шелковица?

В струйках влаги разносятся крики цыплят,
Дождь в Крцаниси пошел поливать огороды,
Он отхлещет в Самгори и, как говорят,
Через час на руставские хлынет заводы.

Капли с тутовых веток текут да текут.
Как ни бейся, его остановишь едва ли!
Может, сам он со мною расстанется тут?
Мы его за приятеля в детстве считали.

Я ловлю мою молодость в каплях дождя,
От него, чудотворца, мне хочется чуда!
Дай мне руку твою, дорогое дитя, —
Правда, мы не поссорились нынче покуда?

Видишь, горных хребтов затянулись верхи,
Дождь сегодня к иссохшей спустился долине.
Мы пасем этот дождь, мы его пастухи,
Мы примерные спутники ливням отныне.

Побежим-ка за ним! Над самгорской землей
Он по-новому хлещет, не так, как бывало.
Он лишь возле Куры расстается со мной,
Но мечта уже крылья свои распластала.

То горох ли шумит иль звенит серебро?
В дождевую кольчугу Мтацминда одета.
Ничего, что на улицах нынче мокро, —
Дождь — крестьянину друг, он — приятель поэта.

Листья с тутовых веток поют да поют,
Колосится под ливнем самгорское поле.
Помолчим же и несколько светлых минут
Отдадим этой музыке капель, не боле.

РАКОВИНА

Словно Шекспир, начинаю я свой монолог,
Слово о ракушке, найденной около моря:
«Скромница ракушка, ты, что лежала у ног,
К морю зовешь ты, его песнопению вторя.

Ты, но не череп, должна находиться в руках,
Нету в тебе ни отравы его, ни печали.
Песни да волны тебя породили в веках,
Песни да волны точили тебя и качали.

Домиком звуков со временем сделалась ты,
Келейкой грез в перламутровом трепетном звоне.
Шум кораблей и шуршанье хлебов и мечты
Слышу в тебе я, и снова тянусь я к Риони.

Как воспринять мне у моря томительный звук,
Тот, что сумела поймать ты в жемчужные крылья?
Как мне запеть, чтоб с тобой, моя ракушка, вдруг
Рокот его повторить без тоски и усилья?

Я, как Шекспир, полюбил твой младенческий шум,
Скрытый под черепом твердых твоих очертаний.
Пусть не тревожит его привередливый ум,
Игры ветров не равняет он с воспоминаньем.

Время придет, и могила, подобье гнезда,
Скроет меня. Но и в этой уютной могиле
Будет звучать мне, как пастырям в поле звезда,
Голос морей, и замолкнуть я буду не в силе.

Песни народа и синего моря прибой
Ты собрала в песнопении шума морского.
Хлеб мой насущный, позволь мне сродниться с тобой,
Песней младенчества дай мне насытиться снова!»

НЕЗНАКОМКА ИЗ ЗУБОВКИ

Я из Зубовки однажды
К дому возвращался
И с красоткой чернобровой
В поле повстречался.

Д. Гурамишвили

Незнакомка из Зубовки, в буре огней
О тебе я пою постоянно.
Где бы ты ни ступила — там роза, и в ней
Пламенеет Давидова рана.

Незнакомка степей, полевая Нестан,
Ты — как родинка в книге поэта.
Не вчера ли еще обнимал я твой стан,
Хоть ищу тебя долгие лета?

Неужели тебя не увижу опять,
Как когда-то увидел впервые?
К нам былая любовь возвращается вспять
И бросает цветы полевые.

Ворвалась ты мне в сердце, сгубила меня.
Неужели ты нынче в неволе?
Оседлал я опять боевого коня
И лечу в украинское поле.

Окрестил я тебя Катериной моей,
Полюбил я твой взор соколиный.
Ты — лоза виноградная, роза полей
На странице из книги старинной.

Если б мог я страданья твои сократить!
Запах кос твоих нивы чудесней.
Если помнишь еще обо мне — может быть,
И моей ты утешишься песней.

Я тебе уготовал супружеский дом.
Стих, как колокол, стонет и бьется.
Размышления взвешены в сердце твоем,
Очи черные — глубже колодца.

Ты — грузинской поэзии свет и любовь,
Навсегда ты свободна отныне.
Твой платок развернулся по ветру, и вновь
Я зову тебя — на Украине!

НА ОЗЕРЕ РИЦА

Чт*о* это? Утро над берегом Рицы
Или твои шевельнулись ресницы?

Может быть, собраны чашею скал,
Это лишь слезы твои предо мною?
Светится озеро влагой ночною.
Выйди ко мне на лесной перевал!

Буком и ясенем заняты скаты.
Здесь неуместен столетиям счет.
И не состаришься здесь никогда ты,
Если приляжешь у берега вод.

Срезал тростник я, и вновь у постели
Буду я петь для тебя на свирели.

Озеро так же поет, как и я.
Где ты, моя быстрокрылая птица?
Око природы и мысль бытия —
Ждет тебя в скалах прозрачная Рица.

В сердце она уместилась моем
И твоему уподобилась взгляду.
В ней мы сегодня опять узнаем
Нашей отчизны красу и отраду.

Небо лазурно, вода — изумруд.
Слава Абхазии, милому краю!
Около Рицы тебя ожидаю,
Все ее тайны откроются тут.

Пухом ланит твоих, бархатом кожи
Влага подернута, словно с небес
Ринулось в грудь мою, полную дрожи,
Лучшее чудо из наших чудес.

Тени сгустились на озере Рица,
Щеки твои побледнели, но я
Лишь о тебе продолжаю томиться,
Нежная горная птица моя!

Здесь, возле буков и ясеней ночи,
Вечная молодость смотрит в волну.
Дай же и мне заглянуть в твои очи —
В Рицу мою и ее глубину!

КАРЛО КАЛАДЗЕ

ГОНЧАРЫ

Кувшины у ручья разбиваются.
Народная поговорка

Сквозь зеленые ущелья
Каждой осенью с горы
К нам везут свои изделья
Удалые гончары.

Кукурузной шелухою
Пересыпан их товар.
Пес плетется за арбою
Вместе с ними на базар.

Словно дэвы-исполины,
Усмиренные в борьбе,
Колоссальные кувшины
Развалились на арбе.

У самих хозяев лица
Цвета глины золотой,
Но румяней всех возница,
Кахабери молодой.

Вот знакомое селенье,
Где, звеня, бежит ручей,
Где красотка в отдаленье
Их встречает у дверей.

Дали ей кувшинчик звонкий,
Поглядишь — сойдешь с ума:
Полногрудый, стройный, тонкий,
Как красавица сама.

Взгляд красотки сердце ранит,
И недаром: стоит ей
Подбочениться — и станет
Всех кувшинчиков стройней.

Замер дух у Кахабери.
Как шальной, глядит вослед,
Где мелькнул, скрываясь в двери,
Легких ножек силуэт.

Чует платья шелест милый,
Скрип ступенек слышит он,
И бегут под ним перила,
Как в тумане, на балкон.

Домик маленький прекрасен —
Самый новый на селе.
Всюду стружки от балясин
И опилки на земле.

Бьет мотыга у пригорка —
Знать, ушел хозяин в сад,
Боевую гимнастерку
Нацепив на палисад.

И бормочет Кахабери:
«Всякий выиграет бой,
Коль его такая пери
Ждет с победою домой!»

Так стоит он, и бормочет,
И грустит у ручейка,
А друзья над ним хохочут,
Ухватившись за бока.

Смотрит парень, озадачен;
Перед ним, открывши рот,
Чан, от смеха раскорячен,
Повалился на живот.

Что же с парнем приключилось?
Век не чуял он беды,
Глянь, а сердце и разбилось,
Как кувшинчик у воды!

СКАЗАНИЕ О ЗОДЧЕМ [1]

(Говорит хизабаврец)

Жестокий враг на Картли наступал,
И села жег, и бед творил немало.
Не только люди — вся громада скал
В тот страшный год слезами истекала.
С высоких круч для башен боевых
Она сама обрушивала плиты,
И тысячи деревьев вековых
Легли в ущелье, бурями разбиты.

И вся земля обуглилась кругом,
И был нарушен в пей порядок отчий...
И в этот год с своим учеником
Забрел в Хертвиси странствующий зодчий,
Благословил он камень под горой
И первой башни выложил преддверье,
И рядом с ним над башнею второй
Трудился вдохновенный подмастерье.

Две статных башни в воздухе росли,
Веревки лестниц яростно скрипели,
И мастера, работая вдали,
Друг другу песни радостные пели.
Уж три зимы, почти не зная сна,
Свой славный подвиг совершали двое,
И наконец повеяла весна,
И наступило утро роковое.

Сошел на землю зодчий, весь седой,
Он первым кончил славное строенье.
Глядит: вверху помощник молодой
Все громоздит каменья на каменья.
Народ поет строителям хвалу,

[1] Из цикла «Хертвисские рассветы». (*Примеч. составит.*)

И стол накрыт, и налиты кувшины.
Но молча смотрит старец на скалу
И не отводит взоров от вершины.

Увы, ничто его не веселит,
Он ясно видит, что теперь по праву
Неутомимый юноша затмит
Его годами скопленную славу.
И омрачилось сердце старика.
И, ревностью великой обуянный,
Он погубить решил ученика
И оборвал веревки, окаянный!

Стрелой вонзилась башня в высоту,
И юноша, зажав топор железный,
Как сокол, пораженный на лету,
Остался над зияющею бездной.
Но был он храбр и смастерил себе
Подобье крыл и с песнею веселья,
Послав проклятье старцу и судьбе,
С высокой башни ринулся в ущелье.

Со всех сторон народ к нему спешит,
Приветствуя потомка исполинов.
Зачем же он под башнею лежит,
Большие крылья навзничь опрокинув?
Ах, не случилось с ним бы ничего,
Но за спиной топорик был некстати,
И лезвие железное его
Вошло в хребет до самой рукояти.

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

СЧАСТЛИВАЯ РЫБКА

Счастливая рыбка! И в стужу и в зной
Плывешь ты, не зная преград, под водой.
Зимой ты свободно живешь в глубине,
Ты летом по резвой кочуешь волне,
Сквозь горы и долы, леса и бугры
Плывешь ты от устья к истоку Куры.

Пока в Джавахетии солнце не жжет,
Иду вдоль Куры я, простой пешеход.
Лиловые горы в лазурном краю
И манят, и радуют душу мою,
Но мне до истока Куры не дойти —
Вернусь я домой, не окончив пути.

Ни холода я не боюсь, ни снегов,
Но видишь ли, рыбка, мой жребий каков:
Как ты, не умею я плыть под водой,
Спешить в перламутровой глуби речной
К подножью крутой Арсианской горы,
К истоку проворной и бурной Куры.

Счастливая рыбка! О, если бы мне
Не знать о преградах с тобой наравне!
Плывешь ты и быстрые сестры твои
Туда, где сливаются дружно ручьи, —
И мне бы не знать разграниченных сфер,
Чтоб был нипочем мне турецкий аскер!

ПУШКИН В АРЗРУМЕ

Сколько их умирало угрюмо —
Чалмоносцев, влюбленных в войну!
Вот о н , — Пушкин стоит у Арзрума,
У подножья твердыни Карну.

Разве выстоит вражеский город,
Если грянут ура и ваша?
Перед пленной толпою, немолод,
Ковыляет арзрумский паша.

Уж рука не лежит на кинжале,
Не глядит делибаш на людей.
Победители в город вступали,
Оседлав белоснежных коней.

Им, участникам долгой погони,
Ныне спешиться выпал досуг,
Но донские волнуются кони,
Вырывая поводья из рук.

Стала делом геройская дума,
Хоть и многие пали в войну...
И светило взошло у Арзрума —
Пушкин въехал в ворота Карну.

МОЛОДОЙ ВИНОГРАДНИК

Он невысок, его не украшает
Наряд парчовый цвета бирюзы.
Как козьи рожки, нежно выступают
Побеги вновь посаженной лозы.

Но скоро-скоро развернутся почки,
Как птички, устремленные в полет.
Лоза, поднявшись, вытянет листочки
И косами тычину обовьет.

О, как бы ей обрадовался ратник,
Отдавший жизнь за родину свою!
Пустырь, где рос когда-то виноградник,
Опять цветет в родном его краю.

Нет, никакой кровавою рекою
Не затопить народного труда...
Его бессмертье тронуло рукою,
Он не погибнет больше никогда.

НОЧЬ В ХИЖИНЕ ВАЖА ПШАВЕЛА

В темный овраг провалилось Чаргали.
Как же отсюда смотрел он на солнце?
Еле заметно в глубоком провале
Узкое, словно бойница, оконце.
Горы, как призраки, справа и слева
Тени широкие в балку бросают.
Слышишь галдеж? Кровожадные дэвы
Около хижины свадьбу справляют.
Лихо у дэвов закручены роги,
Вьется тропинка по склону далече.
Виден кипящий котел на треноге —
Варятся головы в нем человечьи.
Мясо младенцев жуют привиденья,
В чашах холодная кровь загустела...

Весь обратившийся в мудрость и зренье,
Смотрит из хижины Важа Пшавела.

* * *

Лишь ветер подует в дубраве
И снегом потянет с вершин,
В бокале блеснет саперави,
В столовой зажжется камин.

И явится столик нежданно,
И гости покажутся вдруг.
Кувшинчики, словно фазаны,
Пред ними усядутся в круг.

Сначала их робкие взоры
Бегут к потолку, но потом
Мечты их несутся в просторы,
Весельем дыша и вином.

Несутся в окно, в палисадник,
Над полем летят в тишине,
Где дремлет в снегу виноградник
И ласточек видит во сне.

УШБА

Я небо увидел, когда предо мною
Открылась чеканка серебряных гор,
И древняя Ушба, блестя сединою,
Как крепость Каджети, закрыла простор.

Прозрачный ее опоясывал холод,
И цельной казалась она, высока,
Хоть надвое был ее купол расколот
И парой вершин уходил в облака,

Как две превращенные в камень орлицы,
Как два кипариса, закованы в лед,
Задумав от мира навек удалиться,
Они неподвижно смотрели с высот.

Зачем мне казалась страшилищем эта
Гора ледяная? Зачем лишь сейчас
Отбросил я прочь заблужденье поэта
И скинул завесу неведенья с глаз?

Я небо увидел, когда предо мною
Открылась чеканка серебряных гор,
И древняя Ушба, блестя сединою,
Как крепость Каджети, закрыла простор.

ЛЕС НА ЭНГУРИ

Высокие сосны взметнулись до самой лазури
И солнца коснулись, едва пробудился восток.
Огромное дерево сброшено в волны Энгури,
Плывет по теченью, как выгнувший спину бычок.

Как это случилось, что дерево это упало,
Споткнувшись о камни? Смотри, на какой крутизне,
Цепляясь корнями о страшные глыбы обвала,
Его сотоварищи гордо стоят в вышине.

К полудню их тень полосою ложится недлинной,
И дремлют они... Но едва начинается дождь,
Крушит их Энгури и с воем уносит в долины
Их девственно чистую и первозданную мощь.

СЛОВАРЬ И ПРИМЕЧАНИЯ

(Составлены Н. А. Заболоцким)

●

Абаз — мелкая иранская монета.

Абрамов Семен — русский посол в Иране (1734 г.).

Адгилис-дэда (букв. Мать местности) — божество, охраняющее местность, образ народного суеверия.

Азарпеша — ковш для вина с длинной ручкой,

Азат-хан — владелец Тавриза, претендент на шахский трон в Иране. Был разбит Ираклием II неподалеку от Еревана в 1751 г.

Амга — селение в северной Хевсуретии.

Амирани — грузинский Прометей, герой народного эпоса.

Анна — русская императрица, племянница Петра I, царствовала с 1730 г. по 1740 г. В 1732 г. заключила мирный договор с Ираном, признав иранский протекторат над Карталинией и Кахетией. Это обстоятельство разбило все планы Вахтанга VI и не позволило ему возвратиться на родину.

Апил (Апелиот) — теплый восточный ветер (греч.).

Апхушо — селение в Пшаветии.

Аргест — свежий восточный ветер (греч.).

Ардотка — горная река в северной Хевсуретии, приток р. Аргуни.

Арез (Аракс) — река в Закавказье, приток Куры.

Аспиндза — селение на юге Грузии (в Месхетии), возле которого Ираклий II в 1770 г. разбил турецкое войско.

Атени — село близ г. Гори в Карталинии, славится своим вином.

Ахадская гора — находится в верхней Пшаветии, возле с. Ахади.

Ахметская святыня — молельня в с. Ахмети, в Кахетии.

Базалетское озеро — расположено невдалеке от г. Душети. Старинная народная легенда рассказывает, что на дне его в золотой колыбели покоится младенец, будущий герой грузинского народа.

Бакар (1700—1751) — царевич, сын Вахтанга VI, после перехода в русское подданство — генерал русской службы. Умер в Москве.

Бандули — кожаная обувь горцев.

Баранта — набег, грабеж.

Бахтриони — селение в Кахетии, в верховьях р. Алазани, в старину — крепость. В начале XVII в. крепость Бахтриони была захвачена иранским шахом Аббасом I. В 1659 г. в Кахетии поднялось народное восстание против захватчиков. В восстании приняли участие и грузины-горцы: пшавы, хевсуры и тушины. Захватчики были изгнаны из пределов Грузии.

Бачали — селение в Пшаветии на р. Иори.

Беглар-бек — титул наместника провинции в Иране.

Бежан — тбилисский портной Умикашвили, персонаж шуточных стихов Гр. Орбелиани.

Бесики, (настоящее имя и фамилия Виссарион Габашвили, 1750—1791) — грузинский поэт и политический деятель.

Бетанийская церковь — старинный храм недалеко от Тбилиси.

Бодбис-Хеви — селение в южной Кахетии.

Борбала — горная вершина с истоком р. Алазани.

***В**ахтанг I* — грузинский царь второй половины V в., выдающийся государственный деятель и полководец, боровшийся за независимость Грузии. Персы прозвали его Горгасаром (Горгасланом), так как шлем его был украшен изображением волчьей головы («горг» по-персидски волк, «сар» — голова).

Вахтанг VI (Гурамишвили ошибочно называет его Пятым) — царь Карталинии, союзник Петра Великого, свергнутый с престола вследствие происков Ирана и Турции. Много сделал для развития просвещения в Грузии, основал первую типографию, впервые напечатал «Витязя в тигровой шкуре» Руставели. По его указаниям был составлен свод законов Грузии. Умер в эмиграции, в Астрахани, в 1737 г.

***Г**алгайцы* — кистины.

Гамрекели — род владетельных князей Южной Грузии (Месхетии). В поэме Гр. Орбелиани упоминается Гамрекели — военачальник царицы Тамар.

Георгий XII — последний царь Картли и Кахетии, сын Ираклия II. После его смерти (1800 г.) Восточная Грузия была присоединена к России.

Гергети — ледник горы Казбек. Под ним расположено селение, носящее то же название.

Гилян — иранская провинция на юго-западном берегу Каспийского моря.

Горис-Убани — часть Сагурамо, родового поместья Гурамишвили.

Гудани — селение в Хевсуретии.

Гуданский Крест — главная молельня в Хевсуретии.

Гулойцы — жители селения Гули в Хевсуретии.

Гурджистан — название Грузии у восточных народов.

***Д**авид* (упоминаемый в поэме Гр. Орбелиани) — Давид Строитель (1073—1125), царь и полководец Грузии, объединивший ее, изгнавший арабов и перенесший столицу из Кутаиси в Тбилиси.

Дгиури — мера пахотной земли, около половины гектара.

Джавахетия — район Южной Грузии, славится плодородными землями и богатыми урожаями пшеницы.

Джареги — горное селение в Кистинии (Ингушетии), граничащее с Хевсуретией.

Дидойцы— жители Дидо, северного горного района Грузии.

Дидубе — район старого Тбилиси.

Дидебулы — дворяне.

Дидэба — молитва, которую произносит хевисбери перед закланием жертвы.

Димплипито — род настольных литавров, народный музыкальный инструмент.

Дэвы — мифические великаны грузинского народного эпоса.

***З**едавели* — местность близ г. Гори.

Зедазени — старинный монастырь в горах близ Сагурамо, родового поместья Гурамишвили.

Зубовка — село на Украине близ г. Миргорода на р. Хорол.

***И**ессей* — младший брат Вахтанга VI. С помощью шаха и султана он дважды занимал картлийский престол. Умер в 1734 г.

Иори — река в Кахетии, приток р. Алазань.

Ираклий II (1720—1798) — грузинский царь, объединивший в 1762 г. Кахетию и Карталинию, успешно боровшийся с иранской и турецкой агрессией. В 1783 г. он заключил договор о протекторате России над Грузией. Гр. Орбелиани в своей поэме воспел его успешный поход против иранцев на г. Ереван. За свой небольшой рост Ираклий II был прозван «Патара Кахи» («Маленький Кахетинец»).

Иртоза — гора у селения Ламисканы в Грузии.

***К**абахи* — сад в Тбилиси.

Кадаги — прорицатель. Горцы-грузины, отправляясь в поход, испрашивали его совета и помощи.

Каджи — человекоподобные существа, олицетворение злой силы.

Казвин — город в Иране.

Каламаны — крестьянская обувь из воловьей кожи,

Калами — тростниковое перо.

Карну — древнее грузинское название г. Эрзрума.

Карс — армянский город, находящийся во власти турок.

Картли (Карталиния) — часть Восточной Грузии, бывшая в старину самостоятельным царством.

Картлис-цховреба — свод средневековых летописей («Жизнь Грузии»).

Кахабери — легендарный герой, отличившийся в борьбе против турок.

Кацвия — от грузинского слова «кацви» — колючка.

Кварели — город и крепость в Кахетии на берегу Алазани, родина И. Чавчавадзе. В 1755 г. в этой крепости Ираклий II успешно отбил наступление хунзахского владетеля Нурсал-бека.

Кекия — северо-восточный ветер (греч.).

Кетеван — царица Кахетии, мать Теймураза I. Грузинская патриотка, казненная шахом Ирана в 1624 г.

Кизилбаши — «красноголовые», прозвище иранцев по цвету их головных уборов.

Кинто — в старину: тбилисские уличные разносчики, шутники и балагуры.

Кистины — грузинское название ингушей.

Коджори — живописная местность, расположенная на высотах около Тбилиси.

Константин — Махмад-Куди-хан, кахетинский царь. Убит турками в 1729 г.

Копала — древнее святилище пшавов в честь мифического богатыря, освободившего Пшаветию от власти дэвов.

Копча — селение в Пшаветии.

Крцаниси — местность около Тбилиси, где в 1795 г. царь Ираклий II доблестно сражался с полчищами шаха Ирана, мстившего Грузии за ее союз с Россией. Отступление войск Ираклия прикрывало 300 героев горцев, погибших на своем посту.

Кумаш-Кавган — селение на границе Грузии и Дагестана.

Куртан — род подушки, которую носильщики клали на спину при переноске тяжестей.

***Л**ал* — рубин.

Ламискана — село в Ксанском ущелье в Грузии.

Лашари — древняя молельня в Пшаветии в честь сына царицы Тамар — царя Лаша-Георгия. Обычно называется — Лашарский Крест.

Левантос — теплый юго-восточный ветер (греч.).

Ликоки — селение в Хевсуретии.

Липси — юго-западный ветер (греч.).

Ломисский Крест — молельня горцев, построенная на Млетской горе.

Лопиана — тбилисский рыбак, отличавшийся в кулачных боях, любимец Гр. Орбелиани.

Лурджа — конь сизой масти. Лурджа — по-грузински синий.

***М**адатов Мирзаджан* — переводчик при штабе генерала Ермолова, известный кутила и прославленный тамада. Ему посвятил Гр. Орбелиани свою шуточную эпитафию.

Маджари — молодое вино.

Макари — дружки жениха на грузинской свадьбе.

Марабдинское сражение — произошло в 1625 г. В этом сражении грузинский полководец Георгий Саакадзе был разбит шахом Ирана Аббасом.

Марани — погреб для вина.

Матара — кожаная фляжка для воды.

Матура — селение в Пшаветии.

Мдади — дружки невесты на грузинской свадьбе.

Мерани — крылатый конь вороной масти, образ грузинской мифологии.

Метехи — в Тбилиси, до XVII в. резиденция грузинских царей, в XIX в. царская тюрьма (снесена в 1959 г.). Сохранился храм Метехи.

Мириан — царь Картли, принявший в 337 г. христианство и сделавший его государственной религией.

Мтацминда (Святая гора) — возвышается над Тбилиси. Здесь находится старинный монастырь св. Давида и кладбище-пантеон грузинских писателей.

Мукры (муллы) — священнослужители у мусульман, они же лекари.

Муша — рабочий, носильщик.

Мухамбази — форма восточного стиха с пятистрочной строфой. Мухамбази у Гр. Орбелиани написаны в свободной манере.

Мчади — лепешка из молотого проса или кукурузы.

Мхаргрдзели — род владетельных грузинских князей. В поэме Гр. Орбелиани говорит о Захарии Мхаргрдзели — главнокомандующем войск царицы Тамар.

***Н**акашидзе Петр Георгиевич* (1838—1895) — писатель, друг студенческих лет И. Чавчавадзе.

Накерала — гора, по которой проходит дорога из Тушетии в Кахетию.

Нарикала — старинная крепость в Тбилиси, где некогда имел резиденцию иранский полководец.

Нотос — южный ветер, предшествующий дождям (греч.).

***О**никашвили Димитрий* — приятель Гр. Орбелиани, разделявший с ним застольное веселье. В те времена кутежи нередко устраивались в знаменитых тбилисских банях, описанных Пушкиным в его «Путешествии в Арзрум».

Опперман — графиня, жена командира 14-го гренадерского полка графа Оппермана. В этом полку служил Гр. Орбелиани.

Ортачалы — предместье Тбилиси. Во времена Орбелиани славилось своими садами и служило местом развлечения состоятельной молодежи.

***П**анкиси* — ущелье в Кахетии в верховьях р. Алазани.

«Пешкеш-дур!» — «Прими в подарок!».

Пиримзе — горный цветок, буквально «солнцеликий».

***Р**ача* — горный район в Западной Грузии, через который проходит один из путей на Северный Кавказ.

Рион — река, ее нижнее течение проходит по Западной Грузии, Мингрелии, — родине С. Чиковани.

Рошка — селение в Хевсуретии.

***С**абуе* — селение в Кахетии.

Саломэ — жена поэта А. Чавчавадзе (в стихотв. Гр. Орбелиани).

Самайя — народный грузинский танец.

Сардар — военачальник.

Сейдабад — квартал в восточной части Тбилиси. Здесь в своем летнем дворце Вахтанг VI принимал в 1722 г. русского посла Петра Великого — Ивана Толстого (прапрадеда Л. Н. Толстого).

Сераскир — турецкий военачальник.

Сиони — древняя кафедральная церковь в Тбилиси.

Спасалар — военачальник (перс).

Спаспет — верховный военачальник.

Спероза — скалистая гора в верховьях р. Алазани.

Сулак — крепость, заложенная Петром I в устье р. Сулак, возле Каспийского моря.

Схловани — селение в Пшаветии, на берегу р. Иори.

***Т**амар* — знаменитая грузинская царица конца XII в., при которой феодальная Грузия достигла своего наибольшего расцвета. Ей посвящена поэма Руставели и многие другие произведения грузинских поэтов, в том числе «Лик царицы Тамары» Гр. Орбелиани.

Таракам — земля туркменов.

Тари — восточный струнный инструмент.

Тбатана — гора в верховьях р. Алазани.

Тваливи — селение в Пшаветии.

Теймураз II — царь кахетинский, а с 1744 г. — карталинский; известный поэт. Умер в Петербурге в 1762 г.

Турач — редкая дикая птица, водится в Закавказье.

***У**астырджи* — в осетинской мифологии покровитель мужчин, путников, воинов.

Узбаш-хан — персидский воинский чин.

***Ф**арнаоз* — первый грузинский царь (III в. до н. э.)

Франгули (франкский меч) — старинные мечи, выкованные европейскими мастерами. По преданию, они появились в Грузии со времен Крестовых походов.

***Х**ахматский Крест* — хевсурская молельня в с. Хахмати.

Хевисбери — руководитель общины горцев, жрец.

Хорасан — юго-восточная провинция Ирана.

Хотин — город на Днестре. В 1739 г. в сражении под Хотином участвовала грузинская рота, в которой Гурамишвили числился рядовым гусаром.

Хошари — селение в Пшаветии.

Хулуп — Холефа-Мирза-Кафи, посол Надир-шаха при русском дворе.

Хурджин — дорожная переметная сума.

***Ц**риапи* — металлические шипы на обуви, не позволяющие ей скользить по горным склонам.

***Ч**авчавадзе Нина и Екатерина* — дочери поэта А. Чавчавадзе. Старшая, Нина, была замужем за А. С. Грибоедовым и овдовела в семнадцатилетнем возрасте. К ней обращен ряд стихов Гр. Орбелиани, влюбленного в нее в то время. Младшая, Екатерина, вышла замуж за владетельного князя Мингрелии (Мегрелии) Давида Дадиани. Сестры Чавчавадзе отличались необычайной красотой.

Чамчи-Мелко — тбилисский ашуг второй половины XIX в.

Чанги — музыкальный струнный инструмент.

Чари — древняя область в восточной Кахетии. Отсюда в XVII—XVIII вв. лезгинские феодалы совершали набеги на Грузию.

Чиапури — музыкальный инструмент вроде скрипки.

Чиэ — селение в Хевсуретии.

Чкондидели — архиепископы Чкондидские, игравшие видную роль в истории Грузии. В поэме Гр. Орбелиани говорится об Антонии Чкондидели.

Чонгури — струнный музыкальный инструмент

Чормешави — селение в Хевсуретии.

Чоха — национальная грузинская одежда.

***Ш**атиль* — селение в Хевсуретии, к северу от Кавказского хребта.

Шахи Ирана — *Шах-Аббас* (1571—1626), при нем Иран достиг наибольшего могущества. Шах-Аббас разорил Восточную Грузию, в частности Кахетию, откуда переселил в Иран свыше 80 тысяч семейств. *Шах-Тамаз* (Тахамасп) — внук Шах-Аббаса, последний представитель династии Сефевидов. Фактическим правителем при нем был выходец из Хорасана Надир-Кули, который в 1732 г. низложил Шах-Тамаза, а в 1735 г. убил его, С 1736 г. он известен как Шах-Надир.

«Шашви какаби» — «Дрозд и куропатка», название грузинской песни.

Шио — святой грузинского календаря.

Шоти — хлеб, имеет плоскую удлиненную форму.

***Э**врос* — зимний юго-восточный ветер (греч.).

Энгури (Ингури, Ингур) — река, берет начало в ледниках Верхней Сванетии, впадает в Черное море.

Этмандоле — старший вазир, первый министр иранского шаха в XVIII в.

***Я**гелло* (Ягайло) (ок. 1350?—1430 гг.) — великий князь литовский с 1377 г. и польский король с 1386 г. В союзе с ханом Мамаем выступил в 1380 г. против Московского княжества.

Ярали Шаншашвили — последний придворный поэт грузинских царей, знакомый Гр. Орбелиани. Ему посвящено стихотворение «К Ярали».

ПИСЬМА

1921—1958

М. И. КАСЬЯНОВУ

11 ноября 1921 г. Петроград.

Мой дорогой Миша, прости — за 3 месяца моего петроградского житья не послал тебе ни одного слова. Почему? Ни одной минуты не уделил еще себе из всего этого времени — обратился в профессионального грузчика — физическая работа — все время заняла до сих пор — сюда еще присоединяется хроническое безденежье и полуголодное существование. 3 месяца убиты на будущее. Работал в порту по выгрузке кораблей — за эту работу получу скоро различных продуктов (шпику, муки, сахару, рыбы и пр.) общей стоимостью на один-полтора миллиона. Кроме того, заработал тысяч 400 на лесозаготовке. На все это думаю немного подправиться — весь обносился и исхудал, так что меня в институте многие почти не узнают. Пока с продовольственной стороны мы — я, Аркадий и К. Резвых (Борис не вынес и укатил в Уржум) различаем 3 периода в своей жизни. I картофельный, II мучной и сейчас III — жировой. Отделяется один от другого — расстройствами желудков. Сейчас живу более или менее сносно, но холодище мешает заниматься. Только что начинаю посещать лекции и начинаю зарываться в глубины человечества — сумерийские, хамитские и пр. и пр. эпохи. С журналом дело не ладится. Паек прибавили: 1 ф. хлеба, 4 ф. крупы, 5 ф. селедок, 1 — масла, 1 — сахару и пр. Голодать кончаю. Зато отупел совершенно и плачу над самим собой. Ничего не пишу или очень мало. Иногда выступаю на концертах — публика относится с удивлением и нерешительно хлопает.

Сколько утрат — умер А. Блок, уехал из России А. Белый [...].

Когда Аня Иванова сказала, что ты болен, — меня бросило в пот. Просыпаясь по ночам и дрожа под своим одеялом, долго думал о тебе. Недавно Аня сказала: Коля, знаете, ведь Миша Кас. такого-то числа... — меня охватил столбняк — выписался из больницы.

Я немного нездоров. Папироса не доставляет удовольствия, мысли скачут, холодные пальцы лениво движут перо. Сегодня я вспомнил мое глубокое детство, Елку, Рождество. Печка топится. Пар из дверей. Мальчишки в инее. — Можно прославить?

Лежал в постели и пел про себя:

— Рождество твое Христе боже наш...

У дверей стояли студентки и смеялись...

Радуюсь за тебя (Институт Слова). Когда Аркадию сообщал об этом — он улыбнулся:

— Полетели гуси с медицинского! Полетели...

Завидую тебе, что ты много, видимо, подумал, лежа в больнице. Пиши, брат...

Живу в обществе Аркадия и Кольки Резвых. Математика и желудок. Одиночество. В Институте много славных ребят, но толку мало. Бабья нет, да и не надо. Скучаю по тебе.

Дома положение плохо. Отец болен, совхоз шатается и пр.

Пиши мне стихи. Здесь Мандельштам пишет замечательные стихи. Послушай-ка.

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услыхать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина: дремучий лес Тайгета,
Их пища: время, медуница, мята...

Возьми ж на радость дикий мой подарок, —
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

После сладкого вина, отведай горького.
Вот моиб

ОТРЫВОК

...Промерзшие кочки, брусника,
Смолистые запахи пней.
Мне кажется: новая книга
Раскрыта искателю мне.
Ведь вечер ветвист и клетчат.
Ах вечер, как сон в Октябре,
И сосны, как желтые свеча
На Божьем лесном алтаре...

Из другого:
Он, таящийся у входов «в те края, где тонет жизнь несказанного слова»:

5

...Но день пройдет печален и высок.
Он выйдет вдруг походкой угловатой,
Накинет на меня упругое лассо
И кровь иссушит на заре проклятой.
Борьба и жизнь... Пытает глаз туман...
Тоскует жизнь тоскою расставанья,
И голод — одинокий секундант —
Шаги костяшкой меряет заране...

Пиши, дорогой друг, чаще. Я буду, клянусь всем святым. О Москве пиши, о поэтах. Пока кончу. Подожду лучшего настроения. Прикладываю старое письмо. Прочти его. Может быть, из сравнения его с этим поймешь, как действует на меня Питер. Можно ли к тебе приехать на Рождество? Или ты приедешь? Пиши об этом. Адрес мой в первом письме. Ребята кланяются.

Крепко тебя обнимаю, дружище. Выздоравливай, работай, будь радостен. Что Ира? Видел ее во сне недавно.

Н. Заболотский.

М. И. КАСЬЯНОВУ

7 ноября 1921 г. Петроград.

Дорогой Миша! Как твои дела? Как себя чувствуешь, и поправляется ли твое здоровье? Твое письмо произвело на меня удручающее впечатление... Трудно жить, невоз-

можно жить! Поедешь ли в Уржум? Этот вопрос волнует и нас за последнее время, в связи с зимним роспуском на полтора-два месяца, — может быть, и нам придется поехать, а если снимут с государственного снабжения (что весьма возможно), то, боюсь, не пришлось бы поехать туда на неопределенное время. Все это сейчас еще крайне неопределенно, а потому — мучительно. Практические дела с каждым днем все хужеют — бунтует душа, а жизнь не уступает. Проклятый желудок требует своих минимумов, а минимумы пахнут бесконечными десятками и сотнями тысяч... А душа бунтует — но, увы, и она просит того же... Сегодня поехал на Невский, зашел в книжный магазин — утерпеть не мог — и спустил почти последние ресурсы... Но как я рад, Мишка, какие я купил книги!

Во-1) Д. Г. Гинцбург. О русском стихосложении. Изд. 1915 г. Объемистая, весьма серьезная книга. Автор обладает богатой эрудицией в области исследования не только русского, но и древне-нововосточного, латинского и пр. стихосложений.

2) В. Брюсов. Опыты. Книга, тебе известная, как единственная в своем роде.

3) Н. Шебуев. Версификация (Как писать стихи). Сортом-двумя ниже, но не лишняя.

Кроме того, кой-кого из поэтов и журналы.

Вообще благодаря знакомым мой ум начинает освежаться под влиянием новых книг, которые начинают периодически циркулировать через мои руки. Теперь читаю, используя всякую возможность. Хочется, до боли хочется работать над ритмом, но обстоятельства не позволяют заняться делом. Пишу не очень много. Но чувствую непреодолимое влечение к поэзии О. Мандельштама («Камень») и пр. Так хочется принять на веру его слова,

— Есть ценностей незыблемая скала...
«— И думал я: витийствовать не надо...

И я не витийствую. По крайней мере, не хочу витийствовать. Появляется какое-то иное отношение к поэзии, тяготение к глубоким вдумчивым строфам, тяготение к сильному смысловому образу. С другой стороны — томит душу непосредственная бессмысленность существования, Есть страшный искус — дорога к сладостному одиночеству, но это — Клеопатра, которая убивает, Родина, мораль,

религия,—современность,—революция,—точно тяжкая громада висят над душой эти гнетущие вопросы. Бессмысленно плакать и жаловаться — быть Надсонами современности, но как-то сами собой выливаются черные строки [...].

Толстой и Ницше одинаково чужды мне, но божественный Гете матовым куполом скрывает от меня небо, и я не вижу через него бога. И бьюсь. Так живет и болит моя душа.

Конечно, все силы приложу для того, чтобы остаться здесь. Это все же необходимо; иначе будет трудно. Но пусть будет то, что будет...

Ты пиши. Жду от тебя писем. Ведь моя жизнь так одинока, в сущности. Соседи по квартире знают меня, как грубого, несимпатичного полумужика, и я — странное дело — как будто радуюсь этому. Ведь жизнь такая странная вещь — если видишь в себе что-нибудь — не показывай этого никому — пусть ты будешь для других кем угодно, но пусть руки их не трогают твоего сердца. И в сущности, это почти всегда так и бывает. Я знаю многих людей, которые инстинктивно показывают себя другими, не теми, что есть. Это так понятно. Но я люблю и боюсь своего одиночества.

Я вспоминаю Москву. И нашу комнатку на Теплом, и Шульговского, и тебя, и... Помнишь?

Конечно, было бы хорошо, если бы ты как-нибудь перекатил сюда. У нас предполагается основание небольшого кружка Поэтов, причем, кажется, будет возможно и печататься. Подумай над этим и напиши мне. Писем от тебя жду всегда. И радуюсь им. Поэтому пиши, не откладывая дела.

Пока же до свидания, будь здоров и исправляй свои дела.

Твой Н. Заболотский.

Напиши: получил ли 50 т., которые я и Аркадий тебе переслали? Миша! Если поедешь в Уржум, может быть, ты захватишь с собой мой башлык? Остальное, если можно, оставь у Абрамова. Я, ей-богу, ума не приложу, как их перетащить или сюда или домой. Но подожди, что-нибудь придумаю...

К. Резвых и Аркадий шлют привет.

Н. З.

М. И. КАСЬЯНОВ

СПб. 12/XII. 1921

Дорогой Миша! От тебя долго нет писем, буду же писать я. Часто мне кажется, и давно уже, что наша жизнь до невозможного неинтересна была бы, если бы все мы были в своих поступках и словах вполне искренни. Человек есть до безобразия неинтересное существо, если он ни к чему не стремится и, следовательно, не настраивает себя на известный тон, соответствующий его цели. Когда я сплю, я противен. Когда я говорю с интересной женщиной — я, без всякого сознательного желания, перерождаюсь и всеми силами хочу показать себя не таким, какой я есть на самом деле. Глухарь, когда он токует, делается привлекательным.

При оценке жизненных явлений некоторые люди, по их словам, имеют «вполне выработанные» критерии, как-то: искренняя любовь, благородство, подлость и пр. Их суждения мне непонятны и смешны. Всякая устойчивость глубоко противна человеческой натуре, вечно разве только одно: стремление от человека. Это стремление проходит под лозунгом стремления к счастью. Нет, счастье не в человеке — оно где-то вне его, куда он, однако, и стремится.

В моей жизни было одно событие, когда я лишь один раз отходил от этого стремления. Это была моя любовь к Ире. Странно, Миша, что до сих пор мне иногда кажется, что я люблю ее. Недавно я ее видел во сне. Был какой-то хаос, поющая душа и питерское безлюдье. И я увидал ее лицо и взгляд. И упав, я плакал, плакал без конца. Я не мог посмотреть на нее.

Мучительная боль проходит нескоро. Как-то странно все это: вероятно, потому, что она не любила меня — оттого мое чувство иногда начинает просыпаться с необычайной болью.

Ах, какая она нежная, стройная, эта Ира...

Как я люблю ее и как я ненавижу ее. А тебя, Мишка, люблю — ей-богу. И как-то смешливо люблю сейчас — точно она тебя никогда и не любила! Эх ты, Мишка, Мишка, упустили мы с тобой нашу Иру — нежную, ласковую, хорошую — ну, мне-то и бог не велел ее трогать, а ты-то что, разиня?

Ах, как больно, Мишуня, ведь так и все проходит — и все и все пройдет... И будем мы с тобой старенькие и

немощные, сердце у нас будет сонное, чуть тепловатое, ноги у нас будут вечно зябнуть. И забудем мы нашу Иру, нашу Ирочку, Иру, Иру. И забудем мы все, все. Все это и будет смерть.

НЕБЕСНАЯ СЕВИЛЬЯ

Стынет месяцево ворчанье
В небесной Севилье.
Я сегодня — профессор отчаянья —
Укрепился на звездном шпиле.
И на самой нежной волынке
Вывожу ритурнель небесный,
И дрожат мои ботинки
На блестящей крыше звездной.

В небесной Севилье
Растворяется рама
И выходит белая лилия,
Звездная Дама,
Говорит: профессор, милый,
Я сегодня тоскую —
Кавалер мой, месяц стылый,
Променял меня на другую.

В небесной Севилье
Не тоска ли закинула сети.
Звездной Даме, лилии милой,
Не могу я ответить...
Стынет месяцево ворчанье.
Плачет Генрих внизу на Гарце.
Отчего я, профессор отчаянья,
Не могу над собой смеяться?

Прощай, Мишенька, я сегодня точно пьяненький.

Н. Забол.

Л. А. ЮДИНУ

28. VI. 28. <Ленинград.>

Дорогой Лев Александрович,
наступило время написать Вам деловое письмо, содержание которого Вы, вероятно, знаете со слов Стерлигова, Дело в том, что К-во писателей берет в печать мою книгу стихов, которую предполагает выпустить осенью в сентябре — октябре этого года. Я уже давно хотел обратиться к Вам с просьбой сделать для этой книжки обложку. Ма-

лахов, с которым я говорил по этому поводу, сказал мне, что, если обложка удовлетворит вкусам издательства, — она будет принята.

В этом деле нельзя рассчитывать на материальное вознаграждение, т. к. К-во существует пока в кредит и, например, я за книгу ничего не получаю. Если Вы и не отказались бы сделать эту работу, то лишь как дружескую услугу для меня лично. Мне кажется, что Ваш шрифт, использованный для большого плаката к «3 обэриутским часам», очень идет к книге. Обложка очень простая, шрифтовая, Вот ее содержание:

Н. Заболоцкий СТОЛБЦЫ ***К-во писателей*** ***1929***

Слово «Столбцы» должно быть сделано Вашим шрифтом, оно доминирует. Шрифт своеобразный, но строгий и законченный. В нем — вся соль. С виду будто бы ничего особенного, а приглядишься — и открывается совершенно новое дело. Два цвета: белый и черный. Размер точно пока сказать не могу. Вероятно, 13,5Х20,5 сант. Вроде последней книги Пастернака.

Я доживаю в Ленинграде последние дни; числа 5-го июля уезжаю в Вятку и буду здесь в Ленинграде числа 10—15 августа. Мой вятский адрес: Вятка, ул. Дрылевского, д. 4, кв. 11, Вере Алексеевне Заболоцкой, для меня. Если Вы, Лев Ал., не откажетесь от моей просьбы, — будьте добры, черкните мне в Вятку. Рисунок, думаю, нужен будет в августе.

Привет!

Н. Заболоцкий.

Л. А. ЮДИНУ

9. VIII. 28. <Ленинград>.

Дорогой Лев Александрович!

Ваша открытка в Вятке меня уже не застала: я уже в Ленинграде, куда мне ее и переслали.

Это замечательно — что Вы согласны делать обложку. Но имейте в виду — надо гнать вовсю, т. к. время не ждет, На этих днях я подписываю договор на книгу. Книга должна выйти в свет — *в сентябре — октябре,* т. е. в конце августа она пойдет в набор. К этому времени надо готовить обложку. Пожалуйста — отвечайте мне поскорее — успеете ли Вы? Когда Вы будете в Ленинграде? Скорее приезжайте и везите обложку. Дело «на мази»; нужно, чтобы книга вышла к началу сезона. Это очень важно.

Что нового и хорошего в Вашей работе? Обложку — построже, но с изюминкой — сами знаете. С нетерпением жду писем от Вас и самого Вас в Ленинград.

Пишите на ленинградский адрес: Конная, д. 15, кв. 33.

Об остальном — поговорим в Ленинграде. Простите, Л. А., очень спешу.

Желаю удачно работать.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

Пожалуйста, напишите сразу — с получением письма.

Н. З.

К. Э. ЦИОЛКОВСКОМУ

7 января 1932 г. Ленинград.

Уважаемый Константин Эдуардович!

По роду моих занятий (литература) мне до сих пор не приходилось сталкиваться с Вашими работами. На днях я прочел Ваше сочинение «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение», 1929. Ваши мысли о будущем человечества поразили меня настолько, что теперь я не успокоюсь, покуда не прочту других сочинений Ваших. Между тем достать их необычайно трудно, почти невозможно.

Поэтому я решил обратиться к Вам с просьбой: в случае, если у Вас еще осталось что-нибудь из Ваших изданий — не можете ли Вы выслать мне хотя бы некоторые из них? Особенно хотелось бы мне иметь «Будущее земли», «Воля вселенной», «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение» и другие в этом роде, понят-

ные для читателя, не имеющего узкого, специального образования. Я чувствую, что для меня и моих друзей Ваши книги будут иметь большое значение, и мы будем бесконечно благодарны Вам за них.

В случае, если книг у Вас больше не осталось, не откажите сообщить — где их можно приобрести.

Простите меня за мою далеко не скромную просьбу и за то время, которое я отнимаю у Вас. Но мне кажется, что искусство будущего так тесно сольется с наукой, что уже и теперь пришло для нас время узнать и полюбить лучших наших ученых — и Вас в первую очередь.

Заранее благодарный Вам

Н. Заболоцкий.

Адрес мой: Ленинград, Петроградская сторона, Б. Пушкарская ул., д. 36, кв. 9. Николаю Алексеевичу Заболоцкому.

К. Э. ЦИОЛКОВСКОМУ

18 янв. 1932 г. Ленинград.

Дорогой Константин Эдуардович!

Ваши книги я получил. Благодарю Вас от всего сердца. Почти все я уже прочел, но прочел залпом. На меня надвинулось нечто до такой степени новое и огромное, что продумать его до конца я пока не в силах: слишком воспламенена голова.

Не могу не выразить своего восхищения перед Вашей жизнью и деятельностью. Я всегда знал, что жизнь выдающихся людей — великий бескорыстный подвиг. Но каждый раз, когда сталкиваешься с таким подвигом на деле, — снова и снова удивляешься: до какой степени может быть силен человек! И теперь, соприкоснувшись с Вами, я снова наполняюсь радостью — лучшей из всех земных радостей, — радостью за человека и человечество.

Ваши книги я буду изучать долго и внимательно. Некоторые вопросы для меня не ясны, несмотря на то что Вашу переписку с корреспондентами я прочел внимательно.

Например, мне неясно, почему моя жизнь возникает после моей смерти. Если атомы, составляющие мое тело,

разбредутся по вселенной, вступят в другие, более совершенные организации, то ведь данная-то ассоциация их уже больше не возобновится и, следовательно, я уже не возникну снова.

Допускаю, что атом, попадая в организм извне, проникается жизнью этого организма и начинает думать, что он живет в этом организме с самого зачатия. Но ведь эта же картина произойдет с каждым из моих атомов: они войдут в состав различных организмов и проникнутся *их* жизнью, забыв о жизни в *моем* теле, — точно так же, как сейчас они не помнят о своих предыдущих существованиях.

Наконец, и самый атом не есть неделимая частица. Он — тоже организация более мелких частиц. Последние, надо думать, в свою очередь состоят из более мелких и т. д. Атом при известных условиях разрушается точно так же, как разрушаюсь (умираю) я. С каждой из составляющих его частиц происходит то же, что и с моими атомами после моей смерти.

Чем совершеннее организация, тем лучше чувствует себя каждая составляющая ее часть. Чем совершеннее атом — тем лучше электрону, чем совершеннее человек — тем лучше атому, чем совершеннее человеческое общество — тем лучше человеку. Личное бессмертие возможно только в одной организации. Не бессмертны ни человек, ни атом, ни электрон. Бессмертна и все более блаженна лишь материя — тот таинственный материал, который мы никак не можем уловить в его окончательном и простейшем виде.

Вот мне и кажется, что Вы говорите о блаженстве не нас самих, а о блаженстве нашего материала в других, более совершенных организациях будущего. Все дело, очевидно, в том, как понимает и чувствует себя человек. Вы, очевидно, очень ясно и твердо чувствуете себя государством атомов. Мы же, Ваши корреспонденты, не можем отрешиться от взгляда на себя как на нечто единое и неделимое. Ведь одно дело — знать, а другое — чувствовать. Консервативное чувство, воспитанное в нас веками, цепляется за наше знание и мешает ему двигаться вперед. А чувствование себя государством есть, очевидно, новое завоевание человеческого гения.

Это ощущение, столь ясно выраженное в Ваших работах, было знакомо гениальному поэту Хлебникову, умершему в 1922 году. Привожу его стихотворение:

Я И РОССИЯ

Россия тысячам тысяч свободу дала.
Милое дело! Долго будут помнить про это.
А я снял рубаху,
И каждый зеркальный небоскреб моего волоса,
Каждая скважина
Города тела
Вывесила ковры и кумачовые ткани,
Гражданки и граждане
Меня — государства
Тысячеоконных кудрей толпились у окон,
Ольги и Игори,
Не по заказу,
Радуясь солнцу, смотрели сквозь кожу.
Пала темница рубашки!
А я просто снял рубашку:
Дал солнце народам Меня
Голый стоял около моря —
Так я дарил народам свободу,
Толпам загара.

(III том, стр. 304)

Мне хотелось бы знать — правильно ли я понимаю Вас в этом пункте. Я понимаю, что в Вашей системе этот пункт исключительно важен, так как из него следуют многие дальнейшие выводы.

Вообще говоря, Ваши мысли о будущем Земли, человечества, животных и растений глубоко волнуют меня, и они очень близки мне. В моих ненапечатанных поэмах и стихах я, как мог, разрешал их. Сейчас, после ознакомления с Вашими трудами, мне многое придется передумать заново. В отношении людей и книг мне всегда исключительно «везло». Книги ищут человека сами. Вот и теперь, благодаря Вашей исключительной внимательности, Ваши книги нашли меня. Несколько отрывков из моих работ покажут Вам — как я думал и во что верил до сих пор.

Отрывок из поэмы

ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

(Солдат, организатор колхоза, разговаривает с домашними животными о будущем) [1]

. . . .

Таким образом, переселяя людей в эфир, я оставлял землю для животных и растений, развивающихся до степе-

[1] Далее цитируются 88 строк из пятой гл. «Начало науки» — от строки 27 «Коровы, мне приснился сон...» до строки 114 «Отведать пищи лебедей» (см. т. 1, с, 130—133). — *Примеч. ред.*

ни высокоорганизованных существ. О превращении растений в животных говорит следующий отрывок из стихотворения

ШКОЛА ЖУКОВ

говорят люди, будущего

Художники

...Мы нарисуем
Историю новых растений.
Дети простых садоводов —
Стали они словно бомбы.
Первое их пробужденье мы не забудем,
Час, когда в ножке листа обозначился мускул,
В теле картошки зачаток мозгов появился
И кукурузы глазок
Открылся на кончике стебля...

и т. д.

(1931 г.)

Больше не буду утомлять Вас выписками. Скажу только, что в кругу этих тем я живу уже давно. Сейчас мне 28 лет. В будущем надеюсь писать об этом еще. Вот почему мне особенно радостно было познакомиться с Вашей работой.

Не могу ли я быть чем-нибудь полезен для Вас в Ленинграде? Правда, я не располагаю видным общественным положением, в литературе я пока почти одинок, но все, что я в силах сделать, — я исполнил бы с величайшей готовностью.

Желаю Вам здоровья, долгой жизни, хорошей работы.

Н. Заболоцкий.

Ленинград, Б. Пушкарская, 36, кв. 9.

Е. В. КЛЫКОВОЙ

2 авг. 1932 г. <Ленинград>.

Меме!

Вчера изд-во писателей приняло к печати мою книжку стихов — с некоторыми небольшими исправлениями и с предисловием, которое хотят поручить написать Матвееву. Прыгать пока нечего, [...] но договор я уже заклю-

чаю 5-го числа и обещали какие-то деньги. Буду просить денег побольше — они должны будут нас выручить на это время.

Из Москвы нет ни писем, ни денег. Шлю им категорическое письмо. Если до 12-го деньги не придут — договор расторгну.

Вчера из Москвы получилась странная телеграмма: «Буду третьего. Брат». Итак — завтра приезжает Леля — неизвестно по какому делу.

Хлебную книжку снес. Получил сахар за июнь — 2 кило 600 гр. Выдавали кило сыру — не мог взять за отсутствием денег. Здесь публика разъезжается. Тамара Ал. завтра едет в Белоруссию, Житков с женой — на днях в Одессу. Житков получил деньги за Вавича, печатающегося в «Звезде» — и несколько воспрянул — пишет уже второй рассказ.

Когда я приеду? Как только получу деньги. Надеюсь — 6-го или в крайнем случае — 7-го. Точнее не могу сказать, т. к. вопрос с деньгами еще не точно решен — этому делу можно верить лишь тогда, когда деньги в руках. Очень трудно стало доставать деньги. Их нет ни у кого. [...].

Ваш муж *Николай.*

М. И. КАСЬЯНОВУ

10.IX.32. Ленинград.

Дорогой Миша, рад, что отыскался твой след. Книжка «Столбцы» — единственная моя книжка стихов. Она вышла в 1929 году и разошлась в несколько дней как в Ленинграде, так и в Москве. Переизданий не было до сих пор, т. к. книжка вызвала в литературе порядочный скандал и я был причислен к лику нечестивых. Если интересуешься этим делом — просмотри статью Селивановского «Система кошек» в журнале «На лит. посту» за 1929 г., № 15, и статью (совершенно похабную) Незнамова «Система девок» в «Печать и революция», 1930 г., № 4, и статью Горелова «Распад сознания» в журнале «Стройка» за 1930 г., № 1. Это наиболее характерное из того, что писалось о моей книжке. Что касается самой книжки, то последний экземпляр ее похитили у меня бо-

лее года тому назад, и даже в своей работе теперь я пользуюсь чужим экземпляром. Но этой зимой я надеюсь выпустить первый том, в который «Столбцы» целиком войдут. Книга уже принята к печати, и, если не будет никаких дальнейших осложнений, все будет хорошо. Как только книга выйдет, сразу вышлю ее тебе по твоему адресу.

Что написать о себе? В маленьком письме трудно рассказать все. После того как судьба разъединила нас, литературой заниматься я не перестал. Писал много, но первых результатов добился только в 26 году, то есть через 5 лет после Москвы. Критика обвиняет меня в индивидуализме, и поскольку это касается *способа писать,* способа *думать и видеть,* то, очевидно, я действительно чем-то отличаюсь от большинства ныне пишущих. Ни к какой лит. группировке я не примыкаю, стою отдельно, только вхожу в Союз советских писателей. У меня много врагов, но много и друзей.

Отдельные мои стихи ты можешь найти в толстом ленинградском журнале «Звезда» за 1929 год.

О своей личной жизни: три года как женат, и женат удачно, растет сынок Никитушка, ему семь с половиной месяцев, весь в отца, и очень мне нравится. Когда будешь в Ленинграде — обязательно заезжай ко мне, вспомним старину, почитаем стихи, выпьем доброго ленинградского пива. В Москву я едва ли поеду — стараюсь избегать Москвы, так как мне не нравится московский литературный люд, хотя и там есть много моих друзей.

За эти годы доносились до меня смутные слухи, что ты женат, имеешь детей и усердно врачуешь болящих. Напиши мне о своей жизни. Встречаешь ли старых общих московских знакомых и кого?

Из старых уржумцев здесь Коля Сбоев и Лиля Польнер — супруги. Они часто бывают у нас, и мы дружно живем с ними. Коля Резвых тоже здесь — он женат, родил дочку. Вижусь с ним редко. Жмакин тоже здесь. Почти с ним не вижусь.

Ну, будь здоров, прости, что не могу исполнить твою просьбу сейчас, подожди зимы. Письма твоего жду. Если достанешь «Звезду» — напиши, что думаешь о стихах.

Твой *Н. Заболоцкий.*

Л-д., Б. Пушкарская, 36, кв. 9.
P. S. Как ты узнал мой адрес?

Е. В. КЛЫКОВОЙ

27.I.33. <Ленинград>.

Милая Катя, я приехал благополучно, картошку довез хорошо, сел в трамвай тоже хорошо, а там нести совсем близко. Сегодня только небольшой насморк и небольшой кашель, а так вполне здоров, ты не беспокойся. Заходил Каверин, который чуть было не приехал тогда к нам, но утром у него сделалась мигрень и он остался. Посылает Никитушке две игрушки.

Когда я приеду — трудно сказать, но, во всяком случае, постараюсь в самых первых числах февраля, а если получу деньги — то и раньше. Сегодня пишу целый день«

Ну будь здорова, милая, целую Никитушку.

Ваш *папка.*

Е. В. КЛЫКОВОЙ

19.II.33 *<Ленинград>.*

Здравствуй, милая моя женка, пишу тебе обещанное письмо. Приехал я вчера. Оказалось то, что говорил Коля: твои и мои документы нужно вложить в конверты и сдать в жакт для направления в милицию. Я все сделал, но сдать в жакт сегодня не успел: погас свет, жакт закрылся, завтра примут. [...].

В «Еже» — скандал. [...]. Я уж и не ходил в редакцию. В журналах у меня все ладно.

В книжке Виноградов переделал сильно свою статью, что затрудняет переверстку — так что подписывать к печати придется только в конце февраля.

Деньги мне обещают 23-го. Если получу (а почти наверное получу) — приеду 25 и постараюсь отпустить тебя сюда, чтобы ты купила себе туфли и пр.

В магазине, кажется, дадут кило сливочного масла, но ты пока не рассчитывай. Когда будет — тогда и будет. [...] В марте обещают из «Звезды» выплатить все, так что будем с деньгами. Вот и все новости. [...]

Без вас мне здесь по-настоящему скучно, и чувствую себя часто просто несчастным человеком, Милые мои

дурачки, папка любит обоих очень, хотя и не любит говорить об этом. [...].

Раньше я думал, что искусство — вся моя душа, а теперь оказалось — только половина. А другая половинка — ты да Никитка. И обе половинки милы, и обе должны существовать и друг друга поддерживать. [...].

Что плохого у нас сейчас? То, что живем отдельно.

Что хорошего? Прекрасный сынок, выходит книга.

Все-таки, перевес в хорошую сторону, а плохое есть перспектива исправить. [...].

Е. В. КЛЫКОВОЙ

26.V.33. <Ленинград>.

Здравствуй, мамуля!

В Москве шум из-за «Торжества Земледелия».

Говорят, что «Звезда» впервые за все время ее существования на столах у всех москвичей; одни хвалят и очень, другие в бешенстве, третьи злорадствуют — вот, мол, до чего докатились. Так или иначе, <но из> [1] Москвы надо что-нибудь ждать <, посмотрим,> что будет.

Пишу, продолжаю новую п<оэму...> закончил вторую часть, по <...> 100 строк. Всего, предполага<ю...>. Никому не читаю, пока <...>.

Каверин предлагал д<елать юно>шеский киносценарий, <отказался,> т. к. очень боюсь, что в<ыйдет то же,> что и с книжкой для Лядовой и Житкова. Сейчас, пока пишется взрослое, — не надо упускать времени и жать вовсю.

Получились жактом дрова, содрали с меня за доплату и перевозку 3-х кубометров 50 рублей, и я опять остался без денег. Но хорошо хоть то, что к зиме дрова будут. Распределять будут на днях, <попрошу> Абдулу перепилить и выложить <поленницу во> дворе, чтоб сохли. [...].

У Степанова еще не был.

Ну, будь здорова, детка. Никитушка, будь здоров. Папа целует вас.

Н. Заб.

P. S. Скоро, кажется, надо будет в обязательном порядке регистрироваться в загсе.

Приеду 1-го, как говорил.

---

[1] Угол письма оборван. (*Примеч. составит.*)

С. И. ЧИКОВАНИ

21 февр. 1936. Ленинград.

Дорогой Симон!

«Известия» потребовали, чтобы я сдал перевод твоей «Кахетинской осени» не позже сегодняшнего дня. Я приехал 19-го; следовательно, для работы мне оставалось менее двух суток. Ты понимаешь сам, что перевод, сделанный так быстро, не может быть безукоризненным. Поэтому, прочитав его в газете, не ругай меня: я сделал все, что было возможно. В дальнейшем я его доработаю.

Жду от тебя письма и подстрочника. Подстрочник посылай полный, с примечаниями. Было бы хорошо, если бы его проверил кто-нибудь из твоих друзей, хорошо знающих русский язык. Если найдешь в Тифлисе свою книжку на русском языке — пошли, пожалуйста, мне.

Если Бажан приедет на ваши празднества, попроси его написать мне — долго ли он пробудет в Грузии и когда приедет в Ленинград.

Твоя «Кахетинская осень» — прекрасное стихотворение. Мы с женой читали его и наслаждались даже по подстрочнику.

Будь здоров. Привет Марии Николаевне.

Жду письма.

Твой *Н. Заболоцкий.*
Л-д, Канал Грибоедова, 9, кв. 45.

Т. И. ТАБИДЗЕ

1 июля 1936 г. Ленинград.

Дорогой Тициан Иустинович!

Последние дни мы очень ждали Вас в Ленинград. Ваша открытка, где Вы сообщаете об отъезде в Грузию, очень меня огорчила. Я надеялся переговорить с Вами о многих делах. Теперь наш разговор, очевидно, оттянется до осени.

В кратких чертах дело сводится к следующему. Ленинградский Детиздат поручает мне сокращенный перевод и обработку для детей — Руставели. Инициатива этого дела исходит от меня. Кажется, это нужное дело. Во

всяком случае, современный русский массовый читатель, и особенно школьник, переводом Бальмонта пользоваться не смогут. Обработка, которую я затеваю, послужила бы делу популяризации Руставели в широких массах современного русского читателя.

Я понимаю, что это трудное и ответственное дело, тем более что его нужно выполнить в течение одного года до 1 сентября 1937 г. с тем, чтобы в самом конце юбилейного года книжка уже вышла из печати.

Наш друг Микола Бажан, у которого я провел недавно недели две, завещает мне свой подстрочник (Иорданишвили) с транскрипцией. В сентябре месяце, в самом начале, я намерен приехать в Тифлис. Я должен буду связаться с Институтом Руставели и с людьми, подготовляющими его юбилей. Необходимо подышать воздухом Грузии и почувствовать Руставели на его родине. Тем более что русская литература не дает даже элементарных сведений об этом великом поэте.

Моя обработка по своему объему не будет превышать ⅓ подлинника. Тем более будет трудно, в этом сжатом виде, передать дух и поэтические особенности оригинала.

Если в сентябре месяце Вы, Тициан Иустинович, будете в Тифлисе, я буду просить Вас свести меня с нужными людьми и помочь мне в этом деле. К редактированию обработки мы думаем привлечь Н. С. Тихонова, хотя я с ним еще не говорил об этом.

Ради бога, сообщите мне, что Вы обо всем этом думаете, будете ли в сентябре в Тифлисе и можно ли мне будет рассчитывать на помощь со стороны Института Руставели.

До самого последнего времени я был перегружен прозаическими обработками и только теперь заканчиваю их. Намерен был тотчас же приняться за Важа Пшавела, но теперь в связи с этой срочной затеей перевод «Алуда Кетелаури» несколько затягивается. Прошу Вас сообщить, к какому времени он Вам нужен. И что Вы находите нужным делать в первую голову.

Числа 8 или 10 я выезжаю на Украину, где живет моя семья. Я устроил себе дачку на берегу Днепра, за Каневом, в живописном благодатном местечке, которое описано у Гоголя в «Вие».

Прошу Вас написать мне по адресу: УССР. Киевская область. Золотоноша. П/о Прохоровка, дом Кронберга,

мне. Я буду там до самого сентября и приеду в Тифлис, не заезжая в Ленинград.

И еще есть за Вами должок: обещали послать мне подстрочник и транскрипцию Вашего стихотворения, названия которого я не знаю, но которое Вы читали мне и которое, вероятно, помните. Я бы хотел попытаться перевести эту прекрасную, трогательную вещь. Или, может быть, мы в сентябре договоримся об этом, т. к. подстрочник требуется очень подробный и с авторским комментарием.

В начале октября я вернусь в Ленинград.

Вот краткий отчет о моих планах на лето и на весь будущий год. Очень прошу Вас, напишите, как Вы ко всему этому относитесь.

Передайте мой сердечный привет Нине Александровне.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

Т. И. ТАБИДЗЕ

2 августа 1936 г. Прохоровка.

Дорогой Тициан Иустинович!

Благодарю Вас за письмо, я получил его своевременно, и оно меня очень обрадовало. Я, признаться, одно время думал, что переделка для детей не может заинтересовать публику: мы еще не привыкли по-настоящему учитывать интересы массового читателя. Но ведь Руставели написал *народную вещь,* в Грузии она известна всему народу. Значит, и в русском переводе мы должны постараться довести ее до широких масс читателей... После Вашего письма я спокоен. Если специалисты по Руставели мне помогут, я надеюсь справиться с работой в один год.

Что касается материальной стороны, то я имею договор с Ленинградским отделением Детиздата, где я работаю давно. Ваша мысль относительно Гр. Ев. Цыпина — превосходна. Я с ним в самых лучших отношениях. Он знает меня еще с тех пор, как работал в «Известиях» и печатал там мои стихи. Вероятно, он с большой охотой взялся бы за это дело, но меня, признаться, очень угнетает мысль о постоянных поездках в Москву, и я решил заключить договор в Ленинграде. Там пошли на мои условия и обещали просить Н. С. Тихонова быть редак-

тором этой книги. Сам Н. С. сейчас на Кавказе, и я с ним не успел переговорить лично.

«Алуду Кетелаури» я буду переводить зимой, параллельно с Руставели. В Тифлисе мы поговорим об этом подробнее. У меня нет транскрипции этой вещи, кроме того, нужно устроиться с консультацией. Впрочем, это, вероятно, можно устроить и в Ленинграде с помощью С. В. Вирсаладзе, который помогал мне, когда я переводил поэму Орбелиани.

Ваши новые стихи очень хороши, это чувствуется и по подстрочнику. Я сразу стал переводить их и вот посылаю Вам два перевода: «В ущелье Арагвы» и «Рождение слова». Это — не окончательные тексты, тем более что некоторые строчки для меня и до сих пор темноваты, и я слишком свободно перевел их. Вообще, как Вы видите, переводы довольно свободные. Я очень страшусь пунктуальной передачи смысла в том случае, если это звучит в русском стихе нарочито и неестественно. Я стремлюсь к тому, чтобы перевод звучал как оригинальное стихотворение. Это не значит, конечно, что я допускаю искажение смысла. Я стараюсь только интерпретировать смысл в том случае, когда это требуется для легкости и ясности стиха. В Ваших стихах пленяет меня удивительная близость душевного мира к миру природы. У Вас эти два мира сливаются в одно неразрывное целое — и это для нашего времени явление редчайшее. Среди современных русских поэтов природу любят и чувствуют лишь очень немногие... Такое гармоничное и естественное слияние душевного мира с природой, какое я вижу по Вашим стихам, я не встречал еще ни у кого. Оно, конечно, есть результат долгой поэтической и душевной работы, — результат, о котором молодые поэты могут только мечтать.

Я Вас прошу, Тициан Иустинович, отметить в моих переводах все те места, которые требуют исправлений. Их есть несколько, и некоторые я уже знаю. В Тифлисе я постараюсь выправить переводы.

Что касается стихотворения «Ананури», то я перевел его неудачно и буду переводить (позже) снова, когда несколько позабудется первый перевод. Кроме того, мне еще нужно посоветоваться с Вами относительно некоторых темных мест подстрочника.

В Тифлисе я буду в первых числах сентября.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

С. И. ЧИКОВАНИ

14 ноября 1936. Ленинград.

Дорогой Симон!

Большое спасибо за письмо, вырезки из газет и снимки. Ну и красавцы! Жена хохотала, глядя на нас. Особенно трогателен тот снимок, где я пытаюсь схватить тебя в объятья. Спрячь его подальше и не показывай никому.

Ты настаиваешь, чтобы я написал стихи о Гори.

Изволь, стихи готовы, посылаю тебе список. Они возникли благодаря т е б е, — читай же и наслаждайся. Шутки в сторону — стихи, кажется, не очень плохие. Прошу тебя, прочти и сообщи мне — каковы они, нет ли каких грузинских неточностей и пр. Одновременно посылаю их Живову в «Известия», с просьбой напечатать во время Съезда Советов. Напечатают ли — неизвестно.

Теперь, дорогой товарищ, очередь за вами! Жду твоих стихов о Гори — помни наш уговор!

Занятый этими стихами, твои вещи еще не успел перевести. Но переведу на днях и немедленно тебе вышлю.

Будь здоров! Мой привет Марии Николаевне, Николаю Зурабовичу и всем. Список стихов для Марии Ник. вышлю на днях.

Жду твоего письма.

Твой *Н. Заболоцкий.*

P. S. Список «Горийской симфонии» посылаю также Тициану Табидзе.

Радуюсь за Миколу Платоновича. Телеграммы ему послал.

С. И. ЧИКОВАНИ

21 ноября 1936 г. Ленинград.

Дорогой Симон!

Наконец исполняю свое обещание — посылаю переводы твоих стихов. Я лично переводом доволен, хотя местами он довольно с в о б о д н ы й, — так, как мы с тобой договаривались. По-русски он звучит как будто хорошо.

Пошли свои замечания о нем, о тех местах, которые тебя не удовлетворяют.

Вчера узнал, что стихотворение «Горийская симфония» в «Известиях» принято к печати. Получил ли ты его? Я послал тебе рукопись.

Завтра в моей квартире начинается ремонт, и я с семьей уезжаю на месяц в Петергоф, в гостиницу. Ты пиши мне на ленинградский адрес — я буду часто приезжать в город.

Передай привет Марии Николаевне, всем друзьям и знакомым. Если приедет Микола Платонович, приветствуй его от моего имени.

Сообщи также, можно ли печатать твои «Размышления» в периодике? Или лучше не печатать? Я согласен и на то, и на другое.

Жду, дорогой Симон, твоего письма.

Будь здоров.

Твой *Н. Заболоцкий.*

В. В. ГОЛЬЦЕВУ

14.XII.36. <Ленинград>.

Дорогой Виктор Викторович!

Посылаю Вам перевод «Алуды Кетелаури» Важа Пшавела для Альманаха грузинской поэзии. Одновременно посылаю его Т. И. Табидзе. Белый стих, которым сделан перевод, по моему мнению, в наибольшей степени соответствует поэтике Важа Пшавела, столь близкой к народному творчеству. О качестве перевода сам судить не берусь. На всякий случай проверял его здесь, в Ленинграде, на сравнительно большой аудитории. Отзывы были единодушно положительными. Прошу Вас просмотреть перевод и дать мне свое заключение. Т. И. Табидзе прошу сообщить Вам свой отзыв.

Если дело пойдет на лад, не буду иметь ничего против высылки гонорария, столь желанного в моем ущербном и скитальческом житии.

И еще прошу Вас: дайте мне возможность напечатать эту вещь отдельной книжкой в Детиздате! Все время твердим о том, что детская литература слаба, что нет в ней произведений национальных литератур и пр., а ко-

гда доходит до дела, сами тормозим его, честное слово. Поговорите, ради бога, со своим начальством. Я сижу за Руставели, и поездка в Москву для меня очень затруднительна. Надеюсь на Вас, дорогой Виктор Викторович!

Из Тифлиса шлют телеграмму за телеграммой с выражением восторгов по поводу моей «Горийской симфонии» («Известия» от 4 декабря). Послезавтра мой большой вечер в Ленинграде, и что-то он принесет! Работищи по горло, — не знаешь, за что браться!

Вспоминаю наше привольное житие в Тбилиси, Вас и всю грузинскую компанию. Славные люди! Придется, вероятно, съездить туда на будущее лето. Каковы Ваши планы?

«Абесалом и Этери» придется отложить в долгий ящик, — пока не окончу Руставели, т. е. до осени. Сообщите Ваше согласие.

Жду Вашего письма. Адрес мой, ежели забыли: Л-д, Канал Грибоедова, д. 9, кв. 45.

Будьте здоровы и милостивы к Вашему *Н. Заболоцкому.*

М. П. БАЖАНУ

<декабрь> 1936. Петергоф.

Дорогой Микола Платонович!

Простите, ради бога, за долгое молчание. И в Грузии, и здесь, после Грузии, жизнь довольно основательно крутит меня, и, хотя каждый день собираюсь написать Вам, руки не дошли до сегодняшнего дня. В Грузии, сами понимаете, пробыл месяц, который, как известно, заключает в себе 30 дней. Из этих 30 дней — 24 дня был пьян, остальное время занимался делами. Удивляюсь себе, как успел сделать все, что было нужно. Причина тому — наш дорогой Симон. Он потратил на меня много времени и забот, дай бог ему здоровья. Конечно, всего того, что Вы видели в Грузии, я не видел, но все же был в Кахетии, в Цинандалах, в Мцхете и иных местах. Очень сошелся с грузинами, особенно с Симоном. Были с ним в Гори и дали друг другу обещание написать об этой поездке стихи. По «Известиям» Вы, может быть, знаете, что свое обещание я выполнил; что же касается Симона, то он, лентяй, как будто еще не написал ничего.

Приехал из Грузии — в Ленинграде много перемен, особенно в Детиздате, где я постоянно работаю. Пересказывать все эти дела долго, утомительно, и Вам, человеку постороннему, неинтересно. [...]

Потом навалилась работа: написал несколько своих стихов, перевел два стихотворения Г. Табидзе, три стихотворения Симона для «Двух пятилеток», и, наконец, в Петергофе — поэму Важа Пшавела «Алуда Кетелаури» на 600 с лишним строк. Это прекрасная вещь, не знаю, как удался перевод, говорят, что удался.

Ко всему этому прибавился ремонт квартиры. Забрал всю семью и перевез в Петергоф, в гостиницу. В квартире — разгром. Целый месяц торчим здесь и завтра наконец едем обратно. Ремонт закончен. Но жить без дома я положительно не могу. И то сказать, вот уже 7 месяцев, как скитаюсь по разным местам.

Если Вы читали мою «Горийскую симфонию» в «Известиях», Вы, вероятно, поняли, что это стихотворение будет играть значительную роль в моей литературной судьбе. Признаки к тому уже налицо. 16-го ноября в Доме писателя состоится мой вечер — первый после 1929 года. Ряд журналов просят стихи. Что будет дальше — увидим.

Что касается обработки Руставели, она двигается понемногу, и теперь, когда сделано все другое, спешное, она, надеюсь, пойдет полным ходом.

Очень рад, что Ваш перевод наконец закончен. Скажу по правде, немного завидую Вам, — осилить такую работищу может не всякий. Получили ли Вы мою телеграмму? Когда Вы едете в Грузию? Очень может быть, что это письмо уже не застанет Вас в Киеве. Как бы то ни было, имейте в виду, что мы с нетерпением ждем Вас в Ленинград, — и я, и моя жена. Приезжайте скорее, дорогой Микола Платонович, и обязательно остановитесь у нас. Ждем Вашего письма. Моя комната всегда в Вашем распоряжении.

Передайте наш сердечный привет Гаине Симоновне, Галине Аркадьевне, Вашей дочке и всем домашним. Мы нынче очень хорошо отдохнули у Вас на Украине. Особенно это отозвалось на Никите. Врач говорит, что у него здоровье значительно улучшилось и с железами дело обстоит несравненно лучше, чем весной. Это — дело украинского климата.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

Т. И. ТАБИДЗЕ

11 янв. 19<37>. Ленинград.

Дорогой Тициан Иустинович!

Сегодня получил Ваше письмо от 6 января. Очень рад, что перевод Важа Пшавела Вы находите удачным. Очень благоприятный отзыв получен также от В. В. Гольцева, который перевод принял для своего альманаха. В переводе будет несколько небольших исправлений, что необходимо иметь в виду изд-ву «Academia», если оно будет печатать поэму. Эти исправления я вышлю Вам в непродолжительном времени. Очень рад также и тому, что перевод Орбелиани, судя по Вашим словам, устраивается в Закгизе.

В течение последних дней читал Вашу книгу «Избранное», которую смог достать только из библиотеки (Ваш экземпляр еще не получил; вероятно, получу на днях; заранее благодарю Вас за него). Несмотря на то, что почти все эти переводы были мне известны поодиночке, должен сказать, что, собранные вместе, они прекрасно дополняют друг друга, и читатель, несмотря на некоторый разнобой в голосе переводчиков, имеет возможность наконец почувствовать Тициана Табидзе целиком, убедиться, что автор, благодаря своей яркой творческой индивидуальности, в основном проходит через этот разнобой невредимым, что дается, увы, только очень-очень немногим.

У Вас есть какая-то пленительная чистота лирического голоса, душевность его и очень широкий диапазон; конечно, Вы — один из самых крупнейших поэтов нашего Союза, и я очень горжусь Вашей дружбой; она побуждает меня к постоянной и упорной работе. Ваше малейшее одобрение и сочувствие значат для меня очень много, ибо они исходят от человека с непогрешимым вкусом и истинно поэтической душой.

Нравится мне также и внешность книжки; она отпечатана очень чисто, бумага прекрасная, переплет хорош; если Ваша следующая книга (по-русски) будет еще удачнее, Вам обеспечено глубокое и прочное внедрение в русские читательские массы.

Должен сказать Вам по секрету (чтобы не сглазить), что и у меня с книжкой стихов начинает что-то такое получаться. Она в основном принята к изданию Ленгизом,

вставлена в план и утверждена; идут разговоры о конкретном содержании. Если все будет благополучно, книжка весной может уже выйти. Она небольшая, строк на тысячу с лишним. Но лиха беда начало, как говорится!

Я занят массой привходящих окололитературных дел и, признаться, за последнее время несколько отбился от работы. «Абесалом и Этери» очень меня беспокоит. Руставели висит над головой, и времени для другого перевода почти не остается. Научите, как быть, Тициан Иустинович!

От Цыпина вчера получена следующая телеграмма: «Получено письмо Табидзе переводе вами грузинской легенды. Сообщите, когда можете представить перевод». Я предлагаю послать ему перевод Важа Пшавела; если Цыпин сумеет договориться с Лупполом, он может издать Важа Пшавела отдельной книжкой.

С нетерпением ждем Вас в Ленинград; здесь у Вас так много друзей и искренних ценителей. Приезжайте же скорее!

Передайте мой сердечный привет Нине Александровне и дочке. Миколе Платоновичу кланяйтесь, пишу ему одновременно. Привет всем друзьям и знакомым.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

М. Н. и С. И. ЧИКОВАНИ и М. П. БАЖАНУ

11 янв. 1937. Ленинград.

Дорогие друзья Мария Николаевна, Симон,
Микола Платонович!

Простите меня за то, что не ответил на вашу новогоднюю телеграмму: ленинградские телеграфы были несколько дней до того забиты публикой, что подступиться к ним не было никакой человеческой возможности.

Примите мои запоздалые поздравления с Новым годом, будьте счастливы, трудолюбивы, здоровы в этом году, и дай вам бог всем по сто лет и по мешку червонцев.

Пишу вам всем вместе, ибо знаю, что раз Микола Платонович в Тбилиси, то уж, конечно, вас нельзя себе и представить иначе, как всех вместе.

Письма ваши я получил, спасибо за них. Рад, что пришлись по вкусу вам мои стихи. Они сдвинули меня

с мертвой точки, и теперь дело идет о книге стихов, которая уже включена в план Лен. Гихла, утверждена Москвой и, если все будет благополучно, весной может выйти в свет. В ленинградских журналах («Лит. современник», № 3; «Звезда», № 2) предполагается несколько статей обо мне (Зощенко в том числе) и строк 600 стихов. Был здесь мой большой вечер, который прошел хорошо.

Дорогой Симон, не сердись на меня за «Известия». Я дал туда все три твоих стихотворения, *с непременным условием печатать их всех вместе,* на что и получил согласие через Ленинградское отделение. Когда № вышел, оказалось, что обещание газетой нарушено. Что делать в таких случаях? Конечно, я через Ленинградское отделение заявил свой протест, но ты сам понимаешь, что «Известия» сделали для меня слишком много, чтобы я пошел на более энергичные меры. Теперь, если ты не возражаешь, я напечатаю все 3 стиха вместе в каком-нибудь московском журнале. Жду от тебя согласия, и не сердись на меня. Прими также и то во внимание, что я — в Ленинграде, а «Известия» — в Москве. Подробные переговоры затруднительны, и все делается через третьи лица.

Четвертое твое стихотворение прекрасно, я еще не перевел его; вышлю, как только переведу.

Теперь к Вам, дорогой Микола Платонович! Я ужасно рад, что Вы наконец проделали эту работу. Мы ждем Вас в Ленинград, где непременно устроим Ваш вечер — Ваш свой, и Ваш — переводный. Захватите с собой все Ваши материалы. Посылаю Вам свое старое неоконченное письмо. Оно кое-что расскажет Вам о моих старых делах.

И, наконец, Мария Николаевна! Симон, то есть Вы сами, насколько я могу судить, сообщаете, что болели. Сие я не одобряю. Не одобряю, ибо болезни вредно действуют на человеческий организм и доставляют ему различные страдания. Умоляю Вас, избегайте болезней! Пейте кефир (а не вино!), кушайте гречневую кашу (а не цоцхали!), будьте благоразумны и не волнуйтесь (пусть волнуется Симон, это ему полезно!) — и тогда будет все хорошо. Уверен, что сейчас Вы здоровы и впредь, *с помощью моих советов,* счастливо избежите всех недугов.

Дорогие друзья, до свидания! Ждем вас всех в Ленинград, чтобы выпить с вами вина (а не кефира!), съесть

поросенка (а не каши!) и рассказать вам много разных разностей, о которых в письме писать долго и скучно. Будьте здоровы. Привет всем друзьям.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

В. В. ГОЛЬЦЕВУ

12 янв. 1937. Ленинград.

Дорогой Виктор Викторович!

Ваше письмо от 26 декабря получено своевременно, но ответ замедлился в связи с новогодними историями, которые у меня, по правде сказать, несколько затянулись.

Прежде всего позвольте Вас поздравить с Новым годом и пожелать всевозможных дальнейших триумфов. Надеюсь, что, следуя грузинскому обычаю, Вы встретили его по всей форме и Москва долгое время оглашалась возгласами, достойными Тифлиса. Читая Ваше письмо, признаюсь, я улыбался несколько раз, ибо Вы верны себе в каждой строчке и Ваш «скептический» ум сквозит в каждом слове. Скажите всем редакторам, чтобы они писали авторам такие п и с ь м а, — Вы же понимаете, что авторы после этого кинутся в редакторские объятия, и тут завяжется такой альянс, какого свет не видывал.

Но шутки прочь, действительно, мне очень понравилась Ваша манера писать письма, что и вызвало все предшествующее восторженное словоизвержение. Пеняйте на себя и не качайте головою!

А теперь к делу, т. е. к Вашим замечаниям по поводу перевода «Алуды Кетелаури». Буду отвечать в порядке Вашей нумерации.

1. *Раб Креста Гуданского* и пр.

Все описанное Вами очень интересно и, очевидно, правильно, поскольку все это Вы видели собственными глазами. Но дело в том, что хевсуры все же христиане, при всей своеобразности их христианства, перемешанного с остатками языческих культов. Нигде в поэме ни слова не говорится о каких-либо храмах, есть упоминание только о молельне. По всему ходу действия читатель отлично поймет, какого рода христианство у хевсуров; он поймет, что идея бога для хевсура — идея слишком отвлеченная; он поймет, что хевсур поклоняется главным образом своей местной святыне, своему псевдохристианскому божку, который хотя в некоторых случаях и носит

христианское имя, но, по существу, представляет собой учреждение языческого типа. Учитывая все это, я хотел бы оставить выражение «Раб Креста Гуданского» без изменения, тем более что подстрочник упорно держится этого выражения. Выражение «Гуданис-Джавари», мне кажется, только отяжелит текст. Пояснения же возможны и к моему выражению.

2. *Их рога благословенный богом*

Конечно, опечатка машинистки. Следует читать: *благословенны.*

3. *Спят собаки на краю бар**а**нты*

Вы совершенно правы. Виной этому, во-первых, — мое неправильное понимание и произношение этого слова и, во-вторых, выражение подстрочника: «Псы же спят на краю баранты» (стр. 2). Прошу эту строчку изменить на:

Спят собаки на окрайнах стада.

4. *Вот аул проснулся. На дороге* и пр. (13 стр.)

В подстрочнике: «Встает, просыпается деревня (аул)». Можно исправить на:

Вот село проснулось. На дороге и пр.

5. *Славно бьет копье на длинном древке* (стр. 10)

В подстрочнике мы имеем

Сразивший двадцать кистин
С копьем на древке (подстр. стр. 10).

Я начинаю думать, что копье относится не к Миндии, чье вооружение перечислено в тексте довольно подробно, а к убитым кистинам. В связи с этим можно поставить:

Два десятка он сразил кистинов
С копьями, которых нет длиннее.

6. Вы пишете: «В конце главы 2-й Вы вместо «лягут спать многие» даете *«закатятся плеяды».* Дело тут не в неточности перевода, а в том, что хевсуры ни о каких плеядах рассуждать не могли» и пр.

Дорогой Виктор Викторович! Помилуйте! Отпустите душу на покаяние! Где же это Вы в конце 2-й главы усмотрели выражение «лягут спать многие»?! Вот передо мной подстрочник. На стр. 10 в конце 2-й главы читаю:

Сегодня же вернется ваш Миндия,
Пока закатится Плеяда...

Я перевожу:

Прежде чем закатятся Плеяды,
Миндия обратно к вам вернется.

Это ли не точный перевод? Разве бы посмел я вставить такое специфическое слово по своей воле в чужую вещь?! Может быть, хевсуры действительно не знают плеяд (хотя это сомнительно!), но дело в том, что так распорядился В. Пшавела. Примите также и то во внимание, что крестьяне самых некультурных наших губерний отлично знают Плеяды, только называют это созвездие не Плеядами, а Утиным Гнездом. Весьма возможно, что и у хевсуров наблюдается что-либо подобное, но Важа Пшавела решил обозначить созвездие именем языка культурного. Это его авторское право!

Не таков адат, чтоб не отрезать
У врага убитого десницы

(конец 4 гл., стр. 14).

Сравн. подстрочник:

Адат не таков (у нас), чтоб убить врага
И не отрезать у него руки.

Уверены ли Вы в том, что некоторые мусульманские выражения не вошли в обиход хевсурской речи? Вспомните, сколько наш язык заимствовал у монголов и пр.

Впрочем, строчку можно заменить так:

Не таков обычай, чтоб не резать
У врага убитого десницы.

8. В гл. 5 вместо «господь бог» несколько раз говорится «господин». Я думаю, что это можно оставить, несмотря на то что это слово будет печататься с маленькой буквы. Выражение «господин» еще больше оттеняет значение местной полухристианской, полуязыческой святыни; читателю ясно, что дело тут идет не о боге, а о местном божке. Кулер-локаль.

Как будто все. По ходу действия выясняется необходимость более точного и тщательного составления подстрочника, на что следовало бы обратить серьезное внимание.

Я очень рад, что в общем перевод Вы находите удачным. От Т. И. Табидзе я получил также очень положительные отзывы.

[...] Если Ваш патрон уже исцелился [...], прошу Вас все же поставить вопрос о возможности издать мой перевод в Детиздате отдельной книжкой. Что касается журнала, то перевод я отдал в «Год XIX», откуда ответа я еще не имею. Если ответ будет отрицательный (могут не

подойти сроки), то, пользуясь Вашим предложением, буду просить Вас продвинуть его в какой-нибудь московский журнал (кроме «Знамени»). За заметку о крае и авторе буду очень благодарен.

Что касается «Горийской симфонии», которую Вы хотите взять для альманаха «Дружба», то, конечно, я ничего против этого не имею. Текст Вы найдете в «Известиях» от 4-го дек. Он правилен.

Гонорар за перевод «Алуды Кетелаури» (1420 р.) я получил на днях. Благодарю.

Сейчас я занят составлением книжки стихов, которая в основном принята к изданию Ленинградским Гихлом и утверждена Москвой. Если все будет благополучно, к весне книга может уже выйти из печати. Я книги не имею с 1929 года, посему это событие для меня весьма серьезного значения. Рад был бы взять у Вас новые переводы, но над головой — Руставели, и поделать сейчас ничего не могу. После Руставели я в Вашем распоряжении, по это случится не раньше осени.

Ваше поручение относительно Спасского и его нового адреса исполнено.

Позвольте, дорогой Виктор Викторович, на этом пока кончить. Прошу Вас сообщить мне Ваше мнение касательно моих поправок, а также вообще прошу не забывать меня. Если будете в Ленинграде, очень прошу навестить меня по известному Вам адресу. Надеюсь также, что встретимся когда-нибудь с Вами еще в краях экзотических, ибо грузины, очевидно, в покое надолго нас не оставят, а юбилей Руставели нужно будет справлять в Тбилиси.

Будьте здоровы.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

С. И. ЧИКОВАНИ

30 янв. 1937. Ленинград.

Дорогой Симон!

У меня к тебе просьба: передай, пожалуйста, прилагаемое письмо Кобуладзе. Я хочу получить от него снимки новых иллюстраций и узнать, как двигается работа. Адреса его я не знаю.

Что у вас в Тбилиси нового? Тоже, вероятно, вроде меня, как в колесе крутишься. Что касается меня, то эта зима у меня особенно сложная. Вечера, выступления, статьи и стихи в журналах, книга стихов сдается в производство, статья и работа в «Известиях», борьба на фронте детской литературы — это отнимает почти все время так, что пишу очень мало и даже твоего стихотворения не перевел еще до сих пор. Читал ли ты мою статью в «Известиях»? И как ее приняли грузинские товарищи? Вопросы поставлены, кажется, достаточно точно и резко. Мое положение в Ленинграде двусмысленно: одобренный рядом уважаемых и авторитетных людей, — в среде поэтов чувствую глухое сопротивление. Это, вероятно, скоро проявится конкретно и вернее всего со стороны москвичей. Конечно, это меня не очень пугает, поскольку дело идет не об отдельных людях, а о всем положении в советской поэзии.

Получили ли вы с Миколой Плат. мои письма? И где сейчас Микола Плат.? Как твоя работа с Шевченко? Когда собираешься в Ленинград? Пишешь ли стихи и какие? Как я тебе уже сообщал, стихи твои напечатаны в «Известиях» не все три — не по моей вине. Меня надула редакция. Через неделю я еду в Москву и пристрою их все три вместе — в какой-нибудь московский журнал. Получил ли ты гонорар за стихи в «Известиях»? Ответь.

Я очень рад, что декада грузинского искусства прошла в Москве с таким успехом. Надеюсь, что театральное дело в Тбилиси теперь быстро пойдет вперед, и мы будем свидетелями еще более прекрасных постановок.

Дорогой Симон, жду твоего письма и жму твою руку. Мой привет Марии Ник., Николаю Зурабовичу, Абашидзе, Мосашвили, Кутатели и всем друзьям. Надеюсь еще когда-нибудь попировать у вас, но прежде ждем вас в Ленинград, где вы будете нашими дорогими гостями.

Твой *Н. Заболоцкий.*

С. И. ЧИКОВАНИ

6 марта 1937. Ленинград.

Дорогой Симон!

Как это досадно, что ты не можешь приехать в Ленинград! Все здесь были бы тебе очень рады, устроили

бы твой вечер и попировали вместе. Может быть, все-таки приедешь? Помни, что возиться с гостиницами и пр. здесь не нужно, — моя комната всегда к твоим услугам, и это нас ничуть не стеснит. Приехал бы на 3—4 дня, ну что тебе стоит? Не велика задержка!

В Москве я был за несколько дней до твоего приезда и выбраться больше не смогу: над головой висит Руставели, который подвигается медленно, но которого я обязан двигать, ибо связан сроками и договорами. Кроме того, в Детиздате у нас грандиозное предприятие: школьная библиотека. Все школьные библиотеки должны получить от нас за два года по тысяче томов! Срочно пустили и пускаем в производство огромными тиражами ряд книг. Из моих обработок идут Рабле, де Костер и «Гулливер» Свифта. Нужно было заново просмотреть около 25 листов текста, сверить, выправить и пр.

Книжка стихов в производстве: жду гранок. В Московском Детиздате — отдельное издание «Алуды Кетелаури». За всем смотреть надо.

Живу, как гусь, закопавшись в бумаги, и только изредка вытягиваю из них свою шею, чтобы посмотреть, что делается на свете. Предстоит ленинградский пленум: 3—4 дня с костей долой. Беда. Хоть бы ты приехал, честное слово. Повеселее было бы.

Говорят, Вишневский и Сельвинский ругали меня на пленуме за статью. Относительно Сельвинского — понятно, но что лезет Вишневский? Будто бы ссылался на мои стихи. Мои стихи — не пример. Я могу вовсе не писать стихов, но тем не менее заявить свое недовольство по поводу положения в совр. поэзии — мое право, и никакой Вишневский этого права у меня не отнимет.

Относительно твоего избрания председателем поэтической секции — и рад, и не рад. Рад, ибо почетное место и самый факт избрания говорит о росте твоей популярности; не рад, ибо сложная и большая работа, которая будет мешать заниматься тебе твоим собственным делом. Держись, Симон! И пиши больше!

Относительно твоих переводов. Ну что тебе за охота лезть в «Новый мир»? [...] Ты знаешь, я ведь в московских журналах не печатаюсь, да и охоты особой не имею. Сознаюсь тебе: я отдал твои переводы в «Звезду», где они и будут напечатаны во втором номере. Ругай не ругай — дело сделано. Пойдут в книжке — выйдут на широкую дорогу.

Дорогой Симон, честное слово, скучаю без тебя. Если через месяц по поводу книги не приедешь, буду ругать тебя последними словами. На днях должен приехать сюда Тициан Табидзе, будет его вечер, — ну что ты зеваешь, честное слово? Ленинградцы тебя любят. Постарайся приехать в эти дни. У нас тут есть и чанахи, и сациви — с голоду не помрешь. Только грузинских вин нет, — пьем красное шамхорское. Но оно ничего. Приезжай и привози Марию Николаевну. Ей полезно подышать ленинградским воздухом. Передай ей мой сердечный привет. Жена просит ее уговорить тебя приехать сейчас же. Также привет передай Миколе Пл., если он еще в Москве. Жду твоих писем и тебя самого. Будь здоров и не забывай обо мне.

Твой *Н. Заболоцкий.*

В. В. ГОЛЬЦЕВУ

23.III.37. Ленинград.

Дорогой Виктор Викторович!

Весьма жаль, что Вы не приехали. Вечер Тициана у нас прошел очень удачно, несмотря на то что публика весьма измоталась на пленуме ленинградского Союза. И народу было много, и встреча была отличная. Завтра Тициан уезжает.

О делах:

1. Переводы «Размышления на берегах Куры» (3 стихотворения) посылаю. У меня есть еще одно стихотворение непереведенное; вышлю его, как только переведу.

2. Насчет «Абесалома и Этери» к маю ничего не выйдет. Это, увы, так. Загружен Руставели до самого лета. Передайте кому-нибудь; я же переведу эту вещь потом.

Мой Руставели двигается, хотя и со скрипом. Нужно же сделать увлекательную книжку, легкими стихами и сохранить в то же время дух Руставели. Книжка пойдет в школы, на ней учиться будут. Сложная задача. И выйти должна к 20-летию Октября и юбилею Руставели.

Книжечку стихов жду в мае. Все же хочется думать, что Вы приедете в Ленинград. Ждем и надеемся. Прошу передать мой сердечный привет Вашей жене.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

P. S. Стихи Симона «Кахетинская осень» были в журнале «Лит. современник» за прошлый год. У меня, к сожалению, нет экземпляра.

Почему-то я не получил деньги за альманах «Дружба». Может быть, проверите?

В. В. ГОЛЬЦЕВУ

12 ноября 1937. Сочи.

Дорогой Виктор Викторович!

Ваше письмо я получил в Ленинграде своевременно. Запоздал с ответом, потому что это было жаркое для меня время: дорабатывал перевод Руставели, очень торопили с листами, подписывали книгу к печати. Сейчас книга в печати, к торжествам выйдет часть тиража и будет послана в Тбилиси. Кончив все эти хлопотливые дела, я удрал в Сочи, чтобы немного вздохнуть и воспользоваться остатками южного лета. Кроме того, мой ангионевроз уже давно гнал меня на Мацесту. Сегодня уже пятый день, как я в Сочи, беру мацестинские ванны, наслаждаюсь ясными теплыми днями, морем и полным отдыхом.

Погода здесь стоит отличная. Морские купанья мне запрещены, но купаются здесь уже только старые энтузиасты этого дела, т. к. в море холодновато. Солнце днем, однако, припекает порядочно, и немало народу разгуливает в белых костюмах.

Живу в санатории Наркомзема. Учреждение приличное, и любопытен состав отдыхающих: знатные комбайнеры, животноводы, колхозники, которым есть что порассказать и у которых есть чему поучиться. Интернационал полный: казах отдыхает рядом с дагестанцем, чеченец — с русским и пр.

Думаю пробыть здесь до 7-го декабря, после чего двинусь в Ленинград или Тбилиси, смотря по обстоятельствам. Обстоятельства же следующие: когда я был у вас в Москве, Аршаруни сказал мне, что внес мое имя в список командируемых на руставелевские торжества. Список этот отправлен вверх на утверждение. Я до сих пор не знаю, утвержден ли список, поеду ли я в Тбилиси и какого числа будет юбилей. На днях послал Аршаруни

запрос. Дело в том, что в случае, если я получу командировку, я хотел бы проехать в Тбилиси прямо отсюда, из Сочи, не заезжая в Москву и Ленинград, что отняло бы у меня 6—8 дней (туда и обратно). 27 ноября, по правилам санатория, я уже должен заказать себе билет. К этому времени я хотел бы иметь ответ Руставелевской комиссии. Посему, дорогой Виктор Викторович, независимо от Аршаруни, прошу Вас и умоляю: сообщите мне, как обстоит дело с моей поездкой. Вы, как секретарь Руставелевской комиссии, вероятно, в курсе дела. Если моя поездка утверждена, документы и деньги следует выслать мне в Сочи по адресу:

Сочи. Санаторий Наркомзема, корпус № 1, палата № 3, мне.

Я очень рад, что моя книжка пришлась, кажется, Вам по душе. Она еще не цельная: торчат концы старого, видны ростки нового. Буду надеяться, что к концу будущего года переиздам книжку в более цельном виде. На будущий год у меня большая работа: нужно переложить на русские стихи «Слово о полку Игореве» — работа интересная и ответственная. Кроме того, думаю заняться переводом Важа Пшавела и своими стихами.

В случае, если моя поездка в Тбилиси устроится, надеюсь скоро встретиться с Вами, Симоном и другими друзьями в Тбилиси.

Передайте мой сердечный привет Юлии Сергеевне и благодарность за ее приписку к письму.

Будьте здоровы. Жду Вашего письма.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

НИКИТЕ ЗАБОЛОЦКОМУ

10 января 1940.

Мой милый мальчик!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения, крепко целую и обнимаю тебя. Будь здоров, мой родной, расти большой и умный, помогай чем можешь мамочке, береги Наташеньку. Папа все время помнит о тебе и очень по тебе соскучился.

Теперь, мой милый, ты уж совсем большой мальчик: тебе 8 лет. Недавно я получил твое письмо, ты уже начинаешь хорошо писать. Когда папе было 8 лет, он уже ходил в школу. Будущей осенью пойдешь в школу и ты. Я уверен, что ты постараешься учиться хорошо. И мама и папа будут рады этому.

Я, мой милый, живу далеко-далеко от тебя. Здесь, на Севере, еще совсем недавно был один сплошной лес — тайга да стояли невысокие горы — сопки. Людей почти совсем не было. Одни дикие звери бродили кругом. Теперь в этот дикий и безлюдный край пришли люди: они строят города, заводы, рубят лес, сеют хлеб и добывают из земли полезные металлы. Скоро этот край будет удобным для жизни.

Летом здесь очень интересно. На горах-сопках растут большие яркие цветы вроде пионов. Они совсем дикие. В воздухе летают жуки и мухи, каких у нас в Ленинграде нет. Очень много жуков-усачей с длинными-длинными усами. Сам жук ростом сантиметра 4, а усы сантиметров 12. У этого жука такая сила, что когда он вцепится лапами в кепку, а его самого поднимают за спинку, то он тащит кепку вместе с собой.

Осенью мы поймали бурундука — вроде маленькой белочки — и посадили его в клетку. Он несколько месяцев жил с нами и совсем было привык к нам. Недавно он сбежал. Это очень милый, приятный зверушка. Он рыжевато-серый — с полосками. Особенно приятен он, когда сидит на задних лапках, а передними достает из коробки горох и отправляет в рот.

Здесь много дятлов. Недавно один дятел прожил у нас в клетке несколько дней. Питаются дятлы гусеницами, которых достают из деревьев. У дятла очень крепкий клюв, он стучит им и легко разрушает древесину. В течение дня наш дятел перебил клювом толстую палку. Дятла мы выпустили. [...].

Вот, мой милый, какое длинное письмо я тебе написал. Теперь мне пора спать. До свиданья, мой сынок. Будь здоров, люби и слушайся мамочку. Когда папа вернется домой, он крепко поцелует тебя.

Пиши мне письма и напоминай мамочке, чтобы она писала почаще.

Твой папа *Н. Заболоцкий.*

Н. Л. СТЕПАНОВУ

4 февраля 1944 г. <Михайловское, Алтайского края>

Мой дорогой Коля!

Твое письмо из Молотова я получил с большим запозданием, ответил на него, но ответ пришел недавно обратно за выездом твоим в Москву. Сейчас пришло твое письмо из Москвы.

Я рад, мой дорогой, что ты до сих пор еще помнишь обо мне, и я крепко жму твою руку и душевно благодарю тебя за твое неизменное внимание к моим близким. Катя — хороший человек, она заслуживает доброго отношения к ней; что касается меня — то все твое внимание ко мне я отношу только за счет твоих качеств; я же, право, не заслужил ничем ни твоего, ни других людей расположения.

[...] Несколько лет путешествовала со мной твоя книжечка Баратынского, и я полюбил его и вместе с ним разлюбил многое, что любил когда-то так сильно.

За тебя я рад, дорогой мой, что ты вместе с семьей и что ты в Москве. Конечно, теперь скоро ты будешь в Ленинграде. Это печально — что разрушена твоя квартира; но все это у тебя будет снова, лишь бы были здоровы ты и твоя семья. Я желаю тебе быстрого восстановления твоей жизни, и верю, что все у тебя скоро выправится и в послевоенное время ты будешь много и плодотворно работать.

От Кати я довольно часто получаю письма, сам регулярно ей пишу, но она мои письма получает очень редко. Не знаю, в чем тут дело [...].

Нынче летом в «Правде» была обширная рецензия — подвал о книге «Грузия в борьбе за свою национальную независимость». Автора не помню — грузинская фамилия. Это — первая история Грузии, вышедшая на русском языке. Если подвернется под руку — при случае пошли мне. Хотелось бы иметь томик Тютчева. Говорят, бандероль можно послать. Но все это — при случае.

Передай мой привет знакомым, которые еще не совсем забыли меня. В вихре событий тонут судьбы маленьких людей. Ничего в том нет удивительного. Но судьбы

людей интересуют меня, и если ты сообщишь мне о наших общих знакомых — где они и что с ними, — буду тебе благодарен. Выздоровел ли Юрий Николаевич?

До свидания, мой дорогой. Передай мой сердечный привет Лидии Конст., Алеше и всем твоим. Напиши, как растет твой сын и как учится?

Мои дети растут, кажется, сами по себе. Катя о них хорошего мнения. Жаль, что Кате так не повезло.

Будь здоров; писем твоих буду ждать.

Н. Заболоцкий.

Н. Л. СТЕПАНОВУ

29 марта 1944, <Михайловское, Алтайского края>.

Дорогой Коля! Вчера получил твое письмо от 2-го числа, которое я ждал с нетерпением. Несколько дней тому назад из случайного номера газеты я узнал о смерти Юрия Николаевича и все это время хожу под впечатлением горькой утраты. Ты знаешь, что я всегда с большим уважением относился к нему и был ему благодарен за неизменно внимательное отношение почти с первых шагов моей литературной работы. Конечно, имя его будет крепко связано с новым периодом развития русского исторического романа и он мог бы, очевидно, еще много сделать, если бы не болезнь. Взыскательность ученого боролась в нем с полетом художника — и это едва ли не первый прецедент во всей истории нашей литературы. Я отстал от жизни и не знаю — в каком состоянии оставил он своего «Пушкина». Сообщи мне об этом, дорогой; я знаю лишь только первый том его. Смерть Юрия Николаевича я переживаю как свое личное горе и глубоко соболезную тебе, который был так близок к покойному, Лидии Николаевне, Вениамину Александровичу и всем его близким.

Благодарю тебя за твои теплые отзывы о моей семье. Я более или менее аккуратно получаю письма из Уржума. Катя, как и всякая ленинградка, стремится в Ленинград — по всей видимости, она просит у тебя совета относительно переезда; надеюсь, что после своего посещения Ленинграда ты ей напишешь пару строк. У меня со

стороны такое впечатление, что с детишками, пожалуй, рано ехать. Впрочем, вам на месте виднее, я все это очень смутно представляю себе [...].

Живется мне по-прежнему. [...] есть радио, и в 12 ночи, придя с работы, мы с жадностью слушаем приказы, и голос Левитана нам милей всех голосов на свете.

Радуюсь, что ты и семья твоя живы, здоровы и относительно благополучны в наше сложное и суровое время. Ты (скромник!) ничего не пишешь мне о своих работах; сообщи мне — что ты успел сделать за все эти годы. Думал о теме твоей диссертации; мне лично больше улыбается исторический роман, хотя ему и не слишком везло до революции, если не считать Толстого. Да, дорогой мой, хотелось бы верить, что еще встретимся когда-нибудь и я смогу пожать твою ученую докторскую руку. Идет время. Скоро стариканами станем.

Относительно книжек — не хлопочи особенно, — я не думал, что в Москве так трудно с книгами. Просто так — имей в виду при случае, а специально не надо искать. У меня не горит, и впереди, кажется, еще достаточно времени.

Как-нибудь соберусь с духом и напишу тебе особое письмо — о природе, которую я видел на Дальнем Востоке и здесь. Она на меня производит такое впечатление, что иной раз я весь перерождаюсь, оставаясь с ней наедине.

Эта могучая и мудрая сила таким животворным потоком льется в душу, что сам я в эти минуты делаюсь другим человеком.

О, Судьба знает, что она делает.

Я хотел бы остаток моей жизни, если он будет мне предоставлен, жить не в большом городе.

Коля! Книги меня, конечно, интересуют, но далеко не так, как раньше, и я рад этому.

Извини за беспорядочные строки.

Я должен кончать письмо. Постараюсь вскоре написать снова.

Твоего письма жду. Сегодня я работал, и около меня весь день лежит конверт с твоим письмом. Оно согревает меня, спасибо, дорогой.

Мой сердечный привет Лидии Константиновне, Алеше, всем близким твоим, знакомым.

Твой *Н. Заболоцкий*.

НИКИТЕ ЗАБОЛОЦКОМУ

6 июня 1944. <Михайловское, Алтайского края>.

Милый Никита!

Я получил твое письмо, твои отметки хороши, я рад, что ты хорошо учишься. Стихи твои мне тоже понравились, и главным образом тем понравились, что в них почти нет лишних слов; все описано кратко, сжато, даже сурово как-то, и мне кажется, у тебя так получилось именно потому, что ты сам испытал на себе всю ту жизнь, которую ты изображаешь. Мне было бы интересно прочесть все твое стихотворение целиком; жаль, если ты его не вспомнишь.

Я живу лучше, чем раньше, и все больше надеюсь, что мы довольно скоро встретимся. И я очень бы хотел, чтобы все вы — и ты, и мамочка, и Наташенька — были живы-здоровы и мужественно перенесли все те трудности, которые еще осталось вам перенести.

Недавно произошел со мной любопытный случай, о котором я хочу тебе написать.

Я шел на работу, один, мимо кладбища. Задумался и мало замечал, что творится вокруг. Вдруг слышу — сзади меня кто-то окликает. Оглянулся, вижу — с кладбища идет ко мне какая-то старушка и зовет меня. Я подошел к ней. Протягивает мне пару бубликов и яичко вареное.

— Не откажите, примите.

Сначала я даже не понял, в чем дело, но потом сообразил.

— Похоронили кого-нибудь? — спрашиваю.

Она объяснила, что один сын у нее убит на войне, второго похоронила здесь две недели тому назад, и теперь осталась одна на свете. Заплакала и пошла.

Я взял ее бублики, поклонился ей, поблагодарил и пошел дальше.

Видишь, сколько горя на свете у людей. И все-таки они живут и даже как-то умеют другим помогать. Есть чему поучиться нам у этой старушки, которая, соблюдая старый русский обычай, подала свою поминальную милостыню мне [...].

Весь день я ходил, вспоминая эту старушку, и, вероятно, долго ее не забуду.

Будь здоров, мой дорогой мальчик. Если будет возможность, побольше читай, особенно классиков.

Поцелуй маму и Наташеньку, и на каникулах желаю тебе хорошо отдохнуть.

Милый мой! [...] Будем надеяться, что конец войны недалек.

До свидания, милый. Жду твоих писем.

Люб. тебя *Н. Заболоцкий.*

Н. Л. СТЕПАНОВУ

26 января 1945 г. <Михайловское, Алтайского края>.

Дорогой Коля! Письмо твое от 27.XII.44 я получил. Надеюсь, что наше новогоднее письмо уже дошло до тебя и оно ответило на некоторые твои вопросы [...].

Мы продолжаем жить здесь, и вопрос о нашем переезде еще не разрешен окончательно. Никаких особенных новостей на фоне нашего скудного существования не заметно. Недавно я послал тебе телеграмму с просьбой выслать мне текст «Слова о полку Игореве». Я очень сомневаюсь, что мне удастся поработать над окончанием перевода, но, во всяком случае, я хочу возобновить в голове памятник и припомнить ту концепцию, которая сложилась у меня в старые времена. То, что сделано по переводу, нуждается в большой обработке и переработке, и для окончания всей работы нужно еще немало времени и подходящая обстановка, которой, конечно, нет.

Семейные дела меня не очень радуют, хотя мы живем дружной семьей. Кате, конечно, очень трудно в этих условиях. [...]. Никита — способный, но малограмотный мальчик — следствие ненормальных занятий, пропусков, переездов, болезни и пр. Кстати, я был бы тебе очень благодарен, если бы ты как-нибудь выслал мне бандеролью для Никиты учебник истории древнего мира для 5 класса и для того же класса учебный географический атлас. Я знаю, что это хлопотливое дело — искать книги, специально этим и заниматься не надо, но при случае ты эти книжонки поимей в виду.

Грандиозное наступление наших войск в центре внимания каждого из нас; каждое утро мы отмечаем по картам новые победы, и под знаком их проходит весь день.

Передай мой сердечный привет Томашевским и Лозинским. Катя мне часто рассказывает о них, и я с грустью думаю о том, что я слишком мало знал этих хоро-

ших людей в свое время. Кстати говоря, я считал и считаю, что труд, проделанный М. Л. Лозинским по переводу Данте, — явление для нас исключительно важное, и я уверен, что в дальнейшем он получит достойную оценку в печати, а автор — всеобщую признательность со стороны всех культурных русских людей. Я не читал и не мог читать этого перевода (вышел ли он из печати?), но, зная дарование М. Л. Лозинского, я уверен, что перевод исключительно ценен, и мечтаю о том времени, когда буду иметь возможность прочесть его со всем вниманием, не торопясь, для души.

Твоих работ о Крылове, которые ты мне обещал послать, я не получал и вообще не знаю, послал ли ты их мне. Где же твои обещания, дорогой мой? Я хотел бы быть хотя немного в курсе твоих работ.

Передай сердечный наш привет Лидии Константиновне, Марии Ивановне, Алеше, а так же Кавериным, Шварцам, Чуковскому, Шкловскому.

Будь здоров и не забывай писать нам.

Твой *Н. Заболоцкий.*

Н. Л. СТЕПАНОВУ

20 июня 1945. <Караганда>.

Дорогой Коля!

На днях я закончил черновую редакцию перевода «Слова о полку Игореве».

Теперь, когда переписанная рукопись лежит передо мной, я понимаю, что я еще только что вступил в преддверие большой и сложной работы. Я знаю, что я в силах проделать эту работу. Состояние моей рукописи убедило меня в этом. [...] А ты знаешь — какая это работа. Можно написать десяток вариантов на одно место — и ни один вариант не подойдет. Так иногда доходишь до самоисступления и, проклиная все, засыпаешь. И на завтра — та же картина. Только по воскресениям дело меняется, но сколько же нужно этих воскресений, боже мой?!

Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления,

стоит этот одинокий, ни на что непохожий, собор нашей древней славы. Страшно, жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нем знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасный труд! Нет в нем этих сечений, все в нем полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник. И как трогательно осыпались углы, сидят на них вороны, волки рыщут, а оно стоит — это загадочное здание, не зная равных себе и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская.

Есть в классической латыни литые, звенящие, как металл, строки; но чт*о* они в сравнении с этими страстными, невероятно образными, благородными древнерусскими формулами, которые разом западают в душу и навсегда остаются в ней! Читаешь это слово и думаешь: «Какое счастье, боже мой, быть русским человеком!»

Мой перевод — дело, конечно, спорное, так как, будучи рифмованным и тоническим, он не может быть точным и, конечно, внесет некоторую модернизацию. Здесь чутье и мера должны сыграть свою роль. Я счел бы задачу решенной, если бы привнесенные мной черты не противоречили общему стилю, а современный стих звучал достаточно крепко, без «переводной» вялости и жвачки.

Это сделать тяжело.

Все, мой дорогой.

Прошу тебя сообщить мне в двух словах — что нового принес для «Слова» юбилейный 1938 год? Какие новые переводы (я знаю Новикова, Шторма), есть ли рифмованные?

Жду писем.

Ираклию я послал письмо.

Привет от Кати всем вам.

Твой *Н. Заболоцкий.*

Н. Л. СТЕПАНОВУ

4 июля 1945. <Караганда>.

Итак, мой дорогой Николай Леонидович,
уже кончился июнь, и июль на полном ходу. Утешительные твои сообщения очень мне напоминают те, которые

я имел в 40—41 годах, [...]. Однако жаль, годы уходят, уходит искусство.

Я должен сообщить тебе, что мой перевод «Слова о полку Игореве» в основном готов.

Моей первой целью было: дать полноценную поэму, которая, сохраняя в себе всю силу подлинника, звучала как поэма сегодняшнего дня — без всяких скидок, предоставляемых переводу. И часто, читая самому себе свою поэму, я мысленно говорю вам, мои друзья: «Дайте мне на пару часов Колонный Зал, и я покажу Вам, как может сегодня звучать «Слово о полку Игореве»!»

Вторая моя цель была: как можно меньше отступлений от оригинала. Я сделал все, что было в моих силах, поскольку это можно было сделать для тонического рифмованного стиха. Сейчас еще есть ряд недоработанных мест, но они доработаются к концу лета.

Итак — я пошел по наиболее скомпрометированному пути: по пути Минаева-отца и Гербеля, и пошел по этому пути потому, что, несмотря на их неудачи, все же их путь был правилен. Надо было решить основной вопрос: стихи это или не стихи? Для XII века это было тем, что для нас является стихами. Это несомненно. Как бы художественно ни обрабатывался подстрочник, какова бы ни была частная удача этого, несколько мягковатого и расплывчатого Новикова, — все же его перевод не звучит для нас стихами. Наша поэзия целиком подчинена тоническому принципу, и никакая разрушительная работа поэтов нашего века не могла поколебать тоническую стихию. Может быть, она и умрет когда-нибудь (когда изменятся основы прекрасного в музыке), но сейчас она полна сил, имеет все возможности развиваться далее и будет жить долго. Поэтому я, не колеблясь, встал на точку зрения целесообразности тонического перевода, а встав на этот путь, без колебания принял и рифму, так как точки над і необходимы. И не раскаиваюсь. Работа была очень трудной, но я считаю в основном ее удачной.

У меня есть некоторая надежда получить здесь отпуск на две недели или на месяц. Тогда я с новыми силами наброшусь на работу и, может быть, в конце лета или осенью пошлю ее тебе. [...].

Но я люблю «Слово» и, ложась спать, вижу его во сне. Я рад, что на 43-м году жизни мне удалось пе-

режить его в себе самом, и я с нетерпением ожидаю отпуска, чтобы еще раз как можно глубже погрузиться в него — на прощанье.

Я в курсе всех переводов, единственно, чего мне не хватает — некоторых книг по лингвистике вопроса. У меня несколько своих чтений, и я надеюсь проделать над текстом еще один опыт, от которого ожидаю возможных неожиданностей.

Мы живем в каком-то смутном ожидании. Я весь погружен в работу. Дети и Катя здоровы. Пугает зима, к которой мы совсем не готовы. Не знаю уж, как все это будет дальше.

До свиданья, мой дорогой, жду от тебя вестей и шлю привет твоей семье.

Н. Заболоцкий.

И. Н. ТОМАШЕВСКОЙ

8 августа 1946. Переделкино.

Уважаемая Ирина Николаевна!

Вы, вероятно, решили, что я не исполню своего обещания и не напишу Вам. Действительно, переписывать свои стихи — занятие для меня не из приятных, тем более что я не нахожу в них того, что хотел бы сказать в стихах. Это обстоятельство задержало письмо. Но стихи кое-как перепечатали на машинке — не посетуйте за это на меня и простите меня за лень и невнимательность.

Я, однако, довольно порядочно работал. Перевел много стихов с грузинского и узбекского — для антологий. Перевел поэму Гидаша с венгерского; она будет в «Огоньке». Закончил работу над «Словом». Перевод будет полностью напечатан в десятой книжке «Октября».

Своих стихов не пишу и не знаю, как их нужно писать.

В седьмой книжке «Октября» будет напечатана поэма Семынина «Клад». Прошу Вас обратить на нее внимание. Для меня было большой радостью прочесть эту вещь, несмотря на многое, что в ней для меня чуждо и элементарно. Может быть, мы получили настоящего поэта.

Моя семья живет благополучно. Ек. Вас. сегодня возвратилась из Ленинграда, где пробыла 2 недели, устраивая дела с дачей и пр. Очень жаль, что она не застала ни Вас, ни Бориса Викторовича.

У нас много забот в связи с подготовкой к зиме. Много еще неполадок хозяйственных и домашних. Но т. к. мои заработки начинают улучшаться, то мы надеемся все понемногу устроить. Дети здоровы и после Караганды чувствуют себя хорошо. Питаются молоком и витаминами и готовятся к школе.

О Вас ничего не слышно, а было бы приятно знать, как Вы устроились в Гурзуфе и довольны ли этим летом. Прошу Вас, когда будет свободное время, написать нам по адресу Н. Л. Степанова: Москва, Моховая, 6, кв. 5. Ек. Вас. шлет Вам свой сердечный привет. Наш общий привет просим передать Борису Викторовичу, Николаю Борисовичу и всем Вашим родственникам.

Переделкино мне очень по душе. Здесь хорошо работается, и милая московская природа так успокаивает душу. В город я стараюсь ездить как можно реже, что, впрочем, не всегда удается.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

М. В. ЮДИНОЙ

8 августа 1946 г. <Переделкино>.

Уважаемая Мария Вениаминовна!

Я своевременно получил Ваше лестное для меня письмо и книги, и прошу Вас извинить меня за то, что не ответил Вам сразу. Я очень рад, что мои стихи пришлись Вам по душе, тем более что Вы — читательница взыскательная. Но Вы, конечно, преувеличиваете значение моих стихов, слабые стороны которых мне хорошо известны.

Я очень тронут Вашим вниманием и благодарю Вас за Пушкина. Я еще не приступал к переводам, но обещание свое исполню, и как только что-нибудь будет готово, мы с Вами встретимся и обсудим, что к чему. Буду очень рад, если Вы навестите меня в Переделкине — при случае.

Н. Заболоцкий.

М. В. ЮДИНОЙ

6.I.47. <Переделкино>.

Уважаемая Мария Вениаминовна!

Т. к. в четверг я не смогу заехать, посылаю исправленные тексты Гете и Шиллера почтой.

Что касается «Мемнона» и «Гелиополя», то эти переводы я считаю неудачными, переделывать их не буду и прошу их с меня снять.

Мелочи в «Поруке» прошу исправить по Вашему усмотрению.

Таким образом, из числа переводов, предусмотренных договором, выпали «Мемнон» и «Рыбак», но зато прибавился Гете, примерно равный им по количеству строк. Надеюсь, что изд-во не будет в претензии.

Н. Заболоцкий.

С. И. ЧИКОВАНИ

4 февраля 1947. <Переделкино>.

Дорогой Симон!

Поздравляю тебя с выдвижением в кандидаты Верховного Совета и прошу принять поздравления от Екатерины Васильевны и всей моей семьи. Нам очень приятно знать, что твоя литературная и общественная деятельность оценена по заслугам, доказательством чему служит и твоя прошлогодняя награда, и это выдвижение. Желаем тебе хорошей работы и плодотворной деятельности.

Прочел твою «Песнь о Д. Гурамишвили» в переводе Державина. Это, несомненно, одна из основных и лучших твоих вещей, свидетельствующая о непрерывном росте твоего таланта — очень своеобразного, выразительного и мне лично весьма близкого и привлекательного. Не сомневаюсь, что среди прочих кандидатур она в первую очередь достойна Сталинской премии.

Дорогой Симон, хотя я и знаю, что в связи с выборной кампанией ты чрезвычайно занят, однако я не могу не напомнить тебе о высылке подстрочников твоих сти-

хов — согласно нашей договоренности. Я жду их, причем желательно иметь и грузинский текст.

Я продолжаю увлекаться мыслью о создании большой книги грузинских переводов. В частности — один из основных разделов этой книги, посвященный творчеству Гр. Орбелиани, меня сейчас занимает более всего. Я сделал ряд новых переводов — «К Ярали», «Мухамбази» (к Саломэ), «К Саломэ от Бежана-портного» — и должен уверить тебя, что они у меня звучат совсем не так, как в «Грузинских Романтиках». Вообще, мне кажется, что я понял Орбелиани, и его поэтический метод представляется мне отчетливо.

В связи с этим у меня возникла естественная мысль — сделать *всего Орбелиани,* тем более что почти все *основные* его вещи у меня уже переведены, а наследство его по объему не очень велико. Если принять во внимание, что книжечка переводов Р. Ивнева, изданная «Зарей Востока», весьма слаба, а переводы случайных авторов в «Груз. Романтиках» совершенно не передают Орбелиани, мне кажется, что издать полного Орбелиани в моих переводах — дело неплохое и своевременное. Тогда русский читатель, наряду с Бараташвили в переводе Пастернака, имел бы еще одного романтика, переведенного не случайно, но последовательно и с любовью. Эта моя идея встретила весьма сочувственное отношение со стороны Гольцева и Рябининой, и по всей видимости я смогу издать Орбелиани здесь, в Гослитиздате, отдельной книжкой и надеюсь, что это не будет неприятно моим грузинским друзьям. Пока же я работаю без договора, платонически, но усердно. Конечно, этим самым я двигаю и большую книгу переводов для «Зари Востока», если это дело у вас не заглохло.

Но я должен сказать, дорогой Симон, что так работать мне трудно, если принять во внимание мою неустроенную жизнь. Несмотря на то что перевод «Слова» имеет хорошие отзывы, что стихи мои идут в «Новом мире» и пр. — материально это меня мало устраивает и, если я не завяжу деловых связей с вами, мне будет трудно вести дело так, как надо. Что мне нужно? Во-1-х, мне нужно иметь договор с «Зарей Востока» на книгу переводов на 7 тыс. строк и получить 25% гонорара. Во-2-х, мне нужно иметь полную уверенность в том, что летняя поездка моя к вам состоится, как мы говорили. Если это будет сделано, моя работа пойдет бесперебойно и к осени книга

будет сдана издательству. Кстати говоря, Гольцев проектирует бригадную поездку в Грузию в апреле, при моем участии, о чем он тебе писал. Если эта поездка состоится, то я и сам смогу на месте провертывать с твоей помощью эти дела; но предварительно я прошу тебя принять меры к скорейшему заключению договора, т. к. деньги нужны сейчас.

У меня все еще продолжаются болезни детей. Никита ходит в школу, но у Наташи ползучая пневмония, и возможно, что ее придется класть в больницу. У Андрониковых и Степановых все благополучно. Особых новостей нет.

Прошу передать наш сердечный привет Марии Николаевне, с помощью которой надеюсь получить от тебя ответ.

Будь здоров, привет знакомым.

Твой *Н. Заболоцкий.*

Пишите мне по адресу Н. Л. Степанова: Москва, Моховая, 6, кв. 5.

С. И. ЧИКОВАНИ

26 марта 1947. Москва.

Дорогой Симон!

Вчера мне передали твое письмо и подстрочники. Оба стихотворения очень хороши, и я приложу все усилия к тому, чтобы перевести их как можно лучше. Очень благодарен тебе за то доверие, которое ты мне оказываешь, поручая перевод таких прекрасных стихов. Я надеюсь прибыть в Тбилиси в начале мая и привезти с собой готовые переводы.

Вся эта зима у меня ушла на перевод стихотворений Григола Орбелиани, подстрочники которого у меня были почти все, а недостающая небольшая часть делается в Москве по моему заказу. Также у меня есть и грузинское издание Гр. Орбелиани 1935 года, в котором я начал разбираться с помощью грузин-специалистов. Сейчас моя работа приближается к концу и имеет здесь успех. Я отдавался этой работе всей душой и делал переводы с той же старательностью, как собственные стихи.

К концу апреля, т. е. к нашей поездке в Грузию, у меня будет готово все собрание Орбелиани полностью (около 2½ тыс. строк), и я привезу его с собой, чтобы в Грузии окончательно убедиться в правильности моего метода перевода и почитать стихи вам. В начале апреля я подписываю договор на Орбелиани в Гослитиздате, и мы издадим эту книгу здесь, в центре, чтобы она полностью дошла до русского читателя.

Дублировать это издание в Грузии мне не представляется целесообразным, но я хотел бы, чтобы оно вошло в общую книгу моих переводов в «Заре Востока», общий листаж которой будет не менее 15 листов, а может быть, и несколько больше. Таким образом, в «Заре Востока» я хотел бы иметь договор на одну книгу (а не на две, как ты пишешь), но эта книга будет довольно большая, и примерный ее проспект таков:

Народная поэзия	1000	стих. строк
Руставели	2800	» »
Гр. Орбелиани	2200	» »
Илья Чавчавадзе	800	» »
Важа Пшавела	1200	» »

Итого 8000 стих. стр.

Из этого числа я привезу с собой в готовом виде 6000 строк; оставшиеся 2000 или около того будут сделаны летом в Грузии специально для этой книги. Надеюсь, что в таком составе книга будет достаточно полной и значительной.

Кроме Орбелиани, за это время я сделал перевод 4 стихотворений Ильи Чавчавадзе, в том числе «Горам Кварели» и «Базалетское озеро». Эти переводы будут напечатаны в «Дружбе народов» — к юбилею Чавчавадзе; а также перевел 4 стихотворения ваших молодых товарищей Нонешвили и Маргиани, вечер которых мы провели здесь в ССП.

Мои планы на весну и лето такие. На май месяц в составе бригады я приеду в Тбилиси, но май пройдет в делах, вечерах и разъездах, и писать едва ли придется. Затем я вернусь в Москву за семьей, и, если это будет возможно, в середине июня мы месяца на два снова приедем к вам, ориентируясь на Сагурамо, чтобы семья отдохнула, а я поработал над окончанием книги. Обо всех этих делах мы еще поговорим в мае месяце.

Вместе с этим письмом я посылаю письмо Бесо Жгенти и прошу тебя передать его по адресу. В нем я даю проспект книги и пр. с тем расчетом, чтобы Бесо имел о книге более ясное представление и знал, как нужно составить договор. Меня, конечно, весьма устроило бы, если бы он в апреле месяце сумел заключить со мной этот договор и заплатить часть денег. Вот все, что я тебе хотел сообщить. О прочих вещах мы будем иметь возможность говорить с тобою в Тбилиси. Передай наш общий сердечный привет Марии Николаевне. Екатерина Васильевна мечтает о Грузии, где она надеется еще ближе познакомиться с вами, т. к. питает к вам обоим великую симпатию. Дети мои здоровы и заняты своей школой.

Будьте здоровы. Жму руки.

Твой *Н. Заболоцкий.*

В. А. ДЕСНИЦКОМУ

14 дек. 1947. Москва.

Дорогой Василий Алексеевич!

Позвольте Вас от всей души поздравить с приближающимся Вашим юбилеем и пожелать Вам здоровья и долгих дней неутомимой Вашей работы. Мне хочется, чтобы это мое поздравление было предварительным, т. к. к 30 января я постараюсь приехать в Ленинград, с тем чтобы обнять Вас и поздравить Вас по-настоящему. Сколько раз за эти годы мы с Катей вспоминали Вас как отца родного и вместе с этим вспоминали нашу молодость, и Герценовский институт, и наш милый Ленинград, с которым так много связано в нашей жизни! Я очень хорошо помню, как в августе 21 года, когда на стенах города были расклеены афиши о траурных вечерах по поводу смерти Блока, Вы впервые экзаменовали меня, принимая в институт; как я безбожно путал Пугачева со Стенькой Разиным, но зато назубок знал символистов вплоть до Эллиса и как Вы тогда мне сказали, что в голове у меня порядочная каша и что если и есть в ней что-нибудь порядочное, — то это безусловное желание учиться. В сущности говоря, тогда решалась судьба этого вятского паренька; эту судьбу решали Вы, и Вы решили ее человеколюбиво и правильно. А в институтские годы

сколько раз Вы охраняли меня [...]! Всегда, вплоть до последних лет моего отсутствия, я чувствовал Вашу внимательную и направляющую руку, и в эти дни Вашего праздника мне хочется выразить Вам свою человеческую, душевную признательность не пышным языком официальных поздравлений, но простыми и искренними словами, полными любви и благодарности.

В редакцию «Ученых записок института», для тома, посвященного Вам, я послал свое стихотворение, но т. к. оно предназначено для печати и в нем неуместно говорить о вещах узколичных, то и звучит оно несколько общо и условно; надеюсь, Вы не посетуете на меня за это.

Два слова о себе. Жизнь моя все еще не может войти в нормальную колею после всех бед, испытанных мною. Ютимся под Москвой по чужим углам; много занимаюсь переводом грузинских классиков; немного печатаюсь в «Новом мире»; в «Советском писателе» принята к изданию книжка стихов, которая, надо думать, к весне выйдет.

Пишу трудно, с напряжением; многое в своих стихах самому не нравится; с годами утратил былую детскую самоуверенность, но, вероятно, немножко научился присматриваться к людям и стал любить их больше, чем раньше.

Милый Василий Алексеевич, крепко жму Вашу руку и обнимаю Вас. Катя едет сегодня в Ленинград; она передаст Вам это письмо.

На всякий случай, если Вам не попадался на глаза мой перевод «Слова о полку Игореве», посылаю Вам оттиск его из журнала. Эта работа стоила мне больших хлопот, но, кажется, запоздала и не пришлась ко времени. Будьте здоровы.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

Москва, 1-й Бабьегородский пер., д. 12, кв. 48.

Е. И. и Е. Л. ШВАРЦАМ

14 дек. 1947. Москва.

Милые друзья Евгений Львович и Катерина Ивановна!

И обнимаю Вас, и целую Вас, и куда Вы девались, и почему о Вас ничего не слышно? И что нам теперь

делать, если Вы нас больше не любите, и куда нам теперь деваться, если Вы нас больше не уважаете? И с кем я теперь выпью свою горькую рюмочку, когда нет коло меня милого друга Женички, когда не сидит супротив меня милый друг Катенька? А пойду-ка я, старый сивый черт, во темный лес, а кликну-ка я, старый сивый черт, зычным голосом: — Вы идите ко мне, звери лютые, звери лютые членистоногие, членистоногие да двоякодышущие, да поглядите-ка вы, звери, в ленинградскую сторонушку, да заешьте-ка вы, звери, милого друга Женичку, милого друга Женичку со его любезной Катенькой!

Тот Женька-плут
Умком востёр,
Умком востёр
Да блудить мастёр!

Все с актерками Женька путается,
Со скоморохами Женька потешается,
Со гудошниками Женька водку пьет,
Водку пьет да в долони бьет!

А уж время ему, старому мерину,
От той бы забавушки очухаться,
Очухаться, да раскумекаться,
Да сказать ему, Женьке, таково слово:
— Пойду-ка я, Женька, старый плут,
Старый плут, горемычный сын,
Во почтовое да отделение,
Во советское наше заведение!
Да возьму-ка я во резвы рученьки
Золотое перышко гусиное,
Да напишу-ка, Женька, писулечку
Своему другу Николаю Алексеичу
Да тому ли господину Заболоцкому!

Господин-то Заболоцкий во палатах, чать, сидит,
Во палатах, чать, сидит да не ест, не пьет,
Обо мне, чать, Женьке, думу думает,
Бородой трясет да сокрушается.
А подам ему я, Женька, свою весточку,
Уж как вскочит он на резвы ноженьки
Да зачнет он тую весточку прочитывать,
Резвой ноженькой притоптывать, да приговоривать:

— Знать, и впрямь я, сударик, Заболоцкий сын,
Не дубовая колода, не еловый сук,
Коли Женичка-дружок ко мне пописывает,
Коли Катенька сахарную ручку прикладывает.

Да! Жди от вас! Напишете, когда рак свистнет.

Целую Вас, беспутные друзья мои.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

В. А. ДЕСНИЦКОМУ

8 мая 1948. Москва.

Дорогой Василий Алексеевич!

Посылаю Вам стихотворение «Садовник», о котором Александра Митрофановна написала Кате столько лестного. Мне очень приятно, что оно пришлось Вам по душе, хотя оно, конечно, не исчерпывает всех чувств, которые я к Вам питаю.

На Ваш юбилей мне приехать не удалось, и вряд ли до будущей зимы я соберусь в Ленинград. У нас разные личные бытовые новости, о которых Вам расскажет Катя.

Будьте здоровы, дорогой Василий Алексеевич, крепко жму Вашу руку. Если Вы соберетесь в Москву, как бы хорошо было, если бы Вы у нас остановились! Прошу передать мой сердечный привет Александре Митрофановне.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

САДОВНИК

В. А. Десницкому

Тому, кто мыслит с веком заодно,
Чей славный труд принадлежит отчизне,
Не всякий раз бывает суждено
Пожать плоды своей прекрасной жизни.

Но, если есть награда за труды, —
Что может быть отраднее сознанья
Садовника, взрастившего сады
На каменистых склонах мирозданья?

Творец садов, он счастлив оттого,
Что дал он миру тысячи растений,
Где каждый лист — живая мысль его,
Где каждый плод — души его творенье.

В его садах — избыток дивных сил,
Их не убьют ни засухи, ни стужи...
Учитель мой! Ты не сады растил —
Ты строил человеческие души. [...].

В многообразном шуме бытия,
В глубинах обновленного народа
Она живет — живая мысль твоя,
И ширится и зреет год от года.

И в дело воплощаются мечты,
И не грозит садам твоим терновник...
Поистине сегодня счастлив ты,
Живых сердец взыскательный садовник!

1947

Н. Заболоцкий

Е. И. и Е. Л. ШВАРЦАМ

12 сент. 1948. Москва.

Милые Екатерина Ивановна и Евгений Львович!

Посылаю Вам с В. А. Кавериным мою книжечку, — читайте, не гуляйте, нехороших слов не говорите, автора худом не вспоминайте. Написал бы лучше, да овес дорог, животишки поослабли, в головке трясение.

Дорогие друзья, сделайте мне одолжение: раздайте книжечки по адресатам моим немногим ленинградским друзьям; не посетуйте, что затрудняю, — сами знаете — в Ленинград мне попасть трудно, а друзей забывать негоже.

Прошел тут слух, что в сентябре вы собираетесь в Москву, вот бы уж мы рады были, не вздумайте останавливаться где-либо, кроме нас: Беговая, д. 1а, корпус 29, кв. 1.

Но Вы народ неверный, скажете и надуете.

Приезжайте, дорогие, вы знаете, как мы вас любим. Ножки будем мыть, воду будем пить, а уж доставим полное уледовлетворение. (Когда я был реалистом и объяснился в любви одной барышне, она мне ответила запиской: «Я не намерена уледовлетворять ваши низкие потребности».)

Милые Шварцы, обнимаем и целуем вас и ждем в Москву. Катя целует.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

Детишки кланяются до боли в мозжечках.

Десницкому и Лозинскому книжку можно передать через Томашевских.

С. И. ЧИКОВАНИ

16.1.49. <Москва>.

Дорогой Симон!

10-го числа я получил твой подстрочник и два дня просидел над ним. И веришь ли? — у меня ничего не получилось! То ли полоса такая нашла, то ли подстрочник в самом деле труден с его четкими формулировками, — вернее, и то и другое вместе, — но факт тот, что перевод не удался. 13-го числа я пришел к заключению, что время тянуть больше нельзя, и свез подстрочник в «Лит. газету» с тем, чтобы его перевел кто-либо другой. Подстрочник они взяли, но какова будет его судьба — ей-богу, не знаю.

Все это весьма печально, но я добросовестно приложил все усилия к тому, чтобы исполнить твою просьбу, и в этом отношении моя совесть перед тобой чиста. Постарайся на меня не очень сердиться: знаешь сам, что ремесло наше капризное и не всегда можно сделать то, что хочется. Зато два твоих стихотворения «Садовник Картли» и «Вечер в Колхиде» сдал в «Огонек», и Кудрейко обещал напечатать их с твоим портретом.

Последние месяцы я занимался главным образом переводами с украинского. Перевел более 2000 строк М. П. Бажана и Леси Украинки для Гослитиздата. В частности, переводы новых стихов Миколы Платоновича из Английского цикла должны скоро пойти в «Огоньке», где ты и можешь с ними познакомиться.

Переводов с грузинского в нынешнем году совсем мало: из стихов, кроме Ир. Абашидзе, запланированного в «Советском писателе», я, в сущности говоря, ничего не вижу. В связи с этим мне хочется более конкретно выяснить положение с В. Пшавела в «Заре Востока». Если наши летние разговоры на эту тему — не пустые разговоры, то их нужно оформить, т. е. поставить книгу в издательский план 50 года, заключить со мной договор теперь же и выслать наконец подстрочники. Книга на 5000 строк, срок представления 1 января 1950 г. Но нужно дело оформить и приступать к работе.

Если же это дело расклеивается, то извести меня об этом, чтобы я знал. Тогда я возьму прибалтийские литературы, которые мне здесь предлагают.

Здесь продолжает гостить Каладзе, у которого был вечер в Союзе.

Мои все здоровы и шлют тебе и всей твоей семье сердечный привет.

Как твое здоровье?

Пиши и не забывай меня.

Жму твою руку.

Н. Заболоцкий.

С. И. ЧИКОВАНИ

12 марта 1949. Москва.

Дорогой Симон!

Посылаю тебе для ознакомления мой перевод «Этери» Важа Пшавела. Когда будет свободное время, просмотри его, пожалуйста, и сообщи мне свое мнение. Я с большой любовью делал эту вещь, заботясь о том, чтобы по-русски она звучала во весь голос, и, признаюсь, доволен ею, особенно некоторыми частями.

Это моя первая работа для будущей книги Важа Пшавела. Теперь я заново делаю «Алуду Кетелаури» сплошь рифмованным ямбом. Дальнейшая работа тормозится за неимением подстрочников. В первую голову мне нужны: «Гость и хозяин» и «Бахтриони». Бесо обещал выслать мне в феврале, и опять не послал. Нельзя ли немного их подогнать? Полгода люди обещают, а дело ни с места. Если тебе не трудно, проверь, пожалуйста, включена ли книга в изд. план 1950 года, и выясни, когда может быть со мной заключен договор? Как ты видишь, я свои обязательства выполняю, и у меня работа на ходу, но меня нужно подкрепить материально.

Бесо обещал в начале марта выслать 40% гонорара за Руставели, но не шлет. А деньги мне сейчас нужны чрезвычайно, и я очень тебя прошу поторопить его с этим делом.

Твоя книга в «Советском писателе» ушла в производство. Переводы стихов в «Огоньке» уже набраны; обещают пустить в одном из ближайших номеров.

Я очень увлечен Важа Пшавела и надеюсь в течение года, если вы меня поддержите, сделать хорошую книгу. Я ей сейчас отдаю все лучшие свои силы и смотрю на нее, как на дело своей писательской чести. У меня была мысль написать по этому поводу Р. С. Шадури с просьбой поддержать меня в этой большой работе, рассчитанной на 2—3 года. Если ты это находишь целесообразным, сообщи, и я напишу. В случае же, если он уже в курсе дела, то я всецело полагаюсь на тебя.

Было бы очень желательно повысить темпы моей работы, но это зависит уже от вас.

Дорогой Симон, извини за мои постоянные просьбы; я прибегаю к ним только потому, что ты принимаешь близко к сердцу мою переводческую работу.

Возможно, что летом я опять приеду в Сагурамо, чтобы семья отдохнула, а я поработал над Важа Пшавела в контакте с вами.

Передай мой сердечный привет Марике и всем твоим домашним. Катя вам кланяется; она часто вспоминает о Грузии, которую успела полюбить по-настоящему.

Твой *Н. Заболоцкий.*

Д. С. ЛИХАЧЕВУ

10 февраля 1950 г. Москва.

Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Я разобрался в Ваших замечаниях к моему переводу и удостоверился в Вашем просвещенном понимании тех специально поэтических задач, которые стояли передо мною. Нужно сказать, что далеко не все специалисты проявляют к работе поэта подобное чутье. Поэтому сотрудничать с Вами мне вдвойне приятно, и я очень жалею о том, что в свое время не имел возможности пользоваться Вашими советами.

Посылаю Вам текст перевода с исправлениями, сделанными по Вашим замечаниям.

Исправление 7-го замечания (о Диве) не примите за реверанс в сторону Югова. Во-первых, Югов здесь не оригинален. Во-вторых, у меня сравнение «как», а не понимание Дива в качестве дикого половца. Это сравнение уясняет ситуацию.

8-е замечание: «уж лиса» — я решил оставить старый вариант, так как единственное в народной речи часто употребляется вместо множественного.

11-е замечание. Исправлено приблизительно. Все равно без примечания не обойдемся, а рифму терять жаль.

14-е замечание: по уставу. Нужно ломать всю строфу, что нежелательно, так как первые 3 строчки хороши для начала. Другие же рифмы: слава, держава (понятие более позднее, не так ли?). А с другой стороны, устав может быть неписаный, в смысле: обычай. Пока решил оставить.

17-е. Давайте барсов оставим. Пардусы и гепарды — это для нашего читателя дело темное, а сущность образа не меняется.

21 и 24. Дверь Дуная и На р и г е, — я думаю, это несущественно, оставил.

По всем остальным двадцати замечаниям исправления худо ли, хорошо ли, но сделаны. Причем сон Святослава стал явно л у ч ш е, — Ваше толкование очень убедительно. «Конскую историю» Всеслава я решил обойти. Она требует большого количества стихотворной «отсебятины» или особого примечания-комментария, чего я стараюсь избегать.

Стилистически многие места после исправления, мне кажется, выиграли.

Будьте любезны сообщить мне Ваши соображения по поводу исправлений. На некоторые отдельные строфы перевода у меня имеется более сотни вариантов, но все же перевод, видимо, не созрел еще окончательно даже в пределах того замысла, который я имел в виду.

Одновременно с этим письмом посылаю текст перевода В. П. Адриановой-Перетц, приглашение которой я получил на днях.

В случае, если исправления Вас удовлетворят, рукопись перевода с Вашим решением нужно, очевидно, направить в редакцию Детгиза, где ее приведут в подходящий для набора вид.

Будьте здоровы.

Уважающий Вас *Н. Заболоцкий.*

Д. С. ЛИХАЧЕВУ

20 февраля 1950 г. Москва.

Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

В ответ на последнее Ваше письмо хочу поделиться с Вами некоторыми соображениями по поводу «Слова».

Отношение автора к Бояну. Начинать свою песнь с поношения своего прославленного и давно умершего предка-певца — не в духе и не в стиле эпохи. Неясности начала дали исследователям печальный повод приписать автору психологию времен неизмеримо позднейших. Древние русские люди так не делали. Если они шли наперекор старине, то делали это без деклараций; на словах они всегда демонстрировали свое уважение к прошлому, идеализируя его. Вы же это лучше меня знаете.

Все «бояновские» места «Слова» свидетельствуют о том, что Боян для автора — учитель, великий предшественник, вещий певец, провидец. Цитаты из него приводятся с мыслью: «Вот ежели бы ты пел о нашем времени!» И видимо, что стилистически автор старается идти за Бояном. Подражание великим образцам прошлого было в старину почетным делом. «Старыми словесы» — теми же добрыми старыми (испытанными) словами, какими наши славные деды пели о временах могучего

Ярослава. Можно видеть на примере «Задонщины», как пели старыми словесы. Другое дело, что автор ее был посредственным писателем.

Все дело только в том, что автор «Слова» хочет петь о подвигах современных ему князей — Игоря, Всеволода и др., в то время как Боян пел Ярослава, Мстислава и др. «не по замышлению Бояна». Замышление Бояна — воспеть могущество Ярославова времени, но это время давно минуло, у певца другое замышление — повествовать о печальном времени развала и кликнуть клич о спасении земли русской. Вот и все. Новые времена — новые песни. Хорошо было бы, если бы сам Боян сия полки ущекотал, но нет его, приходится это делать другому!

В моем переводе я не толкую это понимание до конца. Но, может быть, Вы правы в отношении строчки «Не гоняясь мыслью за Бояном». (Кстати — она из перевода Майкова.) М. б., поставить: «Не гоняясь в песне за Бояном»? Это нейтральнее и не противоречит ни подлиннику, ни моему пониманию его.

Что-то сомнительным кажется мне чтение «серые в*о*роны» в сне Святослава. Все-таки не бывает этого в природе. Есть в тексте три схожих места: Дѣти бѣсови, Бусови врани и Время Бусово. С чего бы, собственно, готским девам в XII веке петь время Боозово? И побили этого Бооза, и давным-давно это было — в IV веке! Наверное, это профессора выдумали! Не бесово ли время поют готки, когда побиты русские, когда отмщен Шарукан? (Бесово — с точки зрения певца-патриота.) С другой стороны — бусый в смысле цвета (в применению к в*о*ронам), хотя и легко толкуется даже по Далю, но уж что-то очень несообразно. В*о*рон может быть только черным, с синеватым отливом. Ворон*о*й. Не бесовы ли врани все-таки? Лучше бы поставить в моем переводе: Вражий ворон в Плесенске кричал.

И вы и В. П. Адрианова-Перетц, хотя и по разным мотивам, возражаете против строчки «Уж лиса». Коль такое у вас единодушие, значит, в строчке действительно не все благополучно. В. П. предлагает вариант «На щиты червленые лисицы брешут», но это не подходит, т. к. неудобно пятистопный хорей в данном случае перебивать шестистопной строчкой, затем — получается сдвиг «червленые лисицы», наконец, ослабляется созвучие «брешет — скрежет». М. б., сделать так: «Стая лис на щит червленый брешет»? Я еще подумаю.

Если мой перевод пригодится для «Библиотеки поэта», я, конечно, буду только рад этому. Что же касается других переводов с древнерусского, то из всего, перечисленного Вами, я прилично знаю только «Задонщину», но ценю ее лишь как подсобный материал для изучения «Слова». Впрочем, о возможных будущих работах, так же как и о «Слове», я был бы рад побеседовать с Вами при встрече. Когда надумаете быть в Москве, прошу Вас навестить меня, предварительно позвонив по телефону Д 300—80, добавоч. 10. У меня, как и у всякого дилетанта, интересующегося «Словом», есть всякие касающиеся его доморощенные теории, которые мы с Вами могли бы обсудить за бутылкой цинандали.

Будьте здоровы.

Уважающий Вас *Н. Заболоцкий.*

Е. И. и Е. Л. ШВАРЦАМ

13 июля 50 г. <Москва>.

Дорогие Катерина Ивановна и Евгений Львович!

Давно не имеем от Вас вестей. Как Вы живете? На днях Катя была у Наташи и смотрела внука, которого весьма одобрила и нашла, что со временем он сможет заткнуть за пояс дедку. Я лично в этом сильно сомневаюсь, т. к. дедкины габариты тоже не фунт изюму, — поясок потребуется продолговатый.

Мое семейство ознаменовало лето рядом крупных достижений: а) Наталья сдала экзамены на пятерки и перешла в 7-й кл. в) Никита, сдав экзамены, получил аттестат зрелости с пятью четверками, остальные — 5. с) Моя законная жена с отличными показателями закончила всемирно известные Курсы Кройки и Шитья и получила соответствующий диплом, вызывающий удивление во всей округе. Что касается меня, то я закончил свой труд (Важа Пшавела, том поэм) и 15-го еду доделать его на месте и сдать в Тбилиси в изд-во.

Вот в чем дело, друзья мои. Каковы ваши планы на лето? Вернее, долго ли вы намерены жить у себя на даче? Т. к. Никита нынче сдает в вуз (с/х Академия им. Тимирязева), то Катя не может его здесь бросить одного. Я еду по делам. Наталья у нас не у дел — в городе ей

отдыхается плохо. Нельзя ли ее подкинуть к Вам на дачу на некоторое время? Мы с Катей просим Вас откровенно и прямо написать нам, как Вы на это смотрите, не испортит ли это Вашу жизнь, не разрушит ли какие-нибудь планы и пр. Если это неудобно, мы что-нибудь другое придумаем, а если б. или м. удобно, Катя привезет ее к Вам. Девчушке 13 лет, она уже не маленькая. Только чур — написать, не кривя душой, по-дружески.

Засим целую Вас, желаю здоровья и радостей.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

Беговая, 1-а корп., 29, кв. 1.

Е. Л., когда приедешь в Москву? И К. И. возьми с собой, наконец! Мы вас сто лет не видали.

М. П. БАЖАНУ

31 окт. 1950. Москва.

Дорогой Микола Платонович!

Вчера, возвратившись из Грузии, я получил Вашего великолепного Руставели. Благодарю Вас за память и внимание. Издание действительно прекрасное.

В Грузии я снова несколько правил своего Важа — теперь уже по собственной инициативе. Книга сейчас набирается в «Заре Востока» и к грузинскому празднику должна выйти.

Особенных новостей в Грузии нет. Симон с 25-го ушел в отпуск и собирается отдыхать в Сухуми. В конце ноября обещал быть в Москве. Съездили мы в Кахетию — побывали в Кварели, Гурджаани; осмотрели Греми, где я чуть не помер от страха, карабкаясь на башню и особенно спускаясь вниз.

Пито было кахетинское, и за Ваше здоровье неоднократно.

Будьте здоровы, и по приезде в Москву не забудьте позвонить по моему телефону.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

Г. Н. ЛЕОНИДЗЕ

6 сентября 1951 г. Москва.

Дорогой Георгий Николаевич!

Начерно разобравшись в подстрочнике Д. Гурамишвили, я нахожу, что в основном он удовлетворителен. Однако:

Первое: не хватает следующих, совершенно необходимых для перевода глав

В «Бедах Грузии»

1. Поучение, как нужно быть осторожным и готовым для дальнего пути.
2. Сон Давида Гурамишвили в плену.
3. Побег Давида из плена.
4. О том, как Давид Гурамишвили, выйдя из пещеры, встретил незнакомых людей и пр.
5. Побег из плена в Россию.
6. Уход царя Вахтанга и его сына Бакара в Дербент.

Второе: посланы подстрочники следующих произведений, перевод которых на русский язык в настоящее время не представляет никакого интереса:

1. Экспромтное восхваление богоматери Давидом Гурамишвили, который вместе с конем завяз в болоте в Кюстринском сражении.
2. Иной мотив.
3. Покаяние Давида Гурамишвили в своих прегрешениях.
4. Слово сие — божие.
5. Сироты (слава тебе, господи).
6. Песня хороводная.
7. Вторая песня Давида.
8. Звук русской песни.
9. Третья песня Давида.
10. Ария, которая есть плач.
11. Песня (на русский мотив: «Нету злости надо мною»).
12. Дополнение (прославлять и воспевать кого?).
13. Повесть души (в IV книге).

Из перечисленных 13 произведений пометку о Вашем забраковании имеют только 5, а именно 6, 7, 8, 9, 10-е.

Третье: Плач Давида о мгновенном мире (в 3-й книге) переведен небрежно, без указания рефрена.

Четвертое: в самом тексте подстрочника есть ряд самоочевидных смысловых погрешностей. Напр., на стр. 29 сказано о зверях: Людей праведных не трогали они. Между тем речь идет не о людях, а о скоте [1]. Таких ляпсусов в подстрочнике довольно много, и они затрудняют работу. Я не уверен, что я всюду их обнаружу. Потребуется мелочная и тщательная редактура и переделка уже готового текста перевода.

Прошу Вас немедленно выслать мне подстрочник недостающих глав, отредактированный Вами. Я уже подхожу к ним; если они запоздают, я потеряю естественный разбег перевода, и это отразится на его качестве.

В данное время выехать в Грузию я не могу, так как мое присутствие в Москве необходимо. Если действительно есть срочная работа, прошу выслать подстрочники в Москву.

Прошу передать привет Вашему семейству.

Искренне уважающий и любящий Вас *Н. Заболоцкий.*

М. П. БАЖАНУ

27 сентября 1951. <Москва>.

Дорогой Микола Платонович!

Я тружусь над переводом Гурамишвили, в связи с чем хочу навести у Вас некоторые справки. Вообще говоря, мне очень помогает Ваш перевод в том отношении, что, сверяясь с ним, я обнаруживаю много ошибок в подстрочнике Надирадзе. Не могу не оценить и Вашего перевода: помимо того, что он хорошо звучит — он очень точен, в некоторых местах почти буквален, что, к моему удивлению, не снижает качества стиха. Этот восьмистопный хорей хорош тем, что он достаточно емок для передачи текста. Отрицательное же качество его, мне кажется, в том, что часто звучит он слишком ретиво и тем самым отдаляется от повествовательных интонаций шаири. Но это — дело сложное: русский (или

---

[1] საცხოვარი — автограф. (*Примеч. Н. З.*)

украинский) шаири едва ли будет когда-либо изобретен подобно тому, как в свое время был изобретен русский гекзаметр.

Меня интересует вот что. У Гурамишвили мы имеем подзаголовки: на мотив песни «Масон», «Чувствую я скорби люты» и пр. Не интересовались ли Вы: имеются эти песни где-нибудь в наших старинных сборниках или нет? Как тут быть с размером? Я пытаюсь разобраться по грузинским размерам, но это не всегда удается. Конечно, по строчке мотива и по грузинскому звучанию часто можно кое о чем догадаться, но ведь структура четных строчек остается неясной! В случае с песней «Масон» дело совсем туманно. Ведь Вашу строчку «Сонце! Як тебе не бачу» нельзя спеть как «Мзэв! Сиш*о*рита ш*е*нита». Я понимаю, что на этот размер Вас толкнул все тот же наш условный хорей, т. к. здесь шаирические строчки. Но все же, что это за песня «Масон» и как она звучит? Так же сложно дело обстоит и с «Веселой весной».

Я просматриваю состав полного подстрочника и те купюры, которые сделаны у Вас. По всей видимости, и я последую Вашему примеру, т. к. эти купюры естественны для нас, но исключу еще родословную царей. Ваша купюра в последнем письме кахетинского Константина убедительна, но при ней делается не весьма ясной дальнейшая реплика Вахтанга «Отступник учит вере», ибо это поучение (в устах мусульманина оно действительно странно!) у Вас выброшено. Но, в конце концов, это — детали не первой важности.

Я пока еще перевожу «Беды», так что обо всей книге говорить не могу. Когда «Беды» будут готовы, я хочу просить Вас прочесть мой текст и сделать Ваши замечания. По поводу Вашего перевода у меня есть кое-какие мелкие заметки, но они нуждаются в проверке. В дальнейшем, если Вы еще не утратили интереса к этой книге, я могу сообщить их Вам. Но это — мелочи. В целом Вы очень удачно сделали это большое дело.

К 10 октября мы с Гольцевым и Гогоберидзе летим в Тбилиси на совещание переводчиков. Новостей в жизни особых нет, за исключением дел переводческих, но Вы в курсе их.

Жму Вашу руку. Передайте наш сердечный привет Нине Владимировне, Вашим родителям, Виле.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

2 октября

Микола Платонович! Это письмо несколько задержалось. Сегодня звонил П. Г. Антокольский, который сообщил, что Вы высылаете заключительное стихотворение к Вашему циклу, и «Знамя» торопит с переводом. Т. к. 7-го вечером я вылетаю в Тбилиси, — перевести стихи мне не успеть, а переводить после 20-го, когда вернусь, будет уже поздно. Поэтому переведет кто-нибудь другой, и Вы уж на меня не посетуйте: так сложились обстоятельства.

Ваш *Н. З.*

С. И. ЧИКОВАНИ

6 июня 1953 г. <Москва>.

Дорогой Симон!

Как мне ни тяжело написать тебе это письмо, но его написать надо. Много раз в течение этих двух месяцев я принимался за перевод твоих стихов, но ничего путного у меня не получилось и не получается до сих пор. Получается нечто столь искусственное, что я не имею права выдавать за твои стихи и под чем я не могу ставить свою подпись переводчика. И сам я не могу хорошо понять — в чем дело. И стихи мне за малым исключением нравятся, и сам я как будто в нормальной рабочей форме, однако — дело ни с места. По всей видимости, дело в том, что эти стихи не в плане моих последних работ, о которых я постоянно думаю, а также потому, что я не знаю Польши и не могу дополнить подстрочник своими конкретными представлениями. Так или иначе, но переломить себя я не могу и волей-неволей не могу выполнить своего обещания. Мне вдвойне тяжело, что я в какой-то степени подвожу именно *тебя,* а не кого-нибудь другого, тебя, который так мне близок, как человек, и дорог, как поэт. Но будучи поэтом, ты только и сможешь понять меня. Вероятно, что-нибудь подобное и у тебя в жизни бывало.

Поэтому, дорогой Симон, я и пишу тебе это письмо и прошу передать подстрочники кому-нибудь другому. Может быть, их сделают Тарковский или Межиров — они оба хорошие переводчики.

У меня был творческий вечер, связанный с 50-летием, прошел хорошо, читал свои стихи, и читал много, и они были очень хорошо встречены — правда, народу было немного — человек 40—50. Сам же я занимаюсь русскими былинами. Что получится из этой затеи, сказать еще трудно.

Семья живет нормально, Никита уехал на практику, Наташа кончает экзамены. Предполагаем поехать на Рижское взморье. Когда мы увидимся с тобой? Я в Грузию пока не собираюсь. Ждали тебя в Москву в мае — не приехал. Сердечный привет Марике, Никуше и всем вашим. Будь здоров, дорогой Симон; извини, что так бессовестно, хотя и не преднамеренно, я подвел тебя.

Н. Заболоцкий.

А. К. КРУТЕЦКОМУ

2 января 1954 г. <Москва>.

Дорогой Алексей Константинович!

Ваше второе письмо в Москве меня не застало: я уезжал в Грузию и возвратился домой только к Новому году. То, что Вы мне пишете, очень понятно и дорого мне, хорошо, что у нас есть такие семьи, как Ваша, и хотелось бы, чтобы таких семей было больше и больше. Я буду рад получить от Вас письмо о том, как отнеслась к Важа Пшавела и Ваша семья, и о том, какое мнение составили Вы об этом поэте, прочитав всю книгу. Мне кажется, этот писатель заслуживает нашего внимания по-настоящему. Вы говорите, что в этой книге присутствую я, — правда Ваша, но правда и то, что у меня с этим поэтом много точек соприкосновения: та часть, которой я присутствую в этой книге, входит в поэзию Важа Пшавела не по моему произволу, но потому что она — и его часть.

Что касается стихов Вашего сына, то мнение мое таково. Хотя не чувствуется в них ни профессионального опыта, ни опыта длительной работы, которая сама по себе способна сложность привести к простоте, неясность — к ясности, внешний эффект заменить сдержанностью формы, хотя и нет еще всего этого в стихах, но в них есть другое: хороший человеческий росток поэтической мысли, и это главное. Взор любимой во много раз

милей любого отраженного света, будь он самым величественным и эффектным с виду, — вот эта мысль, и это есть самое хорошее из того, что заключено в этом небольшом стихотворении. Особыми художественными достижениями оно не отличается, есть и ошибки фактические. Ведь луна блещет отраженным светом солнца, а не светом «над тобою проплывающих планет».

Что можно сказать молодому поэту? Много ли людей пишущих, печатающих дали людям действительно ценное? Единицы. Но этих единиц не было бы, если бы не существовало тысяч пишущих. Поэтому я желаю Вашему сыну быть верным самому себе, а остальное покажет время. Качество человека не по его специальности измеряется. А с другой стороны: именно из таких семей, как Ваша, выходят писатели и ученые. Так было и будет.

Поздравляю Вас, дорогой Алексей Константинович, с Новым годом, желаю здоровья и успехов. Передайте мои новогодние поздравления всей Вашей семье, которой я заочно любуюсь.

Крепко жму Вашу руку и жду писем.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

С. И. ЧИКОВАНИ

18 ноября 1954. Москва.

Дорогой Симон!

Благодарю за книжку, которую я получил на днях. Хорошая получилась книжка. Я несколько удивился, что ты дал «Старика из Атени» в моем переводе. Он мне не особенно удался.

Я уже третий месяц валяюсь больной. Теперь начинаю вставать и немного ходить. Работать еще не позволяют и, наверное, не позволят еще долго.

Благодарит тебя за книжку Н. Л. Степанов. [...].

Шлем свой сердечный привет Марике и Нике. Что с ним? Мы имеем самые противоречивые о нем сведения. Одни говорят — заболел серьезно, другие — уже выздоровел. Напишите нам пару строк.

Извини за неряшливое письмо — пишу лежа.

Привет Элисо Ник., Шалве Сол., Зурико.

Н. Заболоцкий.

С. И. ЧИКОВАНИ

19 июля 1955 г. Москва.

Дорогой Симон, я получил твое письмецо относительно статьи о Гурамишвили. Что-нибудь пришлю. Но сегодня мне сказали, что празднование юбилея откладывается на два месяца. Правда ли это? Если это правда, то, вероятно, и ваш юбилейный номер тоже будет отложен?

Я нынче на даче под Москвой, где работаю и понемногу поправляюсь. Все еще не могу поправиться как следует, чему, впрочем, вредит работа. Работаю больше, чем следует. А без работы мне скучно.

Дача у нас в 40 км. от Москвы, удобная. Если бы ты с Марикой задумали к нам приехать — для Вас была бы отдельная комната и мы были бы рады Вам.

Как Вы живете и что нового у Вас? М. б., в самом деле соберетесь в Москву? Телеграфируйте нам!

Наш адрес теперь пишется по-новому:

Москва, 7, Хорошевское шоссе, д. 2/1, корпус 3, квартира 25. Телефон тот же.

Марике сердечный привет от всех нас, а также Нике и всем друзьям.

Н. Заболоцкий.

С. И. ЧИКОВАНИ

30 августа 1955. <Подлипки>.

Дорогой Симон!

Я стал хуже себя чувствовать, и поэтому пришлось поехать в санаторий до 25 сентября. Очень жалею, что так получилось; без меня тебе будет трудно договариваться о Руставели.

Дело обстоит так. Рукопись я сдал в Гослитиздат. [...]. Алекс. Петр. Рябинина знает, что мы договорились с тобой о редактуре, и ждет, что ты зайдешь к ней, чтобы оформить это дело и договориться о частностях. Самое главное — надо решить, *где* мы будем работать. Я пока ехать в Грузию не могу. Ты, очевидно, много времени провести в Москве со мною тоже не сможешь. Может быть, тебе сейчас лучше взять из Гослитиздата мою ру-

копись с собою, дома, в Грузии, сличить ее с оригиналом, сделать свои пометки и замечания, а затем, когда у тебя будет время (через месяц-два), приехать в Москву и поработать здесь со мной. В таком случае тебе нужно договориться с Рябининой относительно твоей командировки в Москву и вытекающих отсюда обстоятельствах.

Было бы очень приятно, если бы ты с Катей навестили меня в Подлипках, чтобы договориться лично.

Моя рукопись вполне рабочая: там надо еще порядочно поработать, так как есть много неточностей перевода. Но самое сложное заключается в том, что может врать подстрочник — и вот тут-то я без твоей помощи бессилен

Постарайся заехать в Подлипки и, во всяком случае, держи меня в курсе дела.

Твой *Н. Заболоцкий.*

А. И. ГИТОВИЧУ

29 октября 1955 г. <Москва>.

Милый Александр Ильич, с истинным наслаждением я прочитал Ваши переводы Ду Фу и нахожу, что действительно это замечательный поэт, а Вы с большой душой и редким мастерством перевели его. Эти прелестные маленькие миры полны такой мудрости и доброжелательности к людям, они так непретенциозны, так ненавязчивы и в то нее время так душевно изящны, что не могут не покорить нас. Вы взялись за хорошее дело, нашли, видимо, к нему верный ключ, и я от всей души поздравляю Вас с этим успехом и желаю новых успехов, еще больших.

Вот стихи, которые мне нравятся больше всего: «В снегу», «В одиночестве», «Три стихотворения», «Больной конь», «Стирка», «Сверчок», «Весенние воды», «Беседка па берегу реки», «Встаю рано», «В единении с природой», «Медленно шагаю», «Подъем весенних вод», «Записал свои мысли», «Одинокий дикий гусь», «Лунной ночью с лодки...».

Но и многие другие хороши.

Два маленьких замечания. Очень жалко, что в прелестном стихотворении «Отдаюсь своим мыслям» есть неточности. «Иволга *щебечет»* — ее мелодичный свист не похож на щебетанье. *«Варю* вино из *проса»* — так ли?

Просо сколько ни вари, вина не получится. Можно, видимо, варить (кипятить) уже готовое вино, сделанное из проса (путем перегонки), — но у Вас-то не так получается. «На судьбу *не взглядываю* косо» — не гляжу, не смотрю.

А какое милое стихотворение!

Для меня неясно, хорошо ли в переводах стихов 8-го века употреблять такие слова, как «генерал», «патриот», «кредит»... Я лично остерегаюсь: это слова — нувориши. А Вы что скажете?

В общем, я рад за Вас и за нашу поэзию, которая обогатилась новой книгой полнопенных русских стихов старинного китайского автора.

Привет Сильве Соломоновне. Не забывайте нас!

Ваш *Н. Заболоцкий.*

А. Я. СЕРГЕЕВУ

16 февраля 1956. <Москва>.

Товарищ Сергеев, если я не ошибаюсь, Вы — поэт одаренный и интересный; об этом говорят тут и там прорывающиеся куски истинной поэзии. Но Вы еще едва ли мастер, так как сильно грешите и в части языка, и в образе и композиции. Конечно, во всех этих делах нет и быть не может раз навсегда установленных правил и рецептов, однако, с точки зрения личного восприятия, об этом говорить можно, а Вы, по всей видимости, этого от меня и хотите.

Язык неточен: дед *подвигался* в пчелином чаду; испытывал *срок* (чего срок?); застывшею жидкостью капнув (ну, разве же можно капать *застывшей* жидкостью?); *стелилась* на нем (стлалась); *белесая* ласковость — почему белесая, дело идет о бабьем лете, когда все горит и сияет; *бродячим* вином (бродячими бывают, напр., музыканты, а вино м. б. бродящим, если уж это так надо); *пропадали* в ночь (в ночь можно уходить, а пропадать — в ночи) и пр.

Некоторые образы неточны, неясны. Можно ли нести кувшин на плечах, если он каким-то образом нацеплен на лопату? Много неясностей в стихотворении «Строфы», хотя это стихотворение из присланных наиболее интересное.

По временам чувствуется стремление к нарочитости. Советую Вам сравнить старые книги Пастернака с его военными стихами и послевоенными: «На ранних поездах», «Земной простор». Последние стихи — это, конечно, лучшее из всего, что он написал; пропала нарочитость, а ведь Пастернак остался, — подумайте об этом, это пример поучительный.

Мне нравятся целые куски из стихотворения «Строфы». Элементы образа поддержаны элементами звучания. Это хорошо! Но в целом стихотворение длинно и недостаточно ясно. Я бы прояснил логические линии происшествий, и, вероятно, стихотворение от этого выиграло бы. Ведь даже «Марбург» у Пастернака «понятнее» Вашего стихотворения! Хороша первая строчка в стихотворении «Мед». Какое хорошее начало! Редко стихи так хорошо начинаются. Однако в самом стихотворении много тумана и небрежностей.

Отчего Вы так небрежно рифмуете? (Ноготь — колченогий.)

Стихотворение «Пальцы ног» я не понял. Не знаю, о чем Вы тут написали.

Повторяю: все это мои личные впечатления, ни для кого не обязательные, в том числе и для Вас. Но кажется, что Вам надо побольше работать и одновременно двигаться в сторону живой жизни. Желаю удачи!

Н. Заболоцкий.

С. И. ЧИКОВАНИ

25 февраля 1957. Москва.

Дорогой Симон!

Я получил твою телеграмму о том, что моя книга переводов под твоей редакцией скоро будет сдана в производство. Это известие меня порадовало. Как вы хотите издавать книгу — в одном или двух томах? 23 тыс. строк составят слишком большой том. Не лучше ли дать два тома с тем, чтобы продавать их вместе. В первом томе можно дать Руставели и Гурамишвили, а во втором — поэтов XIX века. Это будет примерно два одинаковых по объему тома.

Затем, если книга считается принятой к изданию, пора бы со мной заключить договор. Издательство, однако,

предпочитает молчать и ничего мне не пишет. Чем это объясняется? Я прошу тебя сообщить Златкину, что я жду договора.

Когда книга будет набрана и сверстана, я приеду в Тбилиси, чтобы прочесть корректуру. Это необходимо; в такой большой книге могут оказаться недосмотры.

Здесь, в Москве, моя книга стихов подписана к печати, и выход ее ожидается в первом квартале. Руставели также подписан к печати, но выйдет позже ввиду сложности оформления.

С Антологией дело обстоит не блестяще. Новые переводы [...], Петровых, в особенности Потаповой, безусловно лучше старых, но зато добавочный фольклорный материал переведен слабовато. Кроме того, у меня сильные сомнения относительно «Торнике Эристави». Перевод, к сожалению, очень путаный и небрежный, с большим количеством ляпсусов. Сроки сдачи миновали, теперь думают сдавать в марте, но т. к. редколлегия не собирается, то не знаю, чем это дело кончится. Ираклий Абашидзе, приехав в Москву, даже не звонил мне, у него не болит голова об Антологии.

Очень прошу тебя поторопиться со статьей о Важа Пшавела в «Библиотеку поэта». Мы так затянули дело, что я боюсь, как бы не запоздала эта книга к декаде.

О делах, кажется, все. Как ты живешь и когда предполагаешь быть в Москве? Я живу не блестяще, все продолжаются семейные неурядицы, и не знаю, когда они кончатся. Здоровье тоже не очень хорошо.

Передай мой сердечный привет Марике, Элисо Николаевне, Шалва Соломоновичу, Нике, Зурабику и всем друзьям. Буду очень благодарен, если ответишь на это письмо.

Твой *Н. Заболоцкий.*

А. И. ГИТОВИЧУ

15 мая 1957 г. <Москва>.

Дорогой Александр Ильич!

Я дважды прочел Вашего Ли Бо и нахожу, что эта работа Вам удалась так же, как и предыдущая. Особенно пришлись мне по вкусу «Без названия», «Шутя препод-

ношу» и целый ряд других. Итак, Вам принадлежит честь первых поистине поэтических переводов китайской классики.

Стихи Ду Фу и Ли Бо стали живыми организмами русской поэзии.

Если бы Вы ничего в жизни не сделали, кроме этих переводов, — и в этом случае Вашему имени была бы обеспечена почетная известность. Будем надеяться, что наши потомки воздадут должное поэтам-переводчикам, искусство которых нимало не уступает искусству оригинальной поэзии.

Будьте здоровы! Сердечный привет жене и сыну.

Н. Заболоцкий.

А. К. КРУТЕЦКОМУ

13 июня 1957 г. <Москва>.

Дорогой Алексей Константинович!

Ваши письма доставляют мне истинную радость, и Вы не сердитесь, что я неаккуратно отвечаю на них. Виной тому моя нелегкая жизнь, говорить о которой подробно нет смысла. Но если слово мое иной раз отзовется в иных душах — значит, и радость есть в этой жизни. Знать, недаром жили Вы и Вашу жизнь, и недаром ворочали свое железо, если выросла Ваша душа, и живет, и покоя не дает, и отвечает таким трепетом на чужие, по родственные слова!

Я-то знаю, что значит физический изнуряющий труд, знаю по своему опыту и потому ценю каждое Ваше слово так, как его надобно ценить. Дай боже Вам спокойной уверенности и глубокого душевного равновесия!

Что касается моего портрета, то он шестилетней данности, и теперь я уже совсем не тот. А что касается характера моего, то Вы — прозорливец, что, впрочем, видно и по многим иным Вашим высказываниям.

Крепко жму руку и шлю сердечный привет Вашей семье. Не забывайте меня!

Душевно Ваш *Н. Заболоцкий.*

С. И. ЧИКОВАНИ

13 августа 1957. <Москва>.

Дорогой Симон!

Вчера, возвратившись с дачи в Москву, где я не был полтора месяца, я нашел твою телеграмму о Чавчавадзе, а также от издательства о Руставели.

О Чавчавадзе я, к сожалению, никакого материала послать не могу. Занимаюсь другими делами и не могу от них оторваться.

Руставели — посылаю тебе корректуру московского издания, по которой следует сверить весь текст. Здесь книга из печати еще не вышла, выйдет к декаде.

Посылаю тебе три перевода твоих стихов. Сделал по мере сил, как мог. Посмотри сам и поступай с ними по своему усмотрению.

Я, по правде говоря, не знал, что ты уже возвратился, и потому не писал тебе.

Передай мой сердечный привет Марике и всем твоим родным.

Я до половины сентября буду жить на Оке, в маленьком городишке Тарусе. О судьбе моего издания в Грузин ничего толком не знаю.

Будь здоров, дорогой мой.

Твой *Н. Заболоцкий.*

А. К. КРУТЕЦКОМУ

6 марта 1958 г. <Москва>.

Дорогой Алексей Константинович!

Спасибо за журнал. Спасибо-то спасибо, а пожурить Вас я должен. Ну как Вам не стыдно, зачем Вы позволили редакции так сокращать Ваш рассказ? Ведь даже неопытному читателю видно, как погуляли по этому рассказу редакторские ножницы! Для чего это Вам нужно было? Что Вы, в самом деле, печатного листа не видели, что ли? Эх, Алексей Константинович, не к лицу Вам это!

Я рассердился на Вас и не скажу о рассказе ничего, пока не прочту его целиком.

Что касается статьи обо мне, то она мне понравилась определенно. Там ножницы тоже гуляли. А в результате получилось, что статью писали как бы два человека. Один писал главные предложения, и по ним видишь, что я вроде как бы дурачок. А другой писал придаточные, и по ним выходит, что я чуть ли не гений.

Очень своеобразная статья!

Автору главных предложений я мог бы сказать две вещи. Первое — о «холодке». Стихотворение подобно человеку — у него есть лицо, ум и сердце. Если человек не дикарь и не глупец, его лицо всегда более или менее спокойно. Так же спокойно должно быть и лицо стихотворения. Умный читатель под покровом внешнего спокойствия отлично видит все игралище ума и сердца. Я рассчитываю на умного читателя. Фамильярничать с ним не хочу, т. к. уважаю его.

Второе — о стихах типа «Старая актриса». Тут автор кое в чем прав, безусловно. Но я об этом догадался еще в прошлом году и сделал для себя выводы.

Я смертельно завален работой, потому и не писал Вам давно. Тут издательство «Искусство» под маркой издательства «Заря Востока» выпускает к грузинской декаде двухтомник моих переводов грузинской классики. Горы корректур, которые никому доверить не могу. Около 70 листов. Освобожусь к апрелю.

Что с Вашим сердцем? Я тоже старый сердечник, так как здоровье моего сердца осталось в содовой грязи одного сибирского озера. Два с половиной года назад был инфаркт, теперь мучит грудная жаба. Но я и мое сердце — мы понимаем друг друга. Оно знает, что пощады ему от меня не будет, а я надеюсь, что его мужицкая порода еще потерпит некоторое время.

Ну, до свидания, Алексей Константинович, крепче держитесь. Привет семье, жду Вашу книгу.

Н. Заболоцкий.

P. S. А ведь слово «раззанавесил» (в рассказе) нехорошо. Царапает.

БОРИСУ ИВЛЕВУ, НИНЕ РОМАНОВОЙ И ЮРИЮ РОМАНОВУ,

авторам научно-фантастической повести «Завтра было вчера»

15 июня 1958 г. <Москва>.

Уважаемые авторы, так как посылок из антимира, насколько мне известно, к нам еще не поступало, то зеркальность миров, надо думать, и до сей поры остается неприкосновенной. Следовательно, миллиарды лет назад Ваши двойники уже посылали моему двойнику свою повесть и получили от моего двойника ответ.

Содержание этого ответа Вам еще неизвестно.

Пользуюсь случаем, чтобы Вам его сообщить.

Вашу занятную повесть я прочитал с интересом. Под покровом фантастической фабулы Вы коснулись явления, на которое натолкнулась современная физика и которое, по-видимому, представляет собой частный случай многообразия жизни, наполняющей вселенную. Подобные вещи предчувствовались не только поэтами. Циолковский, например, допускал возможным одновременное существование материи во многих ее обличиях, в том числе и древнейших, и считал человечество лишь младенцем в огромной семье разумных и совершенных существ, населяющих вселенную. Будет ли напечатана Ваша повесть? Я смотрю на это скептически. Почти все мы практически живем еще докоперниканскими представлениями о своей земной исключительности, и все, что этому представлению противоречит, склонны относить к области мистики, не сообразуясь с делом по существу. За рукопись спасибо. Желаю дальнейших успехов.

Н. Заболоцкий.

А. К. КРУТЕЦКОМУ

15 августа 1958 г. Таруса.

Дорогой Алексей Константинович!

Поздравляю Вас с выходом в свет Вашей книжки, и дай бог, чтобы вслед за пей появились другие. Как бы то

ни было, а выход первой книжки — праздник для автора, знаю по собственному опыту и потому радуюсь за Вас. Книгу я получил с опозданием — она лежала в Москве, я же второй месяц живу на Оке, в старом захолустном городке Таруса, который когда-то даже князей собственных имел и был выжжен монголами. Теперь это захолустье, прекрасные холмы и рощи, великолепная Ока. Здесь жил когда-то Поленов, художники тянутся сюда толпами.

Больше всего понравились мне рассказы: «Капля в море», «Касьян», «Наследство», «В степях Башкирии» (все пять вещей) и «Лицо девочки». Посвящение последнего чудесного рассказа тронуло меня, спасибо Вам.

Ваша сила в пристальном внимании к людям, в мудром доброжелательстве, в любви к ним. Большие писатели прошлого завещали нам эти качества, но боюсь, что мы, современники, многое порастеряли по нашим трудным дорогам и часто пустой декламацией стараемся прикрыть собственную душевную беспомощность. Ваша книга, при всей ее скромности и некоторых очевидных недостатках, показывает Вас как душевного писателя, а это самое важное и дорогое; все прочее в писателе — лишь добавочный, хотя и нужный багаж.

К великому множеству книг, прочитанных мной, подчас умело и любопытно написанных, я никогда не вернусь, а «Каплю», «В степях Башкирии», «Лицо девочки» я перечитаю с охотой, мне с такими вещами легче живется и в себя, и в людей верится больше.

В чем Ваши слабости? В том, что чувствуется, что пишете Вы немного и не целиком погружены в это дело. Зная Вас по письмам, я понимаю, в чем причина, но читатель не вникает в наши обстоятельства, ему безразлично, пишете ли Вы в каморке под лестницей, уставший и изнемогший на работе, или же Вы сидите в бархатном кресле и макаете перо в золотую чернильницу. В этом жестокая сторона писательского дела. В Вашей манере чувствуется эскизность, и порой думается: дать бы этому писателю время и возможность, он написал бы и глубже, и богаче, и красочнее. И еще маленькое замечание по поводу Ваших рукописных вставок в рассказе «Касьян». Ведь они не нужны, Алексей Константинович! От них веет авторскими обидами, а читателю это ни к чему. [...]

За всем тем я книжкой Вашей доволен. Доволен и желаю новых удач. Хорошо бы Вам проститься с производством, с пружинками, да сесть за стол по-настоящему.

Я усердно поработал летом и кое-что приготовил в печать. Возможно, что осенью буду в Ленинграде и позвоню Вам.

Желаю здоровья и хорошей работы.

Сердечный привет Вашей семье.

Ваш *Н. Заболоцкий.*

ПРИМЕЧАНИЯ

В третьем томе публикацией переводов поэм и стихотворений Важа Пшавелы завершается раздел «Из грузинской классической поэзии», далее следуют избранные переводы из советской грузинской поэзии. С Грузией, с деятелями грузинской культуры Н. Заболоцкого связывала многолетняя дружба. Переводческая работа поэта получила широкое общественное признание. В 1958 г. во время декады грузинской литературы и искусства он был награжден орденом Красного Знамени, в 1975 г. (посмертно) удостоен Государственной премии ГрузССР им. Шота Руставели. Наиболее полным сводом переводов поэзии Советской Грузии можно считать кн.: Николай Заболоцкий. На двух Арагвах пели соловьи. Тбилиси, «Мерани», 1975, куда вошли стихотворения поэта о Грузии и переводы (А. Абашели, Г. Табидзе, Т. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани, К. Каладзе, Г. Абашидзе, Р. Маргиани, И. Нонешвили, Х. Берулава, М. Квливидзе). Завершает том раздел избранных писем Н. Заболоцкого.

ПЕРЕВОДЫ
ИЗ ГРУЗИНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Важа Пшавела (1861—1915) (Стр. 6)

В журн. «Москва», 1957, № 8, предваряя публикацию трех переводов стихотв. Важа Пшавелы («Гора и долина», «Почему я создан человеком», «Утешение поэта»), Н. Заболоцкий поместил небольшую заметку о поэте: «Важа Пшавела в переводе на русский язык значит Муж Пшавский. Под

этим псевдонимом писал выдающийся грузинский поэт Лука Разикашвили, горец по происхождению, сотрудничавший с передовыми деятелями национально-освободительного движения грузинского народа Ильей Чавчавадзе, Акакием Церетели и другими. Почти всю жизнь он провел в своем родном селении Чаргали, занимаясь хлебопашеством, учительством и охотой. Перу Важа Пшавела принадлежат более тридцати поэм, два тома стихотворений, ряд очерков и рассказов. Его суровый мужественный эпос, полный драматического напряжения, построен главным образом на материале народных сказаний. Характеры его героев мастерски очерчены, чувство природы обострено, философские раздумья отмечены печатью высокой человечности. Важа Пшавела — большой художник слова, к сожалению, недостаточно известен советскому читателю...»

Начало работы Н. Заболоцкого над переводами из Важа Пшавелы относится к середине 30-х годов. В «Лит. современнике», 1937, № 8, напечатан перевод «Алуда Кетелаури» в первонач. редакции белым стихом. Позднее, в 40-е годы, Н. Заболоцкий вновь переводит эту поэму рифмованным стихом, и она вместе с переводами поэм «Гоготур и Апшина», «Копала», «Раненый барс», «Этери», «Бахтриони», «Гость и хозяин», «Оленья лопатка», «Змееед», «Дзаглика Химикаури» составили кн.: «Важа Пшавела. Поэмы. Тбилиси, «Заря Востока», 1951. В письме А. К. Крутецкому Н. Заболоцкий писал: «Вы говорите, что в этой книге присутствую я, — правда Ваша, но правда и то, что у меня с этим поэтом много точек соприкосновения: та часть, которой я присутствую в этой книге, входит в поэзию Важа Пшавела не по моему произволу, но потому, что она — и его часть» (см. с. 369). Стихотв. и поэмы «Кровная месть» и «Гила и Квириса» Важа Пшавела Н. Заболоцкий переводил для кн.: Важа Пшавела. Стихотворения и поэмы. «Библиотека поэта». Л., «Советский писатель», 1957, где и появились впервые (кроме отмеченных выше) переводы стихотв., вошедшие в наст. раздел. Переводы печат. по кн.: «Грузинская классическая поэзия в переводах И. Заболоцкого», т. 2. Тбилиси, «Заря Востока», 1958.

ИЗ ПОЭЗИИ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Галактион Табидзе (1892—1969) (Стр. 258)

Корабль «Даланд». — Впервые: «Лит. современник», 1937, № 5.

Руки. — Впервые: Г. Табидзе. Избранное. Тбилиси, «Заря Востока», 1953. По этой кн. печат. оба перевода.

Тициан Табидзе (1895—1937) (Стр. 260)

В письме Тициану Иустиновичу Табидзе Н. Заболоцкий писал: «В Ваших стихах пленяет меня удивительная близость душевного мира к миру природы. У Вас эти два мира сливаются в одно неразрывное целое...» (см. с. 320).

Моя книга, Праздник Аллаверды. — Впервые: «Новый мир», 1956, № 7.

Заздравный тост. — Впервые: Т. Табидзе, Избранное. М., Гослитиздат, 1957, под назв. «Нико Пиросмани». Тексты переводов печат. по изд. 1957 г.

Георгий Леонидзе (1899—1966) (Стр. 263)

Поэмы Георгия Николаевича Леонидзе «Бершоула» и «Портохала», удостоенные Государственной премии СССР, были переведены Н. Заболоцким.

Портохала. — Впервые: «Дружба народов», 1951, № 1. Печат. с сокращениями по публикации в приложении к журн. «Огонек», 1952, № 28.

Симон Чиковани (1902/03—1966) (Стр. 274)

Н. Заболоцкого связывала с Симоном Ивановичем Чиковани многолетняя дружба, в таланте Чиковани, своеобразном и выразительном, многое было близко Н. Заболоцкому. В 1936—1958 гг. Н. Заболоцкий перевел ряд стихотв. С. Чиковани, одно из них («Под дождем») породило собственную вариацию на эту тему — «Песня дождя» (см. т. 1 наст. изд., с. 425, 637).

Озеро Цунда. — Впервые: С. Чиковани. Избранное. М., «Советский писатель», 1949.

Вардзийский зодчий, Сбор винограда, Дождь идет. — Впервые: С. Чиковани. Избранное. М., Гослитиздат, 1954.

Раковина, Незнакомка из Зубовки. — Впервые: С. Чиковани. Тени платанов. М., «Советский писатель», 1959.

На озере Рица. — Впервые: газ. «Заря Востока», 1958, 7 сентября. Все переводы печат. по первой публикации.

Карло Каладзе (р. 1904) (Стр. 283)

Гончары, Сказание о зодчем. — Впервые: К. Каладзе. Избранные стихи. М., «Советский писатель», 1949. Печат. по первой публикации.

Григол Абашидзе (р. 1914) (Стр. 287)

Счастливая рыбка, Молодой виноградник, «Лишь ветер подует в дубраве...», Ушба, Лес на Энгури. — Впервые: Г. Абашидзе. На южной границе. Тбилиси, «Заря Востока», 1949.

Пушкин в Арзруме. — Впервые: «Дружба народов», 1949, № 5.

Ночь в хижине Важа Пшавела. — Впервые: Г. Абашидзе. На южной границе. Тбилиси, «Заря Востока», 1950. Переводы печат. по первой публикации с учетом правки Н. Заболоцкого.

ПИСЬМА. 1921—1958

Из эпистолярного наследия Н. А. Заболоцкого в настоящем издании печатаются в хронологическом порядке избранные письма, представляющие историко-литературный интерес, освещающие наиболее важные факты творческой биографии поэта. При отсутствии авторского указания даты и места, откуда написано письмо, эти сведения даются в угловых скобках. Сокращенно написанные слова, кроме общепонятных сокращений, раскрываются полностью (если только сокращение не характеризует стиль взаимоотношений Заболоцкого с тем или иным лицом).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

Тбилиси — музей Дружбы народов АН Грузинской ССР, Тбилиси.

Н. З. — Николай Алексеевич Заболоцкий.

«Избр.», т. 1, 2 — *Н.* Заболоцкий. Избранные произведения в двух томах. М., «Художественная литература», 1972.

«Дружба» — альманах «Дружба». Тбилиси, «Мецниереба», 1979.

«Братство» — «Братство». Л., «Советский писатель», 1982.

М. И. Касьянову, 11 ноября 1921 г. (с. 300). — Впервые: «*Избр.*», *т. 2.* Печат. по автографу (архив адресата). Михаил Ива-

нович Касьянов — друг *Н. З.*, с которым они в 1920 г. уехали из Уржума в Москву и учились вместе во Втором университете на медицинском и в Первом — на филологическом факультетах одновременно (см. *Восп. о З., с.* 31). *Аркадий* Жмакин, Николай *Резвых, Борис* Польнер, *Аня Иванова, Ира* — землячки по Уржуму, *С журналом дело не ладится.* — Студенческий журнал «Мысль» (см. т. 1, с. 635). *Отрывок, 5.* — Полностью стихотв. *Н. З.* не сохранились.

М. И. Касьянову, 7 ноября 1921 г. (с. 302). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу (архив адресата). Письмо было отправлено одновременно с предыдущим. *...кажется, будет возможно и печататься.* — Речь идет о журн. «Мысль».

М. И. Касьянову, 12 декабря 1921 г. (с. 305). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу (архив адресата). Стихотв. *Н. З. «Небесная Севилья»* не печаталось поэтом.

Л. А. Юдину, 28 июня 1928 г. (с. 306). — Печат. впервые по автографу (архив адресата). С художником Львом Александровичем Юдиным (1903—1941) *Н. З.* сближало взаимопонимание в вопросах искусства. М. Губанова нашла в дневнике Л. Юдина запись от 23 января 1928 г.: «Завтра вечер ОБЕРИУ. Жду с нетерпением... В Заболоцкого я влюбляюсь. Приятный малый. Он надежнее всех их...» В архиве Л. Юдина М. Губанова обнаружила материалы, свидетельствующие, что в 1929 г. обериуты готовили книгу «Цирк», над иллюстрациями к которой работал Л. Юдин. О замысле этой книги вспоминала и Т. Липавская. В архиве Л. Юдина хранится эскиз обложки книги «Индейцы». На титуле: «Рисунки Л. Юдина. Текст Н. Заболоцкого». Книжка не была издана, но сохранившийся эскиз позволяет определить авторство рассказа «Индейцы» (журн. «Еж», 1929, № 7), подписанного «От редакции», т. к. он был иллюстрирован силуэтными рисунками с этого эскиза. К контурным рисункам Л. Юдина *Н. З.* написал детское стихотв. «Мистер Кук Барла-Барла» (см. т. 1, с. 486). *Стерлигов* Владимир — художник. *К-во* — кооперативное Изд-во писателей в Ленинграде. *Малахов* — заведующий редакцией кооперативного Изд-ва писателей в Ленинграде. «3 *обэриутских часа»* — вечер в Доме печати в Ленинграде, который состоялся 24 января 1928 г.

Л. А. Юдину, 9 августа 1928 г. (с. 307). — Печат. впервые по автографу (архив адресата). Л. Юдин успел сделать к сроку эскиз обложки «Столбцов». По воспоминаниям Е. В. Заболоцкой на обложке сверху черным по белому фону было написано: *СТОЛБЦЫ.* Сочные буквы разного размера стояли плотно и воспринимались как единое целое. *Н. З.* обложка нравилась, но «Столбцы» вышли с обложкой художника М. Кирнарского.

К. Э. Циолковскому, 7 января 1932 г. (с. 308). — Печат. по первой публикации: «Русская литература», 1964, № 3. По описанию автора публикации А. Павловского, на обороте письма *Н. З.* — черновик начала ответного письма К. Циолковского. (Автограф в архиве АН СССР, ф. 555, оп. 4, ед. хр. 233).

К. Э. Циолковскому, 18 января 1932 г. (с. 309). — Печат. по первой публикации: «Русская литература», 1964, № 3.

Е. В. Клыковой, 2 августа 1932 г. (с. 312). — Печат. впервые по автографу (архив семьи Заболоцких). Письмо написано в Лугу жене, Екатерине Васильевне (р. 1906), где она с сыном жила тем летом. В 1932 г. Изд-вом писателей в Ленинграде готовилась кн.: Н. Заболоцкий. Стихотворения 1926—1932. Предисловие к ней написал Иван Архипович *Виноградов* (1902—1936) — литературовед и критик. Издание не состоялось (см. т. 1, с. 597), *Леля* — Алексей Алексеевич Заболотский (р. 1909), брат *Н. З. Тамара Александровна* Липавская (Мейер) — жена писателя Л. С. Липавского (см. т. 1, с. 640). *Житков* Борис Степанович (1882—1938) — писатель, один из зачинателей советской детской литературы. *«Виктор Вавич»* — роман Житкова.

М. И. Касьянову, 10 сентября 1932 г. (с. 313). — Впервые: *«Изб.», т. 2.* Печат. по автографу (архив адресата). *Книга уже принята...* — «Стихотворения 1926—1932». *...мои стихи...* — В 1929 г. стихотв. *Н. З.* печатались в «Звезде», № 2, 8, 10.

Е. В. Клыковой, 27 января 1933 г. (с. 315). — Печат. впервые по автографу (архив семьи Заболоцких). Зимой 1932/33 г. Е. В. Клыкова с сыном жила на ст. Сиверская в пустующей зимой даче Андрея Ивановича Клыкова, ее дяди. *Каверин* Вениамин Александрович (р. 1902) — писатель, друг семьи Заболоцких.

Е. В. Клыковой, 19 февраля 1933 г. (с. 315). — Печат. впервые по автографу (архив семьи Заболоцких). *«Еж»* — ленинградский журнал для детей. *...из «Звезды» выплатить все...* — В «Звезде», 1933, № 2—3 напечатаны «Меркнут знаки Зодиака», «Лодейников» и поэма «Торжество Земледелия».

Е. В. Клыковой, 26 мая 1933 г. (с. 316). — Печат. впервые по автографу (архив семьи Заболоцких). Письмо сохранилось с оборванным углом. О спорах вокруг поэмы см. т. 1, с. 610—613. *...продолжаю новую поэму...* — Речь идет о поэме «Облака», текст которой не сохранился. В архиве Д. Хармса А. Александров нашел его дневниковую запись, сделанную, очевидно, во время чтения поэмы. Воспроизводим ее текст по подготовленной А. Александровым публикации:

ОБЛАКА

Н. Заболоцкий

МОМ — *похоже на мое стихотворение «Касимов»*

Строитель

нестройны, выпуклы, понуры

3. Речка — *мне нравится*
Купание
4. второго зрения окно.
И с ним философ
сидел до самого утра.
5. Крестьяне — *свой мирок*
Составив круглый караван
Пастух. Старик. — *хорошо* *(река)*
Животные
Предки
Опять пастух
Смерть пастуха
С тех пор... *хуже*
опять мужики

Строитель
«Вестники и их разговоры» Я. Друскин.
Вестник — это я.

А. Александров предполагает, что сокращение «МОМ», которым открывается запись, означает, что формула «Мысль — Образ — Музыка» зародилась у *Н. З.* в 30-е годы.

С. И. Чиковани, 21 февраля 1936 г. (с. 317). — Впервые: *«Дружба».* Печат. по автографу *(Тбилиси).* Симон Иванович Чиковани — см. примеч. на с. 384. *«Кахетинская осень»* в «Известиях» напечатана не была, впервые напечатана в «Лит. современнике», 1936, № 7. *...свою книжку на русском языке...* — С. Чиковани. Стихи. М., Гослитиздат, 1935. *Если Бажан приедет на ваши празднества...* — 25 февраля 1936 г. отмечалось 15-летие установления Советской власти в Грузии. *Мария Николаевна* (Марика) — жена С. Чиковани.

Т. И. Табидзе, 1 июля 1936 г. (с. 317). — Печат. по первой публикации: Т. Табидзе. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1964. (Автограф в Государственном литературном музее Грузии.) Тициан Иустинович Табидзе — см. примеч. на с. 384. Перевод «Витязя в тигровой шкуре» в обработке для юношества вышел в 1937 г. В 1966 г. подстрочный перевод *С. Г. Иорданишвили* (1898—1953) был издан в Тбилиси. *Перевод* (неполный) *К. Бальмонта* вышел в Москве в 1917 г., а в 1933 г, в Париже — полный перевод. *Тихонов* Николай Семенович

(1896—1979) — поэт. *Нина Александровна* — детская писательница, жена Т. Табидзе.

Т. И. Табидзе, 2 августа 1936 г. (с. 319). — Печат. по первой публикации: Т. Табидзе. Статьи, очерки, переписка. Григорий Евгеньевич *Цыпин* — в то время директор Детиздата. *«В ущелье Арагви»* и *«Рождение слова»* — см.: Николай Заболоцкий. На двух Арагвах пели соловьи. Тбилиси, 1975.

С. И. Чиковани, 14 ноября 1936 г. (с. 321). — Впервые: *«Дружба».* Печат. по автографу *(Тбилиси). ...вырезки из газет и снимки.* — Осенью *Н. З.* был в Грузии. *...стихи о Гори.* — См. т. 1, с. 184, 619. Восьмой *Съезд Советов* проходил с 25 ноября по 5 декабря 1936 г. *Николай Зурабович* Элиава — отец жены С. Чиковани.

С. И. Чиковани, 21 ноября 1936 г. (с. 321). — Впервые: *«Дружба».* Печат. по автографу *(Тбилиси). ...посылаю перевод твоих стихов.* — Стихотв. цикла «Размышления на берегах Куры»: «1. Вступление Куры», «2. На берегах Куры», «3. Весна».

В. В. Гольцеву, 14 декабря 1936 г. (с. 322). — Впервые: *«Братство».* Печат. по автографу (*ЦГАЛИ,* ф. 2530, оп. 2, ед. хр. 100). Виктор Викторович Гольцев (1901—1955) — критик, литературовед, председатель Грузинской комиссии при Союзе писателей, с 1939 г. редактор альманаха, потом журнала «Дружба народов». *...напечатать... отдельной книжкой в Детиздате.* — Перевод поэмы Важа Пшавелы «Алуда Кетелаури» был принят в 1938 г., но издание не состоялось. *Послезавтра мой большой вечер в Ленинграде...* — Вечер *Н. З.* в Доме писателей состоялся 16 декабря 1936 г. *«Абесалом и Этери»* — грузинское народное сказание. Над его переводом *Н. З.* работал по подстрочнику, выполненному Т. Табидзе, и перевел начало — «Рождение девы Этери» (см. «День поэзии». М., 1971).

М. П. Бажану <декабрь> 1936 г. (с. 323). — Впервые: *«Дружба».* Печат. по автографу *(Тбилиси).* Письмо было ошибочно датировано ноябрем, из его содержания следует, что оно написано в декабре. Вечер *Н. З.* состоялся 16 декабря в Ленинграде. Микола Платонович Бажан — см. т. 2, с. 448. *...перевел два стихотворения Г. Табидзе.* — Вероятно, речь идет о стихотв. «Корабль «Даланд» и «Не оставляй стиха бездомным...» *Ваш перевод...* — М. Бажан закончил перевод Ш. Руставели — Шота Руставелі Витязь у тигровій шкурі. Київ, 1937. *Гаина Симоновна* — первая жена М. Бажана. *Галина Аркадьевна* — мать М. Бажана.

Т. И. Табидзе, 11 января 19<37> г. (с. 325). — Печат. по первой публикации: Т. Табидзе. Статьи, очерки, переписка. Письмо ошибочно датировано 1936 г., хотя по содержанию относится к 1937 г. Издания в «Academia» и в Закгизе не состоя-

лись. *Вашу книгу...* — Т. Табидзе. Избранное. Л., Гослитиздат, 1936. *...у меня с книжкой стихов...* — Н. Заболоцкий. Вторая книга. Л., Гослитиздат, 1937. Иван Капитонович *Луппол* (1890—1943) — в то время главный редактор Гослитиздата.

М. Н. и С. И. Чиковани и М. П. Бажану, 11 января 1937 г. (с. 326). — Впервые: *«Дружба»*. Печат. по автографу *(Тбилиси). ...несколько статей обо мне...* — М. Зощенко. О стихах Н. Заболоцкого. — В кн.: М. Зощенко. 1935—1937. М., 1937, *...три твоих стихотворения...* — В «Известиях», 1937, 6 января было напечатано одно стихотв. цикла «Размышления на берегах Куры» — «I. Вступление Куры». Все три перевода вышли в «Звезде», 1937, № 7. *Четвертое твое стихотворение...* — «Тбилиси после дождя» *Н. З.* не перевел.

В. В. Гольцеву, 12 января 1937 г. (с. 328). — Печат. по первой публикации: *«Братство»*. (Автограф в *ЦГАЛИ*, ф. 2530, оп. 2, ед. хр. 100.) *Спасский* Сергей Дмитриевич (1898—1956) — поэт, переводчик.

С. И. Чиковани, 30 января 1937 г. (с. 331). — Впервые: *«Дружба»*. Печат. по автографу *(Тбилиси). Кобуладзе* Сергей Соломонович (1909—1978) — график и театральный художник, иллюстрировал «Витязя в тигровой шкуре». *Статья в «Известиях»* — «Язык Пушкина и современная поэзия» (25 января 1937 г.). В полемической статье дана критическая картина современного состояния поэзии. *...работа с Шевченко?* — С. Чиковани переводил Т. Шевченко на грузинский язык. *Абашидзе Г. Г.* — см. примеч. на с. 385. *Мосашвили* Ило Онисимович (1896—1954), *Кутатели* Александр Николаевич (р. 1897) — поэты.

С. И. Чиковани, 6 марта 1937 г. (с. 332). — Впервые: *«Дружба»*. Печат. по автографу *(Тбилиси). Из моих переработок...* — В серии «Школьная библиотека» вышли в переработке *Н. З.* для детей Ф. Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль», де Костер, «Тиль Уленшпигель», Д. Свифт, «Гулливер у великанов». *...на пленуме...* — С 22 по 26 февраля 1937 г. в Москве проходил Четвертый пленум Союза писателей СССР, посвященный столетию со дня смерти А. С. Пушкина. *На днях... будет его вечер...* — Вечер Т. Табидзе в Ленинграде состоялся 21 марта 1937 г.

В. В. Гольцеву, 23 марта 1937 г. (с. 334). — Печат. впервые по автографу (*ЦГАЛИ*, ф. 2530, оп. 2, ед. хр. 100).

В. В. Гольцеву, 12 ноября 1937 г. (с. 335). — Печат. впервые по автографу (*ЦГАЛИ*, ф. 2530, оп. 2, ед. хр. 100). *К торжествам выйдет часть тиража...* — Выход перевода «Витязя в тигровой шкуре» был приурочен к руставелевским дням, широко отмечавшимся в 1937 г. *Н. З.* принимал участие в работе посвященно-

го Руставели пленума Союза писателей СССР (Тбилиси, 24 декабря), на котором его перевод был удостоен Грамоты ЦИК Груз ССР. *Аршаруни* Аршалуис Михайлович (р. 1896) — председатель комитета по организации руставелевского пленума СП СССР, *Юлия Сергеевна* — жена В. Гольцева.

Никите Заболоцкому, 10 января 1940 г. (с. 336). — Впервые: «Собеседник 4». М., «Современник», 1983. Никита Николаевич Заболоцкий (р. 1932) — сын *Н. З.*, биолог, автор статей и воспоминаний о *Н. З.*

Н. Л. Степанову, 4 февраля 1944 г. (с. 338). — Впервые: «Лит. обозрение», 1983, № 5. Печат. по автографу (архив Н. Степанова). Николай Леонидович Степанов (1902—1972) — литературовед, критик, друг семьи Заболоцких. *Молотов* — название г. Перми (1940—1957), где после эвакуации из Ленинграда жили Степановы. *«Грузия в борьбе за независимость».* — Книгу Н. Степанов не достал. *Выздоровел ли Юрий Николаевич? — Н. З.* еще не знал о смерти Ю. Н. Тынянова (1894 — 20 декабря 1943). *Лидия Константиновна* — жена Н. Степанова. *Алеша* — их сын.

Н. Л. Степанову, 29 марта 1944 г. (с. 339). — Впервые: «Лит. обозрение», 1983, № 5. Печат. по автографу (архив Н. Степанова). *«Пушкин»* — роман Ю. Тынянова. *Лидия Николаевна* — сестра Ю. Тынянова и жена *Вениамина Александровича* Каверина. *...напишу тебе особое письмо — о природе...* — см. «Картины Дальнего Востока», т. 1, с. 511, 643.

Никите Заболоцкому, 6 июня 1944 г. (с. 341). — Впервые (фрагмент): *«Избр.», т. 1,* с. 391. Печат. по автографу (архив семьи Заболоцких). *Наташенька* — Наталья Николаевна Заболоцкая (р. 1937), дочь *Н. З. Стихи твои мне тоже понравились...* — В архиве поэта сохранилось письмо Никиты Заболоцкого со стихотв.:

Блокада Ленинграда

Свищут снаряды, бомбы летят.
По улицам города люди спешат,
Они спотыкаются, падают замертво, —
По гладкому снегу санки скользят, —
В санках трупы голодных ребят.
В квартирах люди с коптилкой сидят
И горькие отруби ложкой едят.

Позднее к письму сына рукой *Н. З.* сделана приписка: «Эти стихи десятилетний Никита сочинил в Ленинграде в январе 1942, сидя на антресолях, в квартире Шварцев (во время блокады). Продолжение было: И говорят все о том и о том, // Когда же

нам хлеба прибавят». Под впечатлением рассказов семьи о ленинградской блокаде *Н. З.* написал стихотв. «В новогоднюю ночь» («День поэзии». М., 1983). *Шварцы* — см. примеч. на с. 394. Эпизод, рассказанный в письме *Н. З.,* позднее отразился в стихотв. «Это было давно» (см. т. 1, с. 301, 628).

Н. Л. Степанову, 26 января 1945 г. (с. 342). — Впервые: «Лит. обозрение», 1983, № 5. Печат. по автографу (архив Н. Степанова). *Поработать над окончанием перевода...* — В ноябре 1944 г. семья переехала к *Н. З.* в с. Михайловское и Б. В. Заболоцкая привезла рукопись начатого в 1938 г. перевода «Слова...». *Томашевские* — см. примеч. па с. 392—393. *Лозинский* Михаил Леонидович (1886—1955) — поэт, переводчик. Его перевод «Божественной комедии» Данте Алигьери («Ад» — 1939 г.; «Чистилище» — 1944 г.; «Рай» — 1945 г.) удостоен в 1946 г. Государственной премии СССР. *...твоих работ о Крылове...* — Н. Степанов в эти годы работал над докторской диссертацией «И. Крылов. Жизнь и творчество». *Мария Ивановна* — мать Н. Степанова. *Шкловский* Виктор Борисович (р. 1893) — писатель, критик.

Н. Л. Степанову, 20 июня 1945 г. (с. 343). — Впервые (с сокращениями): «Вопросы литературы», 1969, № 1. Печат. по автографу (архив Н. Степанова). *Новиков* Иван Алексеевич (1877—1959) — писатель, автор стихотворного перевода «Слова...» (1938 г.). *Шторм* Георгий Петрович (1898—1978) — писатель, автор перевода «Слова...» (1934 г.). *Ираклий* — И. Л. Андроников (р. 1908), писатель, литературовед.

Н. Л. Степанову, 4 июля 1945 г. (с. 344). — Впервые (с сокращениями): «Вопросы литературы», 1969, № 1. Печат. по автографу (архив Н. Степанова). *Минаев-отец* — Дмитрий Иванович Минаев (1808—1856), переводчик, отец поэта-сатирика Дмитрия Минаева (1835—1889), «Слово...» в переводе Д. Минаева вышло в 1846 г. *Гербель* Николай Васильевич (1827—1883) — поэт, переводчик и библиограф. В 1854 г. вышел его перевод «Слова...». *...надежда получить здесь отпуск...* — Ю. Попов, инженер, краевед, сообщает: «18 июля ему (*Н. З.*) был предоставлен отпуск, часть которого он провел в доме отдыха Ак-куль, где и дорабатывал первый вариант своего перевода» (см. «Индустриальная Караганда», 1982, 13 ноября). К октябрю 1945 г. работа была завершена, и 7 октября «Социалистическая Караганда» сообщала об этом (см. ст. Н. Менделец. «Слово о полку Игореве». Новая работа поэта Заболоцкого).

И. Н. Томашевской, 8 августа 1946 г. (с. 346). — Впервые: «Лит. обозрение», 1983, № 5. Печат. по автографу, переданному в архив семьи Заболоцких З. Б. Томашевской. Ирина Николаевна Томашевская (Медведева) (1903—1973) — литературовед,

жена *Бориса Викторовича* Томашевского (1890—1957). *Перевел поэму Гидаша...* — 14 стихотв., объединенных названием «Стонет Дунай» (см. т. 2, с. 111, 450). *Семынин* Петр Андреевич (1909—1983) — поэт. *Николай Борисович* Томашевский — сын В. В. и И. Н. Томашевских, тогда студент, ныне литературовед.

М. В. Юдиной, 8 августа 1946 г. (с. 347). — Впервые: сб. «Мария Вениаминовна Юдина. Статьи, воспоминания, материалы». М., «Советский композитор», 1978. Это и след. письмо печат. по автографу (Отдел рукописей *ГБЛ,* ф. 527, к. 13, ед. хр. 50). Мария Вениаминовна Юдина (1899—1970) — пианист и педагог. *Н. З.* работал вместе с ней над переводами из немецкоязычной поэзии.

М. В. Юдиной, 6 января 1947 г. (с. 348). — Впервые: сб. «Мария Вениаминовна Юдина...», 1978. *...посылаю исправленные тексты Гете и Шиллера...* — «Свидание и разлука» Гете, «Прощание Гектора», «Рыцарь Тогенбург», «Порука» Шиллера (см. т. 2, с. 82, 84, 91). *«Мемнон»* — стихотв. И. Мейергофера (см. т. 2, с. 79). *«Гелиополь».* — Неясно, о каком стихотв. идет речь. *«Рыбак»* — вероятно, стихотв. Гете. *«Порука»* — стихотв. Шиллера в сб. «Песни» не вошло, но было положено на музыку и исполнено в 1966 г.

С. И. Чиковани, 4 февраля 1947 г. (с. 348). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу *(Тбилиси). Поздравляю тебя...* — С. Чиковани был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета ГрузССР, а с 1950 по 1954 г. был депутатом Верховного Совета СССР. *Прочел твою «Песнь о Д. Гурамишвили»...* — Поэма была удостоена Государственной премии СССР за 1947 г. В первом издании *«Грузинских романтиков»* («Б-ка поэта». Большая серия. М.—Л., 1940) стихотв. Г. Орбелиани даны в переводах разных поэтов, в том числе «Заздравный тост» в переводе *Н. З. Ивнев* Рюрик (Михаил Александрович Ковалев (1891—1981) — поэт, переводчик. В 1939 г. в Тбилиси вышел сб. Р. Ивнева. *Рябинина* Александра Петровна — в те годы заведовала редакцией литератур народов СССР в Гослитиздате.

С. И. Чиковани, 26 марта 1947 г. (с. 350). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу *(Тбилиси). Оба стихотворения...* — «Садовник Картли» («Садовник») и «Картлийские вечера». *...к нашей поездке...* — В мае состоялась поездка бригады московских писателей в Грузию в составе: П. Антокольский, В. Гольцев, Н. Заболоцкий, А. Межиров, Н. Тихонов. *...подписываю договор на Орбелиани в Гослитиздате...* — Г. Орбелиани. Стихотворения. М.—Л., 1949. В Грузии книга вышла в 1948 г. в изд-ве «Заря Востока». *...в общую книгу моих переводов...* — План, предложенный *Н. З.,* был принят и осуществлен. В кн.: Н. Заболоцкий. Грузинская поэзия. Избранные переводы.

Тбилиси, «Заря Востока», 1948, не вошел только перевод Ш. Руставели, отдельное изд. которого вышло в Тбилиси в 1949 г. *Перевод 4 стихотворений Ильи Чавчавадзе...* — Кроме названных в письме, «Элегия» и «Пусть я умру...» напечатаны в «Дружбе народов», 1947, № 16. *Нонешвили* Иосиф Элиозович (1918—1980) — перевел стихотв. «Моя Кахетия», «Гори 21 декабря» (см. альманах «Поэзия Грузии». М.—Л., Гослитиздат, 1949). *Маргиани* Реваз Акакиевич (р. 1916) — перевел «Мирангули» и «Грузин в бою» (см. Р. Маргиани. Грузинские стихи. М., «Молодая гвардия», 1948). *Бесо Жгенти* (Виссарион Давыдович, (1904—1976) — критик, в те годы главный редактор изд-ва «Заря Востока».

В. А. Десницкому, 14 декабря 1947 г. (с. 352). — Впервые: «Лит. обозрение», 1983, № 5. Печат. по автографу (Отдел рукописей *ГБЛ,* ф. 439, к. 12, ед. хр. 26). Десницкий (Строев) Василий Алексеевич (1878—1958) — литературовед, декан филологического факультета Ленинградского педагогического ин-та им. А. И. Герцена, где в 20-е годы учились Е. В. и Н. А. Заболоцкие. 30 января 1948 г. В. А. Десницкому исполнялось 70 лет. *...я послал свое стихотворение...* — «Садовник» (см. с. 355), опубликовано в «Ученых записках Ленинградского пед. ин-та», т. XVII, 1948. *Ютимся под Москвой...* — С июня 1946 г. по июль 1948 г. Заболоцкие жили в Переделкине сначала на даче В. П. Ильенкова, а потом — Кавериных. Адрес указан по месту прописки *Н. З.*

Е. И. и Е. Л. Шварцам, 14 декабря 1947 г. (с. 353). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу (*ЦГАЛИ,* ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 155). Евгений Львович Шварц (1896—1958), драматург, и его жена Екатерина Ивановна были близкими друзьями Заболоцких. Это письмо — образец шутливых посланий *Н. З.* (см. т. 1, с, 463, 633, 641).

В. А. Десницкому, 8 мая 1948 г. (с. 355). — Впервые: «Лит. обозрение», 1983, № 5. Печат. по автографу (Отдел рукописей *ГБЛ,* ф. 439, к. 12, ед. хр. 26). *Посылаю... стихотворение «Садовник»...* — В. Десницкий попросил у *Н. З.* автограф (есть разночтения во 2-м и 8-м ст.). *Александра Митрофановна* — жена Десницкого. *...бытовые новости...* — Заболоцкие получали квартиру.

Е. И. в Е. Л. Шварцам, 12 сентября 1948 г. (с. 356). — Впервые: «Лит. обозрение» , 1983, № 5. Печат. по автографу (*ЦГАЛИ,* ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 155). *...мою книжечку...* — Н. Заболоцкий. Стихотворения. М., «Советский писатель», 1948.

С. И. Чиковани, 16 января 1949 г. (с. 357). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу *(Тбилиси). «Садовник Картли»* («Садовник») и *«Вечер в Колхиде»* — «Огонек», 1949, № 16. *Кудрейко* (Анатолий Алексеевич Зеленяк, р. 1907) — в то время ра-

ботник журнала «Огонек». *...из английского цикла...* — *М. Бажан,* Английские впечатления. «Огонек», 1949, № 1, 5, 6.

С. И. Чиковани, 12 марта 1949 г. (с. 358). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу *(Тбилиси). ...включена ли книга в ...план...* — Книга поэм В. Пшавелы вышла в Тбилиси, «Заря Востока», 1951. *Твоя книга в «Советском писателе»...* — С. Чиковани. Избранное. М., 1949. *Переводы стихов в «Огоньке»...* — № 16, 1949. *Р. С. Шадури* — в то время заведующий отделом культуры при ЦК КП Грузии.

Д. С. Лихачеву, 10 февраля 1950 г. (с. 360). — Печат. по первой публикации: «Вопросы литературы», 1969, № 1, («Работа Н. Заболоцкого над переводом «Слова о полку Игореве». Комментарий Д. Лихачева и Н. Степанова.) Дмитрий Сергеевич Лихачев (р. 1906) — литературовед, историк культуры, академик АН СССР. Переписка возникла по поводу переиздания перевода «Слова...» в «Школьной библиотеке» (М., 1950, под редакцией Д. Лихачева) и в «Лит. памятниках» (М., 1950, под редакцией В. Адриановой-Перетц). В письме от 2 февраля 1950 г. Д. Лихачев предлагал *Н. З.* подготовить текст перевода для издания. Давая самую высокую оценку переводу, Лихачев делал ряд конкретных замечаний по тексту. Большинство из них *Н. З.* учел и внес уточнения. (См. первую публикацию.)

Одновременно с наст. письмом *Н. З.* послал В. Н. Адриановой-Перетц текст перевода с исправлениями. В письме от 14 февраля 1950 г. Д. Лихачев комментировал правку: «Ваши исправления мне понравились тем особенно, что они нейтральны: не идут за мной и не противоречат мне». *Югов* Алексей Кузьмич (1902—1970) — писатель, автор перевода «Слова...» (1945 г.). *Адрианова-Перетц* Варвара Павловна (1888—1972) — литературовед, член-корреспондент АН СССР. *...направить в редакцию Детгиза...* — В письме от 14 февраля 1950 г. Д. Лихачев сообщал: «Я получил и прочитал Ваш перевод. Мнение мое о Вашем переводе Вы знаете; никаких дополнительных замечаний у меня нет. Сегодня же отсылаю его в Детгиз А. А. Титову».

Д. С. Лихачеву, 20 февраля 1950 г. (с. 361). — Печат. по первой публикации: «Вопросы литературы», 1969, № 1. Ответ на письмо Д. Лихачева от 14 февраля 1950 г. *...переводов с древнерусского...* — Д. Лихачев сообщал, что будет готовить (в 1951 г.) выпуск «Древнерусская поэзия» в Большой серии Б-ки поэта и предлагал для перевода из «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщины», «Слова о погибели Русской земли» и др. Предложенные произведения *Н. З.* не переводил.

Е. И. и Е. Л. Шварцам, 13 июля 1950 г. (с. 363). — Печат. впервые по автографу (*ЦГАЛИ,* ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 155).

Наташа — Наталья Евгеньевна Кржижановская, дочь Е. Л. Шварца.

М. П. Бажану, 31 октября 1950 г. (с. 364). — Впервые: «Лит. обозрение», 1983, № 5. Печат. по автографу (архив М. Бажана), *...осмотрели Греми...* — См. стихотв. «Башня Греми» (т. 1, с. 244).

Г. Н. Леонидзе, 6 сентября 1951 г. (с. 365). — Печат. впервые по авторской машинописной копии с пометами (*ЦГАЛИ,* ф. 1494, оп. 1, ед. хр. 9). Георгий Николаевич Леонидзе — см. примеч. на с. 384. Это и след. письма отражают работу *Н. З.* над переводами «Давитиани» Д. Гурамишвили (см. т. 2, с. 366). *«Беды Грузии»* — поэма Д. Гурамишвили «Бедствия Грузии».

М. П. Бажану, 27 сентября 1951 г. (с. 366). — Впервые: *«Братство».* Печат. по автографу (архив М. Бажана). *...мне очень помогает Ваш перевод...* — Давид Гурамішвілі Давитіані. Київ, 1950. *Надирадзе* Колау (Николай) Георгиевич (р. 1895) — поэт, переводчик. *...на мотив песни «Масон»...* — Песню с таким подзаголовком в книгу своих переводов *Н. З.* не включил. *«Беды»* — поэма «Беды Грузии». *Гогоберидзе-Лумберг* Елена Давыдовна (1897—1978) — литературовед, переводчик. *Нина Владимировна* — жена Бажана. *Вили* — ее брат.

С. И. Чиковани, 6 июня 1953 г. (с. 368). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу *(Тбилиси).* ...я *принимался за перевод твоих стихов...* — из цикла «На польской дороге». *Тарковский* Арсений Александрович (р. 1907), *Межиров* Александр Петрович (р. 1923) — поэты, переводчики. *У меня был творческий вечер...* — 3 июня 1953 г. в Центральном Доме литераторов в Москве.

А. К. Крутецкому, 2 января 1954 г. (с. 369). — Печат. по первой публикации: А. Крутецкий. Солнечная поэма. Лениздат, 1963. Алексей Константинович Крутецкий (1902—1974) — рабочий-слесарь, писатель. Переписка возникла через «Новый мир», где в 1953, № 10 было напечатано стихотв. *Н. З.* «Жена». Личного знакомства между адресатами не было. *Что касается стихов Вашего сына...* — Речь идет о начинавшем тогда поэте Викторе Алексеевиче Крутецком.

С. И. Чиковани, 6 июня 1953 г. (с. 368). — Впервые: *«Дружба».* Печат. по автографу *(Тбилиси). Благодарю за книжку...* — С. Чиковани. Новые стихи. Тбилиси, 1954. *Я уже третий месяц валяюсь больной.* — 14 сентября 1954 г. *Н. З.* перенес инфаркт. *Элисо Николаевна* Элиава-Сирадзе — сестра М. Н. Чиковани. *Шалва Соломонович* Сирадзе — ее муж. *Зурико* — их сын.

С. И. Чиковани, 19 июля 1955 г. (с. 371). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу *(Тбилиси).* В 1955 г. отмечалось 250-летие со дня рождения Д. Гурамишвили. К юбилею *Н. З.*

написал статьи: «Давид Гурамишвили» (см. т. 1, с. 560) и «Гурамишвили и его время» («Дружба народов», 1955, № 10). *...на даче под Москвой...* — Заболоцкие жили в пос. Жаворонки, где *Н. З.* работал над переводом «Витязя в тигровой шкуре».

С. И. Чиковани, 30 августа 1955 г. (с. 371). — Впервые: *«Избр.», т. 2.* Печат. по автографу *(Тбилиси). Рукопись я сдал в Гослитиздат.* — Полный перевод «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, который вышел впервые под редакцией С. Чиковани (М., 1957).

А. И. Гитовичу, 29 октября 1955 г. (с. 372). — Печат. по первой публикации: «День поэзии». Л., 1967. Александр Ильич Гитович (1909—1968) — поэт, переводчик. *Прочитал Ваши переводы Ду Фу.* — Ду Фу. Стихи. Пер. с китайского А. Гитовича. М., Гослитиздат, 1955. *Сильва Соломоновна* — жена А. Гитовича.

А. Я. Сергееву, 16 февраля 1956 г. (с. 373). — Печат. по первой публикации: *«Избр.», т. 2.* Андрей Яковлевич Сергеев (р. 1933) — поэт, переводчик.

С. И. Чиковани, 25 февраля 1957 г. (с. 374). — Впервые: *«Дружба».* Печат. по автографу *(Тбилиси). ...моя книга переводов...* — «Грузинская классическая поэзия в переводах Н. Заболоцкого», т. 1 и 2. Тбилиси, 1958. *...моя книга стихов...* — Н. Заболоцкий. Стихотворения. М., Гослитиздат, 1957. *С Антологией дело обстоит не блестяще.* — Антология грузинской поэзии. Подготовлена СП Грузии. Редакторы Н. Заболоцкий и А. Межиров. М., Гослитиздат, 1958. *Петровых* Мария Сергеевна (1908—1979) — поэт, переводчик. *Ираклий* Виссарионович *Абашидзе* (р. 1909) — поэт. *Декада* грузинской литературы и искусства состоялась в Москве в марте 1958 г.

А. И. Гитовичу, 15 мая 1957 г. (с. 375). — Печат. по первой публикации: «День поэзии». Л., 1967. *...Вашего Ли Бо...* — Ли Бо. Избранная лирика. Пер. с китайского А. Гитовича. М., Гослитиздат, 1957.

А. К. Крутецкому, 13 июня 1957 г. (с. 376). — Печат. по первой публикации: А. Крутецкий. Солнечная поэма. Л., 1963. *Что касается моего портрета...* — Речь идет о фотографии, которая помещена в сб.: Н. Заболоцкий. Стихотворения. М., 1957. Эту книгу *Н. З.* отправил А. Крутецкому.

С. И. Чиковани, 13 августа 1957 г. (с. 377). — Впервые: *«Дружба».* Печат. по автографу *(Тбилиси). ...твою телеграмму о Чавчавадзе...* — В 1957 г. исполнилось 50 лет со дня смерти и 120 лет со дня рождения И. Чавчавадзе. *Посылаю тебе три перевода твоих стихов.* — «Раковина», «Незнакомка из Зубовки», «На

озере Рица (см. с. 279, 280, 281). *...в маленьком городишке Тарусе.* — Последние два лета своей жизни *Н. З.* провел в Тарусе.

А. К. Крутецкому, 6 марта 1958 г. (с. 377). — Печат. по первой публикации: А. Крутецкий. Солнечная поэма. Л., 1963. *Спасибо за журнал.* — А. Крутецкий прислал журнал «Новый мир», 1958, № 2, в котором помещен его рассказ «Отец и сын» и статья Д. Максимова «О старом и новом в поэзии Н. Заболоцкого».

Борису Ивлеву, Нине Романовой и Юрию Романову, авторам научно-фантастической повести «Завтра было вчера», 15 июня 1958 г. (с. 379). — Печат. по первой публикации: газ. «Заря коммунизма», Петродворец, 1978, 24 июня, (Автограф в музее г. Кирова.) Авторы переслали *Н. З.* рукопись своей повести, к которой эпиграфом взяты 5—12 ст. из стихотв. «Когда вдали угаснет свет дневной» (см. т. 1, с. 231).

А. К. Крутецкому, 15 августа 1958 г. (с. 379). — Печат. по первой публикации: А. Крутецкий. Солнечная поэма. Л., 1963. *Выход первой книжки.,.* — А. Крутецкий. Капля в море, Рассказы и зарисовки, Л., «Советский писатель», 1958.

Е. Заболоцкая, Л. Шубин

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

●

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Важа Пшавела

Стихотворения и поэмы

ИЗ ПОЭЗИИ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Галактион Табидзе

Тициан Табидзе

Георгий Леонидзе

Симон Чиковани

Карло Каладзе

Григол Абашидзе

●

ПИСЬМА 1921—1958

Заболоцкий Н. А.
З-12 Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. Переводы. Из грузинской классической поэзии. Из поэзии Советской Грузии; Письма. 1921—1958 / Сост. Е. Заболоцкой, Н. Заболоцкого; Примеч. Е. Заболоцкой, Л. Шубина; Худож. Д. Шимилис. — М.: Худож. лит., 1984. — 415 с.

В третий том Собрания сочинений Н. А. Заболоцкого вошли переводы стихотворений и поэм Важа Пшавелы, избранные переводы советской грузинской поэзии (Г. Табидзе, Т. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани, К. Каладзе, Г. Абашидзе), а также избранные письма (1921—1958).

З $\frac{4702010200\text{-}178}{028(01)\text{-}84}$ подписное

ББК 84Р7
Р2

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

Редактор
О. НОВИКОВА

Художественный редактор
Е. ЕНЕНКО

Технический редактор
Е. ПОЛОНСКАЯ

Корректоры
Г. КИСЕЛЕВА, О. НАРЕНКОВА

ИБ № 3522

Сдано в набор 29.06.83. Подписано к печати 22.02.84. А 10 530 Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура "Обыкновенная новая» Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 21,81. Уч.-изд. л. 22.49. Тираж 50 000 экз. Изд. № III-792. Заказ № 977.
Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.